

**НАУЧНАЯ ШКОЛА
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**Материалы XV Международной научно-практической
конференции, 23–24 июня 2023 года
(Санкт-Петербург)**

*Ответственные редакторы:
Н.Г. Стойко, В.Ю. Низамов*

RU
science
RUS-SCIENCE.RU
Москва
2024

УДК 343
ББК 67.408+67.52
НЗ4

Рецензенты:

- О.В. Качалова**, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук,
А.В. Кудряцева, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук

Ответственные редакторы:

- Н.Г. Стойко**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук,
В.Ю. Низамов, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук

Члены редколлегии:

- В.Д. Пристанков**, и.о. обязанности заведующего, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук,
Н.А. Сидорова, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук

НЗ4 **Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы XV Международной научно-практической конференции, 23–24 июня 2023 года (Санкт-Петербург): сборник статей / кол. авторов ; отв. ред. Н.Г. Стойко, В.Ю. Низамов. — Москва : РУСАЙНС, 2024. — 326 с.**

ISBN 978-5-466-06733-0

Настоящая работа представляет собой сборник научных статей, подготовленных по итогам XV международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 23–24 июня 2023 года), посвященной актуальным проблемам уголовного процесса и криминалистики. Материалы конференции представлены работами как опытных отечественных и зарубежных ученых и практиков, так и молодых ученых и студентов.

***Ключевые слова:** уголовный процесс, доказательства, специальные знания, защита прав, иностранные государства.*

УДК 343
ББК 67.408+67.52

ISBN 978-5-466-06733-0

© Коллектив авторов, 2024
© ООО «РУСАЙНС», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ	7
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ.....	11
1. Выступления и сообщения отечественных и зарубежных ученых и практиков	11
<i>С.С. Аветисян</i> ОСОБЕННОСТИ СОБИРАНИЯ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО НОВОМУ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ.....	11
<i>Д.З. Бахшиев</i> АПЕЛЛЯЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ИЗРАИЛЯ	16
<i>Ф.Ю. Васильев</i> ПРАВОМЕРНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ СУДОМ.....	23
<i>Е.И. Галяшина</i> СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ: ИМЕЕТ ЛИ НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ СТАТУС ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?	28
<i>Д.В. Глухов</i> ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ	39
<i>Д.А. Гусаров</i> ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ, КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	45
<i>Ю.А. Евстратова</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ	51

<i>В.В. Захаренкова</i>	ПЕРЕСМОТР НЕ ВСТУПИВШИХ И ВСТУПИВШИХ В СИЛУ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	60
<i>Е.В. Коротыш</i>	РАВНЫ ЛИ СТОРОНЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?	77
<i>Н.В. Лантух</i>	УСТАНОВЛЕНИЕ СТАНДАРТА ДОКАЗЫВАНИЯ ДЛЯ ПОДОЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	84
<i>Н.Е. Муллахметова</i>	РЕЦЕНЗИЯ НА ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПОНЯТИЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ.....	92
<i>А.Д. Назаров</i>	СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ ВЛАСТЕЙ ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	101
<i>И.А. Одноколкин</i>	ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПОСМЕРТНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О САМОУБИЙСТВАХ	109
<i>В.В. Петров</i>	ВКЛАД СУДЕБНЫХ МЕДИКОВ В КРИМИНАЛИСТИКУ	116
<i>О.С. Поликарпова</i>	О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗЪЯСНЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДО ВВЕДЕНИЯ ЛИЦА В ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОДОЗРЕВАЕМОГО	125

<i>Т.И. Сайфутдинов, Э.С. Токторов</i>	ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	131
<i>А.И. Семеновский</i>	ПРАВДА И ДОСТОВЕРНОСТЬ В УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ	147
<i>Д.А. Сенькина</i>	ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕДНАМЕРЕННЫХ БАНКРОТСТВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	158
<i>Н.А. Сидорова</i>	РЕВИЗИЯ И ПЕРЕСМОТР РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАК ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ФРАНЦИИ	164
<i>М.А. Смирнов</i>	ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	174
<i>Н.Г. Стойко, И.А. Василье, Н.А. Сидорова, Н.В. Платонова</i>	ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ И ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ	179
<i>С.В. Тетюев</i>	ДОПРОС ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВАХ: ЗНАЧЕНИЕ И НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ	185
<i>А.Г. Трофимик</i>	АПЕЛЛЯЦИОННОЕ И КАССАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ГЕРМАНИИ: КРАТКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	195
<i>Е.А. Чеснокова</i>	АПЕЛЛЯЦИОННЫЙ ПОРЯДОК ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	213

<i>В.С. Шадрин</i>	ПРИЗНАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ.....	234
2. Выступления и сообщения участников молодежной секции		242
<i>Д. Адилов</i>	СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (ЭКСПЕРТ, СПЕЦИАЛИСТ)	242
<i>Т.М. Бараев, Ю.Е. Карсюкова, В.А. Султанова</i>	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	252
<i>Т.М. Бараев, В.А. Султанова, Ю.Е. Карсюкова</i>	ЖИЗНЬ, ГИБЕЛЬ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОСТАНКОВ ВРАЧА Е.С. БОТКИНА	257
<i>В.В. Белов</i>	СОВРЕМЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	263
<i>А.К. Веретенников</i>	ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМАТИКА ИНСТИТУТА	273
<i>В.Э. Пермяков</i>	ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	284
<i>Е.А. Поляков</i>	ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ	293
<i>В.Е. Путилин</i>	ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КАК ПРЕДМЕТ КАССАЦИОННОГО РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ.....	302
<i>Н.А. Трудов</i>	ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ГЕНОЦИДА	312

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

1. УЧЕНЫЕ И ПРАКТИКИ

Аветисян Сержик Сергеевич доктор юридических наук, профессор, судья уголовной палаты Кассационного суда РА, профессор Российско-Армянского университета, председатель армянского представительства Международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», заслуженный юрист РА

Бараев Тагир Михайлович кандидат медицинских наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики, Саратовская государственная юридическая академия

Бахшиев Даниэль Залманович аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Васильев Илья Александрович кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный университет

Васильев Федор Юрьевич кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России

Галяшина Елена Игоревна доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой криминалистики, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Глухов Дмитрий Викторович кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры экономики, организации и управления, Санкт-Петербургский горный университет

Гусаров Дмитрий Анатольевич кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Евстратова Юлиана Айратовна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации

Захаренкова Вера Вячеславовна ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Коротыш Елена Владимировна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Новосибирский государственный университет

Лантух Наталия Викторовна, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России

Муллахметова Наталья Евгеньевна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии

Назаров Александр Дмитриевич доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Одноколкин Игорь Александрович врач судебно-психиатрический эксперт ГКУЗ «Ленинградский областной психоневрологический диспансер», старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Петров Вадим Вадимович кандидат медицинских наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Платонова Наталья Вячеславовна ассистент кафедры гражданского процесса, Санкт-Петербургский государственный университет

Поликарпова Ольга Сергеевна преподаватель кафедры административной деятельности ОВД, Санкт-Петербургский университет МВД России

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович доктор юридических наук,

профессор, проректор по научной работе Кыргызско-Казахского Университета, Кыргызская Республика

Семеновский Андрей Игоревич аспирант, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Сибирский федеральный университет

Сенькина Дарья Александровна аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Сидорова Наталия Александровна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Смирнов Максим Александрович заместитель руководителя первого контрольно-следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Чувашской Республике

Стойко Николай Геннадьевич доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Тетюев Станислав Владимирович кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет

Токторов Эгамберди Самединович кандидат юридических наук, доцент, ректор Ошского Государственного Юридического Института, Кыргызская Республика

Трофимик Александр Геннадьевич кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Сибирский федеральный университет

Чеснокова Екатерина Александровна кандидат медицинских наук, магистр права, доцент кафедры организации здравоохранения и медицинского права Санкт-Петербургского государственного университета

Шадрин Виктор Сергеевич доктор юридических наук, профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

2. УЧАСТНИКИ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ

Адилов Динмухамед студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Белов Владимир Владимирович студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Веретенников Анатолий Константинович студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Карсюкова Юлия Евгеньевна студентка юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

Пермяков Владислав Эдуардович студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Поляков Егор Алексеевич студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Путилин Вадим Евгеньевич студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Султанова Влада Алексеевна студентка юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

Трудов Никита Александрович студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

1. ВЫСТУПЛЕНИЯ И СООБЩЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

Сержик Сергеевич Аветисян

доктор юридических наук, профессор,
судья уголовной палаты Кассационного суда РА,
профессор Российско-Армянского университета,
председатель армянского представительства Международной
общественной организации «Союз криминалистов и криминологов»,
заслуженный юрист РА

ОСОБЕННОСТИ СОБИРАНИЯ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО НОВОМУ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

*Статья посвящена актуальным проблемам и особенностям соби-
рания и оценки доказательств по новому уголовно-процессуальному кодексу
Республики Армения (далее – УПК РА, принят 30.06.2021 г., вступил в силу
с 01.07.2022 г.).*

*В новом кодексе произошли существенные изменения относительно
видов доказательств, предмета доказывания, правил собирания, проверки и
оценки доказательств.*

*Выделяются наиболее спорные положения, предлагаются законо-
дательные изменения и предложения.*

*Ключевые слова: доказательства, доказывание, собирание доказа-
тельств, проверка доказательств, оценка доказательств.*

Serjik S. Avetisyan

Dr. Sci. in Law, Professor
Judge of the Criminal Chamber of the Court of Cassation of the Republic
of Armenia,
Professor of the Russian-Armenian University,
Chairman of the Armenian representative office of the International Public
Organization "Union of Criminologists and Criminologists",
Honored Lawyer of the Republic of Armenia

FEATURES OF THE COLLECTION AND EVALUATION OF EVIDENCE UNDER THE NEW CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

The article is devoted to the actual problems and features of the collection and evaluation of evidence under the new Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia (hereinafter – the Code of Criminal Procedure of the Republic of Armenia, adopted on 30.06.2021, entered into force on 01.07.2022).

The new Code has undergone significant changes regarding the types of evidence, the subject of proof, the rules of collection, verification and evaluation of evidence.

The most controversial provisions are highlighted, legislative changes and proposals are proposed.

Keywords: evidence, proving, collecting evidence, verification of evidence, evaluation of evidence.

В новом УПК РА институт доказательственного права [1, с. 135] претерпел существенные изменения и дополнения. К числу наиболее значимых изменений можно отнести следующие положения:

Во-первых, предусмотрены новые виды доказательств: показания задержанного, мнение эксперта, документы, полученные вне производства по делу (ст. 86). Расширен предмет доказывания: обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер причиненного вреда, обстоятельства, овиожающие от уголовной ответственности и наказания; конкретизирован предмет доказывания по делам несовершеннолетних, о применении принудительных мер медицинского характера (ст. 102).

Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств и иных данных, имеющих значение для производства, в порядке, установленном настоящим Кодексом (ст. 101). Примечательно, что правом собирать и представлять доказательства наделены также частные субъекты производства (обвиняемый, защитник, потерпевший и др.).

Согласно ч. 2 ст. 86 УПК, документы, составленные в результате производства оперативно-розыскных мероприятий или данные, закрепленные на носителях, полученных вне производства по делу, доказательствами по делу не являются.

Однако эти данные, собранные в порядке, предусмотренном Кодексом, могут признаваться доказательствами только в случае, если они получены в результате предупреждения или пресечения предполагаемого преступления или для избличения лица во время совершения преступления или сразу после его совершения.

Однако такие данные не могут использоваться в случае обвинения лица в совершении преступления небольшой или средней тяжести. В случае обвинения в тяжком преступлении такие данные могут использоваться, если они получены в срок не более четырех месяцев до начала производства по делу, а при обвинении в особо тяжком преступлении, – в срок не более восьми месяцев. Такие сроки не применяются при совершении ряда преступлений, предусмотренных в п. 10 ст. 97 (убийство и др.).

Доказательствами являются и те данные, которые получены в рамках международного сотрудничества, если они не противоречат принципу допустимости доказательств (ст. 103).

В ст. 97 детально регулируются правила оценки допустимости доказательств и пределы их ограничения. Интересным является положение о том, что доказательство, полученное публичным участником производства, но с нарушением норм УПК, может быть учтено в пользу обвиняемого, если при этом допущенное нарушение не связано с правомерными интересами других лиц.

Наряду с собиранием и проверкой доказательств, важнейшим и завершающим элементом процесса доказывания является *оценка доказательств*, основанная на таком отраслевом признаке, как свободная оценка доказательств [2, с. 345].

В ст. 22 УПК РА закреплён принцип «*Надлежащее доказывание*».

Согласно данной статье:

1. Любые обстоятельства, имеющие значение для уголовного производства, должны быть подтверждены достаточной совокупностью надлежащих доказательств.

2. Заключительный процессуальный акт должен основываться на свободной и добросовестной оценке исследованных доказательств.

3. Каждое фактическое обстоятельство, лежащее в основе обвинительного приговора, должно быть обосновано таким объемом доказательств, который исключил бы любые обоснованные сомнения относительно его доказанности.

4. Орган, осуществляющий производство, обязан обстоятельно проверить доводы, приведенные в защиту обвиняемого и сформулированные надлежащим образом.

5. Вывод о виновности лица в преступлении не может основываться на предположениях: он должен быть полностью подтвержден взаимосвязанными относимыми, допустимыми, достоверными доказательствами.

6. Признательные показания не могут служить основанием для осуждения лица, если они не были обоснованы достаточными доказательствами, исследованными в рамках надлежащей правовой процедуры.

7. Осуждение обвиняемого при отсутствии достаточных противовесных факторов не может основываться только или преимущественно на показаниях лица, для встречного допроса которого данный обвиняемый или его защитник или представитель не имели возможности.

8. Депонированное показание не может быть положено в основу приговора, если в суде не была исследована его видеозапись в соответствующей части.

В ч. 4 ст. 21 (*Равенство и состязательность сторон*) закреплено важное положение о том, что в основе судебного решения могут быть положены такие доказательства, при исследовании которых участники производства были наделены равными условиями.

Правила оценки доказательств закреплены в ст. 105 УПК. К ним относятся:

1. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а совокупность всех доказательств-достаточности для вынесения обоснованного заключительного процессуального акта.

2. Следователь, прокурор, судья, руководствуясь уголовно-процессуальным законодательством, включая применимые правила о критериях доказывания, оценивают доказательства по внутреннему убеждению, основанному на их надлежащем исследовании и анализе.

3. Никакие данные не имеют заранее установленной и достаточной силы. Судья, а также следователь и прокурор не должны проявлять предвзятое отношение к доказательствам, некоторые из них не должны придавать большее или меньшее значение по отношению к другим, пока они не будут оценены в рамках надлежащей правовой процедуры.

В ст. 106 впервые закреплена *правовая презумпция фактов*, согласно которой:

1. Если в ходе уголовного производства не доказано обратное, то считаются доказанными:

1) общеизвестный факт;

2) правдивость общепризнанных методик современной науки, техники, искусства, ремесла или других сфер;

3) факт, который известен или должен был быть известен лицу в связи с его профессиональными или должностными обязанностями, установленными правовым актом или договором;

4) факт, который известен или должен был быть известен обвиняемому как обстоятельство его исключительной осведомленности.

2. Если участник производства оспаривает достоверность фактов, установленных частью 1 настоящей статьи, то несет обязанность доказать обратное.

В ст. 97 детально регламентируются правила *допустимости доказательств и ограничения их использования*. В частности, закреплено правило о том, что орган, производящий расследование по делу по ходатайству участника производства или по собственной инициативе, обязан своим постановлением удовлетворить или отклонить ходатайство о недопустимости конкретного доказательства (не откладывая рассмотрение ходатайства на неопределенный срок). Аналогичное правило закреплено и в ст. 320, регламентирующей процедуру предварительных судебных слушаний. При этом рассмотрение ходатайства о недопустимости доказательств может быть отклонено до окончания исследования всех доказательств по делу.

Согласно ст. 335 суд в результате рассмотрения ходатайства должен вынести соответствующее мотивированное решение.

Следует отметить, что негативная практика прошлых лет состояла в том, что рассмотрение ходатайства сторон о недопустимости использования конкретных доказательств и их исключении из материалов производства судьи отклоняли и переносили на стадию составления итогового судебного решения по делу.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что доказательственное право по новому УПК РА получило дальнейшее позитивное развитие. Практика применения соответствующих норм УПК, безусловно, будет способствовать развитию теории доказательств, совершенствованию следственной и судебной деятельности.

Список использованных источников

1. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г.И. Загорского. М., 2016.

Даниэль Залманович Бахшиев

аспирант юридического факультета,
Санкт–Петербургский государственный университет

АПЕЛЛЯЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ИЗРАИЛЯ

Уголовный процесс Израиля достаточно слабо изучен российской юридической наукой. Между тем, его организация и правовое обеспечение, специфика которых во многом обусловлена общими особенностями и историческими закономерностями развития израильской правовой системы, представляют существенный интерес с позиции компаративистики. Институт пересмотра судебных актов в уголовном судопроизводстве является собой яркий пример израильской правовой идентичности. В нем сочетается как «классическое» правопонимание процедур обжалования судебных решений по уголовным делам, так и уникальные формы пересмотра судебных актов. В апелляции по уголовно–процессуальному праву Израиля подобная самобытность прослеживается в полной мере. Исследуя израильское право, возможно усмотреть особый подход к дифференциации апелляции на виды, выявить новое воззрение на, казалось бы, классическое понимание о праве на обжалование судебных решений. Потому настоящее исследование выступает неким шагом к устранению пробела в современном российском сравнительном уголовно–процессуальном праве и призвано ознакомить с общими положениям об апелляции в уголовном процессе Израиля.

Ключевые слова: уголовный процесс Израиля; пересмотр судебных актов; ординарные виды пересмотра судебных актов; апелляция в уголовном процессе Израиля; виды апелляции в уголовном процессе Израиля.

Bakhshiev Daniel Zalmanovitch

postgraduate student of the Faculty of Law
Saint Petersburg State University

APPEALS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF ISRAEL

The criminal process of Israel is rather poorly studied by Russian legal science. Meanwhile, its organization and legal support, the specificity of which is largely due to the general features and historical patterns of development of the Israeli legal system, are of significant interest from the standpoint of comparative studies. The institution of judicial review in criminal proceedings is a prime example of Israeli legal identity. It combines both the «classical» legal understanding of the procedures for appealing court decisions in criminal cases, and unique forms of review of judicial acts. In the appeal under the criminal procedure law of Israel, such originality can be traced in full. Exploring Israeli law, it is possible to see a special approach to the differentiation of appeal by types, to reveal a new view on the seemingly classical understanding of the right to appeal court decisions. Therefore, this study is a kind of step towards eliminating the gap in modern Russian comparative criminal procedure law and

is intended to familiarize with the general provisions on appeal in the Israeli criminal process.

Keywords: Israeli criminal process; revision of judicial acts; ordinary types of revision of judicial acts; appeal in the criminal process of Israel; types of appeal in the criminal process of Israel.

Израильскому уголовно–процессуальному праву известны обычные и экстраординарные процедуры пересмотра судебных актов. К числу первых следует отнести апелляцию и повторное судебное разбирательство, а в числе вторых выделяются дополнительное слушание и обращение в Высокий суд справедливости (в исключительных случаях). Апелляция определяется в ее традиционном понимании как обжалование в установленном законом порядке судебного решения, вынесенного по уголовному делу, в суд вышестоящей инстанции. Однако, нетипичной выступает дифференциация апелляции на виды «по праву» и «с разрешения».

До того, как перейти к их характеристике, важно уточнить, что в теории израильского уголовного процесса существует концепция воплощений судебного разбирательства, которая предполагает, что первым воплощением судебного разбирательства выступает рассмотрение дела судом первой инстанции, вторым воплощением является пересмотр уголовного дела в порядке апелляции «по праву», а третьим воплощением выступает пересмотр уголовного дела в порядке апелляции «с разрешения». Подобная специфика правопонимания опосредует содержание не только самой апелляции, но и в целом института пересмотра судебных актов. Потому кратко охарактеризуем его концептуальную основу.

Прежде всего, израильские процессуалисты безоговорочно признают действие универсального правила об окончательности судебного решения, которое рассматривается ими как некий сдерживающий фактор, созданный судебным актом [6, с. 227]. Элемент сдерживания предполагает недопустимость «бесконечного» пересмотра судебного акта, обусловленного лишь субъективным несогласием участника уголовного судопроизводства с принятым решением. Одновременно с этим окончательность судебного решения не должна нивелировать действие фундаментального принципа справедливости, одним из проявлений которого является обязательность исправления судебной ошибки, если таковая была допущена при принятии решения.

Следовательно, правовое обеспечение пересмотра судебных актов должно существовать в условиях баланса между постулатами об окончательности судебного решения и обязательности исправления

судебных ошибок. Потому, обжалование судебных актов в Израиле характеризуется, с одной стороны, доступностью (каждый участник уголовного судопроизводства имеет право на обжалование судебного решения в порядке апелляции «по праву»), но с другой стороны – ограниченностью, ведь последующий пересмотр судебного акта возможен только при наличии исключительных обстоятельств.

Право на апелляцию «по праву» (судебное разбирательство во втором воплощении) проистекает из положений ст. 17 Основного закона: судебная власть [1]. Оно характеризуется конституционно–правовой природой, выступает неотъемлемым, принадлежит каждому участнику уголовного судопроизводства. Поскольку в Израиле нет единой Конституции, актами конституционно–правового значения являются одновременно несколько Основных законов, регулирующих наиболее значимые группы общественных отношений, а акты официального толкования, осуществляемого Верховным Судом Израиля, расширяют и дополняют их содержание. Здесь важно сделать оговорку, которая будет иметь значение и для дальнейшего повествования, о том, что Израиль является государством с так называемой «гибридной» или «смешанной» правовой системой, сочетающей в себе признаки общего и континентального права. Потому закон и прецедент в равной степени выступают источниками права. Указанное подтверждается положениями ст. 20 Основного закона: судебная власть, регламентирующими, что решения судов вышестоящих инстанций обязательны для судов нижестоящих инстанций, а решения Верховного Суда Израиля обязательны для судов всех уровней, кроме самого Верховного Суда (при этом термин «решение» применяется в смысле правило о правопонимании или правоприменении).

Конституционно–правовая природа апелляции «по праву» обуславливает отсутствие каких–либо правовых барьеров или специфических требований для реализации данного правомочия. Напротив, для апелляции «с разрешения», которая хоть и относится к числу ординарных способов пересмотра судебных актов в уголовном судопроизводстве, свойственны условия, образующие право на ее реализацию. По смыслу положений уголовно–процессуального законодательства и практики Верховного Суда Израиля, к числу таких условий необходимо относить: 1) факт реализации права на апелляцию «по праву», то есть прохождение делом этапа второго воплощения судебного разбирательства; 2) лицом, желающим обжаловать решение, принятое судом во втором воплощении, получено разрешение на пересмотр дела в третьем воплощении.

Интерес представляет то, что реализация апелляции «с разрешения» возможна только тогда, когда дело по первой инстанции рассматривалось мировым судом. Подобная ситуация складывается исходя из того, что в Законе о судах (комбинированная версия) 1984 года [2] установлено: решения мировых судов обжалуются в районный суд, а решения районных судов, принятые как по первой инстанции, равно и в порядке апелляции обжалуются в Верховный Суд. То есть, если Верховный Суд рассматривал апелляционную жалобу на решение, принятое районным судом по первой инстанции, дальнейшее движение по делу в порядке апелляции невозможно, поскольку решения Верховного Суда обжалованию в апелляционном порядке не подлежат, а потому они могут быть пересмотрены только в повторном судебном разбирательстве или в дополнительном слушании самим Верховным Судом.

Основание для реализации апелляции «с разрешения» определены прецедентным правом Израиля. В деле *Hanion Haifa Ltd. v. Matzat Or (Nadar Haifa) Ltd.* 103/82 [8] было установлено, что для повторного апелляционного обжалования и пересмотра дела в третьем воплощении в нем должен усматриваться существенный общественный интерес. О наличии существенного общественного интереса может свидетельствовать, например, то, что при рассмотрении и разрешении уголовного дела затрагивались проблемные вопросы конституционного значения или те юридические вопросы, которые не нашли прямого отражения в законодательных актах; в решениях судов по схожим делам усматривают противоречия и т. д. В ином случае продолжение рассмотрения тех вопросов, которые уже дважды обсуждались в первом и во втором воплощениях, нарушало бы постулат об окончательности судебного решения.

Именно потому, что перечень обстоятельств, свидетельствующих об общественном интересе уголовного дела, является открытым, израильское законодательство предусматривает процедуру подачи запроса на апелляцию «с разрешения». Регламентация соответствующей процедуры осуществляется статьями 44д–44г Уголовно-процессуальных положений 1974 года [3], выступающих неким правовым документом, расширяющим и дополняющим положения основного источника уголовно-процессуального права Израиля – Уголовно-процессуального закона (комбинированная версия) 1982 года [4].

Для реализации апелляции «по праву», как было указано ранее, соблюдение каких-либо специальных условий не требуется, ведь это естественное и неотъемлемое право каждого участника уголовного судопроизводства. Только в ст. 203 Уголовно-процессуального закона

(комбинированная версия) 1982 года установлено, что основанием для отказа в удовлетворении апелляционной жалобы, поданной во втором воплощении, выступает ее немотивированность, то есть отсутствие указания на причины, которые заявитель считает важными для пересмотра решения.

Предметом апелляционного обжалования в уголовно–процессуальном праве Израиля являются как не вступившие в законную силу решения, принятые судами по существу дела (итоговые решения), так и промежуточные решения. Точнее будет говорить о том, что промежуточные решения по общему правилу самостоятельно не обжалуются. Например, в деле *Kalifa Cohen v. State of Israel 8277/20* [9] по данному поводу представлено резюме: уголовный процесс Израиля нацелен на эффективное и быстрое завершение уголовного разбирательства, а обжалование всех без исключения промежуточных решений существенно его затянет. Но из этого правила существует достаточно широкий ряд исключений: решения суда, ведущие к окончанию производства по уголовному делу, но не являющиеся приговором; решения, разрешающие отвод судьи; решение, принятое по заявлению об ознакомлении с материалами расследования и т. д. В деле *State Israel v. Soand–so 3996/15* [11] указывается, что самостоятельно обжалуемые промежуточные решения разрешают вопросы, лежащие в основе уголовного судопроизводства.

Правом апелляционного обжалования в уголовном процессе Израиля наделяются участники уголовного судопроизводства в широком понимании данного термина. В деле *Mahmoud Sari Hassan v. the State of Israel 658/88* [10] Верховный Суд постановил, что право на апелляцию должно принадлежать не только сторонам уголовного процесса, но и тем лицам, которые формально не являются сторонами процесса, однако чьи права и законные интересы затрагиваются судебным решением.

Срок на подачу апелляционной жалобы дифференцируется в зависимости от типа апелляции. Если речь идет об апелляции «по праву», то, согласно ст. 199 Уголовно–процессуального закона (комбинированная версия) 1982 года, срок составляет 45 дней со дня вынесения решения (или со дня объяснения судом мотивов). В отношении апелляции «с разрешения» срок на обжалование исчисляется таким образом, что на подачу запроса на разрешение на апелляцию отводится 45 дней со дня вынесения судом решения или объяснения мотивов, а после – 30 дней со дня вынесения решения по запросу о разрешении на апелляцию на подачу самой апелляционной жалобы.

Пропущенный срок на подачу апелляционной жалобы может быть восстановлен при наличии уважительных причин, конкретизация которых законом не осуществляется. Анализ прецедентной практики свидетельствует о том, что в качестве таких причин, как правило, рассматриваются: болезнь, трудные жизненные ситуации, препятствующие своевременной подаче апелляционной жалобы, а в некоторых случаях – нетипичные обстоятельства, независящие от самого заявителя. Например, известен факт, когда пропуск срока был обусловлен не направлением адвокатом заявителя конверта с апелляционной жалобой в суд [7]. И суд, рассматривавший заявление о восстановлении срока, счел данный факт уважительной причиной, указав, что ошибка адвоката не может выступать основанием к лишению лица его законного права на реализацию апелляционного обжалования.

Наконец, в израильской правовой доктрине указывается, что по общему правилу суд апелляционной инстанции не вмешивается в фактические выводы и выводы о достоверности доказательств, которые ранее устанавливались в судебном заседании предшествующего воплощения [5, с. 43]. Однако прямых ограничений пределов действия суда апелляционной инстанции законом не установлено, потому в рамках апелляции суд может рассматривать дело полностью и по существу. В подтверждение такого вывода следует привести положения ст. 212 Уголовно–процессуального закона (комбинированная версия) 1982 года, устанавливающие право суда апелляционной инстанции при исследовании новых или уже имеющихся в деле доказательств как поддерживать выводы суда предыдущей инстанции, так и признать их ошибочными.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что фундаментальных различий в правопонимании института апелляции в уголовном процессе Израиля и Российской Федерации не усматривается. Однако подход, применяемый израильским законодателем к дифференциации апелляции на виды через реализацию концепции воплощений судебного разбирательства, представляет научный интерес и может в перспективе учитываться российской юридической наукой. Это весьма нетривиальный подход, который позволяет достичь необходимого баланса между окончательностью судебных решений и обязательностью исправления судебных ошибок. Он, с одной стороны, предоставляет достаточно широкие возможности в реализации права на обжалование судебных решений в форме апелляции «по праву», но с другой – препятствует объективно немотивированным попыткам обжалования

правосудных решений по уголовным делам путем регламентации разрешительного порядка рассмотрения дела в третьем воплощении.

Список использованных источников

1. Основной закон: судебная власть [Электронный ресурс] // Юридическая база данных «Nevo». URL: <https://www.nevo.co.il/>.
2. Закон о судах (комбинированная версия) 1984 г. [Электронный ресурс] // Юридическая база данных «Nevo». URL: <https://www.nevo.co.il/>.
3. Уголовно–процессуальные положения 1974 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Кнессета. URL: <https://main.knesset.gov.il/>.
4. Уголовно–процессуальный закон (комбинированная версия) 1982 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Кнессета. URL: <https://main.knesset.gov.il/>.
5. Levy M. The Risk of Wrongful Convictions in Israel: Key Factors and Suggestions for Reducing it – in the wake of the book by Boaz Sangero «Convicting the Innocent: Causes and Solutions» // Netanya Law Review. 2015. pp. 11–66.
6. Sanjero B. The conviction of innocents in Israel and around the world causes and solutions. Tel Aviv: Wrestling, 2014. 299 p.
7. Decision on a Request for an Extension of the Filing Period 9481/12 – A [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Верховного Суда Израиля. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
8. Hanion Haifa Ltd. v. Matzat Or (Hadar Haifa) Ltd. 103/82 [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Верховного Суда Израиля. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
9. Kalifa Cohen v. State Israel 8277/20 [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Верховного Суда Израиля. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
10. Mahmoud Sari Hassan v. State Israel 658/88 [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Верховного Суда Израиля. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.
11. State Israel v. So–and–so 3996/15 [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал Верховного Суда Израиля. URL: <https://supreme.court.gov.il/>.

ПРАВОМЕРНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ СУДОМ

Статья посвящена возможности использования доказательств при избрании мер пресечения судом. Автор констатирует, что несмотря на то, что в уголовно-процессуальном законе не предусмотрена оценка доказательств при избрании мер пресечения, сложившаяся судебная практика допускает возможность оценки доказательств по уголовному делу при принятии подобных решений на досудебных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование, оценка доказательств, избрание мер пресечения.

Fedor Yurievich Vasiliev

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LEGALITY OF THE USE OF EVIDENCE WHEN CHOOSING A PREVENTIVE MEASURE BY THE COURT

The article is devoted to the possibility of using evidence in the election of preventive measures by the court. The author states that despite the fact that the Criminal Procedure Law does not provide for the evaluation of evidence when choosing preventive measures, the established judicial practice allows for the possibility of evaluating evidence in a criminal case when making such decisions at the pre-trial stages of the criminal process.

Keywords: criminal process, preliminary investigation, evaluation of evidence, election of preventive measures.

Когда осуществляется предварительное расследование, вопрос о виновности или не виновности привлечённого в качестве подозреваемого (обвиняемого) еще до конца не решен. По этой причине законодатель, защищая интересы личности, в качестве задач избрания мер пресечения определил возможность применить ограничение прав и свобод, изложенных в Конституции РФ (ст. 22), для обеспечения задач уголовного судопроизводства. Таковыми являются обеспечение явки подозреваемого (обвиняемого) к следователю (дознавателю) и недопущение незаконного воздействия на других участников судопроизводства.

Инициатором избрания мер пресечения является следователь или дознаватель, который задействует специальные процедуры возбуждения перед судом соответствующих ходатайств с согласия руководителя следственного органа или прокурора.

В ходатайстве органа предварительного расследования должны быть изложены мотивы и основания, которые должны опираться на собранные доказательства по уголовному делу, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу или в другой мере пресечения, избираемой на основании судебного решения.

Суд, рассматривая просьбу органа предварительного расследования в условиях состязательности, изучает доводы органа предварительного расследования о целесообразности избрания меры пресечения. Сторона защиты же вправе возражать против удовлетворения ходатайства, представляя суду свои доводы об отсутствии оснований для избрания мер пресечения.

Собирание, проверка и оценка доказательств, то есть процесс доказывания, осуществляется уполномоченными на то лицами в течение расследования уголовного дела с момента его возбуждения до окончания судебного разбирательства (ст. 85 УПК РФ). Из этого следует, что при принятии решения об избрании меры пресечения суд, проверяя обоснованность заявленного органом предварительного расследования ходатайства, дает оценку доказательствам, представленным стороной обвинения для обоснования ходатайства суду об избрании меры пресечения.

Следует отметить, что законодатель, определяя порядок избрания мер пресечения, заменяет термин «доказательства» на «материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства» (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). Пленум Верховного Суда РФ, посвященный порядку избрания мер пресечения судами [3], дает рекомендация судам «убедиться в достаточности данных об имевшем место событии преступления и о причастности к нему подозреваемого. Однако суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступлении».

Ученые процессуалисты [2, с. 30-37] приходят к выводу, что избрание мер пресечения суд оценивает на основе внутреннего убеждения (ст. 17 УПК РФ) по правилам оценки именно (ст. 88 УПК РФ) доказательства. Несмотря на то, что в законе указано, что исследуются некие «материалы, подтверждающие необходимость избрания мер пресечения», при рассмотрении вопроса об избрании мер пресечения суд оценивает на основе внутреннего убеждения именно доказательства.

Терминологическая подмена, мы полагаем, осуществлена законодателем намеренно, чтобы у сторон не возникло предубеждение о высказывании судом мнения о виновности или не виновности подозреваемого.

Терминологическая путаница вносит сумятицу в то, как называть информацию, представленную в обосновании избрания меры пресечения: «доказательствами» или «материалами, обосновывающими заявленное ходатайство», не заслуживала бы внимания, если бы не вносила сумятицу в обоснование решений, принимаемых судами по данному вопросу.

Данные обстоятельства неоднократно заставляли участников уголовного судопроизводства, участвующих в рассмотрении данных ходатайств, в том числе судей, принимающих решения, обращаться в Конституционный Суд РФ за разъяснением по данным вопросам.

Конституционный Суд РФ, рассматривая такие обращения, трактовал допустимость использования доказательств при избрании меры пресечения по-разному.

Так, в ряде своих решениях Конституционный Суд РФ [4] указывает, что суды при рассмотрении данных ходатайств не вправе исследовать вопросы о достаточности или не достаточности доказательств, собранных органом предварительного расследования и представленных в суд.

Таким образом, судья, принимавший участие в рассмотрении дела и высказавший свое мнение относительно установленных по нему фактических доказательств, не может повторно участвовать в исследовании и оценке тех же обстоятельств, поскольку это ставит под сомнение объективность и беспристрастность судьи. На данную позицию, высказанную Конституционным Судом РФ, ориентируются чаще судьи апелляционной инстанции при отмене решений нижестоящих судов об избрании мер пресечения [5].

Однако в других решениях [6] по этому же вопросу, Конституционный Суд РФ отмечал в своих решениях, что беспристрастность и независимость суда не может нарушаться тем, что суд, принимающий решение об избрании меры пресечения, обосновывает его ссылкой на собранные стороной обвинения доказательства, по причине того, что эти решения по существу уголовного дела (приговор и решение об избрании меры пресечения) имеют различную фактическую основу и различное предназначение. Это дало основание Верховному Суду РФ при рассмотрении кассационного представления заместителя Генерального прокурора РФ не согласиться с доводами суда апелляционной

инстанции о невозможности использования доказательств при избрании мер пресечения на стадии предварительного расследования [7].

Данная позиция Верховного Суда РФ о возможности использования доказательств при избрании мер пресечения нам представляется предпочтительнее и разумнее, чем позиция судов апелляционной инстанции. На это же указывают положения уголовно-процессуального законодательства и нижеуказанные рекомендации, данные в отдельных Пленумах Верховного суда РФ.

Так, нормы уголовного судопроизводства, предусматривающие возможность обжаловать решения стороны обвинения во время предварительного расследования, допускают возможность исследования доказательств, собранных органами предварительного расследования при принятии решений судами (ч. 2 ст. 125¹ УПК РФ), разъяснения профильного пленума Верховного Суда РФ [8] говорят о возможности исследования доказательств, имеющих в материалах уголовного дела.

Учитывая, что рассмотрение судом ходатайств стороны обвинения об избрании мер пресечения и обжаловании решений, принятых органом предварительного расследования, имеют сходную правовую природу, не посягают на исключительную компетенцию суда отправлять правосудие, в судебных стадиях уголовного судопроизводства, мы полагаем допустимым, чтобы суды при рассмотрении ходатайств судом об избрании мер пресечения исследовали доказательства, имеющиеся в материалах уголовного дела.

Список использованных источников

1. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. М., 2008.
2. Махтук С. О. Как суд оценивает допустимость доказательств: 13 правовых позиций // Уголовный процесс. 2023. № 6.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 2. февраль 2014.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 года № 5-П по жалобам Борисова В.К., Кехмана Б.А. и др. // Вестник Конституционного Суда РФ, N 4, 1999; Определение Конституционного Суда от 01.03. 2012 года № 426-О-Щ по жалобе Габбасова М.Р. // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. N 3.
5. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда РФ № №22-233/2023 (22-9491/2022) от 14.02.2023 по уголовному делу в отношении Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 и ч. 3 ст. 162 УК РФ // Архив Санкт-Петербургского городского суда за 2023 год.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 года N 20-П по жалобе Гуральника А.А, Жевченко А.Ю. и др. // Вестник Конституционного Суда РФ, N 5, 1998.
7. Кассационное определение Верховного Суда РФ №33-УДП23-7-К3 от 21.03.2023 по уголовному делу по обвинению В. на кассационное представление заместителя Генерального прокурора РФ//Архив Верховного Суда РФ за 2023 год.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» //Бюллетень Верховного Суда РФ, N 4, апрель, 2009

Елена Игоревна Галяшина

доктор юридических наук, доктор филологических наук,
профессор, и.о. заведующего
кафедрой криминалистики,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ: ИМЕЕТ ЛИ НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ СТАТУС ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?

Статья посвящена дискуссионным вопросам использования специальных юридических знаний в уголовном процессе. Полагая, что к специальным юридическим знаниям можно отнести знания в области криминалистики, криминологии, судебной экспертологии, как юридических наук, а также смежных с юриспруденцией наук (юрислингвистики, юридической психологии, судебного речеведения и др.), автор выступает за расширение понятия специальных знаний, инкорпорировав отдельные юридические знания, но исключив те, применение которых в уголовном судопроизводстве относится к исключительной прерогативе субъекта доказывания. Обращаясь к проблемам использования результатов применения специальных юридических знаний как доказательств, автор критически оценивает дискуссионные позиции ученых, исключающих возможность использования криминалистических знаний как специальных. Особое внимание уделяется возможности использования в качестве источника доказательств научно-правового заключения в статусе иного документа и заключения специалиста, дающего криминалистическую оценку содержательной части заключения эксперта.

Ключевые слова: специальные знания; юридические знания, криминалистика, судебная экспертология, заключение специалиста; научно-правовое заключение

Elena I. Galyashina

Dr. Sci. in Law, Dr. Sci. in Philology, Acting
Head of the Department of Criminalistics
Kutafin Moscow State University

SPECIAL LEGAL KNOWLEDGE: DOES THE SCIENTIFIC AND LEGAL CONCLUSION HAVE THE STATUS OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS?

The article is devoted to the controversial issues of special legal knowledge engaged in criminal proceedings. Believing that special legal knowledge can include knowledge in the field of criminalistics, criminology, forensic expertise as legal sciences, as well as sciences related to jurisprudence (legal linguistics, legal psychology, forensic speech science, etc.), the author advocates expanding the concept of special knowledge by incorporating certain

legal knowledge, but excluding those whose application in criminal proceedings belong to the exclusive prerogative of the law enforcement officer. Turning to the challenges of using as evidence the results of special knowledge application the author critically assesses the controversial positions of scientists who exclude the possibility of using a scientific and legal conclusion as evidence in the status of another document. Particular attention is paid to the possibility of using as a source of evidence the conclusion of a forensic specialist (a criminalist), who gives a criminalistic assessment of expert opinions collected in the criminal case.

Keywords: special knowledge; legal knowledge, criminalistics, criminology, expert science, conclusion of a criminalist specialist; scientific and legal conclusion

Специальные знания, исходя из своего доктринального определения, могут относиться к области любой науки, техники, искусства или ремесла [17, с. 10-13], включая и юридические науки. Законодательного запрета отнесения юридических знаний к специальным нет. Понятийный смысл и процессуальное значение специальных знаний в уголовном судопроизводстве определяются способностью заключения и показания эксперта (специалиста) содержать сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст.74 УПК РФ). Исходя из положений главы 27 УПК РФ отнесение знаний к специальным является прерогативой субъекта судопроизводства, принимающего процессуальное решение о назначении по делу судебной экспертизы или привлечении специалиста, когда он считает, что сам не располагает знаниями, которые ему необходимы для установления фактов, имеющих значение доказательств и принятия соответствующего решения, связанного с процессом доказывания.

В отсутствии легальной дефиниции вопрос отнесения тех или иных знаний к специальным в аспекте их использования для целей судопроизводства соответствующим субъектом (экспертом или специалистом) большинством исследователей рассматривается через критерии: эксклюзивности или «элитарности» (необщедоступности/необщезвестности); приобретаемости в процессе целенаправленного обучения по конкретной специальности и практического опыта; нахождения вне компетентности субъекта доказывания (исключения знаний в области права, связанных с уголовно-правовой оценкой деяния и с принятием решений процессуального характера, т.е. априори исключаются те юридические знания, которые составляют исключительную компетенцию органов предварительного расследования и суда).

Проблема использования отдельных юридических знаний как специальных не нова. Этому вопросу уделялось немало внимания в научной и методической литературе [14, с.12-13; 14]. Тем не менее категория «специальные юридические знания» продолжает будоражить умы ученых и практиков.

Возможность отнесения юридических знаний к специальным и назначения так называемых правовых экспертиз по уголовным делам была детально рассмотрена А. А. Эксархопуло [18, 19], который ее обосновывал в том числе динамичным развитием права и законодательства, объем изменений которых органы предварительного расследования и суд не в состоянии профессионально воспринимать и компетентно реализовывать на практике.

Эту позицию поддержала Е.Р. Россинская, подчеркнув, что незнание следователями и судьями тонкостей современного законодательства зачастую приводит к «развалу» уголовного дела. «И причина здесь не в их некомпетентности, не в том, что они не воспользовались какой-то справочной литературой. Она в том, что для ответов на возникающие вопросы недостаточно найти нужный нормативный акт и изучить его, но во многих случаях необходимо провести исследование, основанное на специальных знаниях...Представляется, что назрела необходимость узаконить производство правовых (или юридических) экспертиз в тех случаях, когда для установления истины по уголовному или гражданскому делу, делу об административном правонарушении необходимы исследования с применением специальных юридических знаний, которыми не обладает следователь, суд или лицо, рассматривающее административное правонарушение» [13, с.17]. «По прошествии времени в современной судебной практике уже не ставится под сомнение возможность назначения судебно-бухгалтерских, автотехнических экспертиз, ревизий, документальных проверок и других исследований, по результатам которых лицо, обладающее специальными познаниями, дает оценку соблюдения теми или иными лицами нормативных предписаний. В этой связи нельзя безапелляционно отвергать возможность познаний в «узких» правовых вопросах» [12, с. 314-315]. Знания нормативных и нормативно-технических актов нередко признаются специальными и используются для установления фактов, имеющих доказательственное значение в различных видах судопроизводства. В то же время отнесение юридических знаний к специальным без их конкретизации вряд ли является обоснованным.

Очевидно, что в эпоху глобальной информатизации и цифровизации юридические науки сегодня переживают активную фазу транс-

формации [2], интегрируя в сферу правовых отраслей и институтов новые прорывные знания в информационно-телекоммуникационных технологиях, мультилингвальной, финансово-экономической и коммуникативной онлайн-практиках, технологиях искусственного интеллекта и др.

Бесспорно, что для современной науки характерно совмещение двух противоположных тенденций – возрастающей дифференциации и тесной интеграции различных отраслей науки. Симбиоз юридических и естественно-научных, гуманитарных знаний способен породить синергический эффект нового знания, позволяющего получать новые доказательства в уголовном судопроизводстве. Специалистов двойной юрико-лингвистической, юрико-психологической компетенции сегодня активно привлекают для консультаций по уголовным делам для толкования отдельных норм материального права, разъяснения вопросов на стыке языка и права, права и психологии.

Проведение научно-правового консалтинга сегодня наиболее востребовано по делам об экстремизме, терроризме, оскорблении чувств верующих, дискредитации вооруженных сил, диффамации и оскорблении и других правонарушениях, совершаемых посредством распространения информационных продуктов в медиасреде и в том, числе в интернете. Это те категории дел, которые в своем большинстве имеют значительный общественный резонанс, влияют на дестабилизацию общественного порядка, повышают общий градус напряжения в обществе.

Правовой анализ криминогенности информационной продукции помогает правоохранительным органам получить объективную критериологию, позволяющую выявлять, пресекать, предупреждать правонарушения, совершаемые в информационной среде. Использование специальных юридических знаний в сфере криминологии может быть направлено на выявление признаков противоправного девиантного поведения в медиапространстве и пресечение распространения идеологии экстремистско-террористического толка, в первую очередь, в молодежной среде как наиболее восприимчивой к воздействию различных вредоносных техник манипулирования индивидуальным и групповым сознанием.

Поэтому обоснованность, правильность и справедливость принимаемого правоприменителем решения по информационному материалу, во многом зависят от наличия специальных юридических знаний для выявления деструктивной идеологии, научно-методического подхода к технологии выявления информационных правонарушений, зна-

ний норм права, регламентирующих оборот информационной продукции в медиасреде, включая и интернет. Нередко правовые заключения кладутся в основу решения судов о признании информационных материалов экстремистскими по административным исковым заявлениям прокуроров [4, 6, 7]. Они основаны на специальных юридических знаниях и представляют собой аргументированную позицию специалистов относительно тонкостей современного законодательства в области информационного и иных отраслей права, а также методологии криминалистики и экспертологии, позволяющие определить диагностически значимые специфические маркеры принадлежности информационного контента к криминогенному деструктивному дискурсу.

В этой связи уже не вызывает дискуссии вопрос об отнесении к специальным знаниям в области пограничных или смежных с юриспруденцией таких прикладных наук как судебное речеведение, юрислингвистика, юридическая психология и др. [9, 16]. Так, судебное речеведение представляет собой интегративную область специальных синтетических научно-практических знаний о речевой деятельности и ее результатах (продуктах), подвергаемых экспертному исследованию в целях содействия в установлении фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [5, с.11].

Ряд ученых полагает, что профессиональными знаниями следователя (судьи) являются не все правовые знания, а знания, прежде всего уголовного права, уголовного процесса, криминалистики. Другие полагают, что познания в области криминалистической техники можно считать специальными [11, с. 74]. Очевидно, что отнесение всей сферы криминалистики к исключительной компетенции субъекта доказывания, сомнительно.

Еще в 1931 г. Э. Локар писал: «Расследование преступлений столь же старо, как человеческое общество, и исторически представляет собой долгую погоню за трудноуловимой истиной. Ни в какой другой области, однако, необходимость доказательств не была столь очевидна, как здесь, потому что здесь дело идет не о каких-либо умозаключительных построениях. Ошибка трагична, когда она затрагивает честь, свободу, жизнь, а ни в одной области человеческое мышление не было так склонно к ошибкам. То обращаясь к мистическим силам, то пытаясь найти твердое и верное решение в разуме, то добиваясь жесточайшими средствами сознания обвиняемого, правосудие убедилось, наконец, что собранные им ордалии, свидетельские показания и вырванные признания – слабые доказательства. Теперь оно ищет новых гарантий истинности в научных методах» [10, с. 8].

Для того, чтобы следы преступления стали надежными доказательствами по уголовному делу, они должны быть обнаружены, надлежащим образом зафиксированы, в полном объеме собраны, исследованы, оценены и использованы компетентными лицами. Процесс поиска, собирания, исследования, оценки и использования следов преступления также подчиняется определенным закономерностям, изучаемым криминалистикой. В этой связи очевидно, что знания в области криминалистической техники вполне можно отнести к специальным. Криминалистика как юридическая наука прикладного характера выступает в качестве исходного средства познания действительности, обеспечивающего получение доказательственной информации, формирует спектр специальных знаний эксперта и специалиста. Получение криминалистически значимой информации о выявленных и собранных следах в ходе осмотра места происшествия в форме заключения специалиста, может выступать научно-практической основой для правильного разрешения уголовно-правовых задач и принятия обоснованных уголовно-процессуальных решений.

К числу специальных юридических знаний вполне можно отнести и знания в сфере теории судебной экспертизы (судебной экспертологии) как особой юридической науки, базирующейся на синтезе гуманитарных и естественно-научных знаний, преломленных через призму их применимости для целей уголовного судопроизводства.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) "О судебной экспертизе по уголовным делам" обращено внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Также дано официальное толкование, разграничивающее компетенцию эксперта и правоприменителя: постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место – убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается. Перед экспертом не могут быть также поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, оч-

ной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио– или видеозаписи, поскольку в соответствии со статьей 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Полученное в суде, а также в ходе досудебного производства по уголовному делу заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о достоверности показаний допрошенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу.

Однако правоприменитель все чаще сталкивается с ситуацией, когда в уголовном процессе противоречащие друг другу заключения могут давать не только эксперты, но и специалисты, привлеченные разными сторонами: и защиты, и обвинения. Особенно это проблема актуальна для практики судебной лингвистической экспертизы. Помочь суду разобраться с разными точками зрения филологов (лингвистов), зачастую представляющих разные научные школы, использующих разные методы и методики, выискивающих процессуальные, методические и гносеологические ошибки друг у друга, донести до правоприменителя сущность совершенного посредством речевого действия правонарушения вполне может сведущее в судебной экспертологии лицо, дающее разъяснение в форме научно-консультативного заключения. Такое заключение должно быть осуществлено лицом, обладающим специальными юридическими знаниями, основано на комплексном научно-практическом исследовании спорных информационных продуктов и материалов дела, включая проведенные экспертизы и внесудебные исследования языковедов, представленные разными сторонами по делу. Очевидно, что филологи, пишущие друг на друга рецензии, не имеющие юридического образования, не обладают специальной компетенцией в области криминалистики и судебной экспертологии, выходят за пределы своих специальных знаний, а потому их заключения отвергаются правоприменителем как содержащие оценку заключения эксперта как доказательства.

Конституционный Суд в Определении № 6-О/2023 от 31 января 2023 г. по жалобе на п. 3.1 ч. 2 ст. 74 «Доказательства» и ч. 3 ст. 80 «Заключение и показания эксперта и специалиста» УПК РФ подчеркнул, что УПК РФ не наделяет специалиста полномочиями по оценке экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований. Специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде (что отражается в протоколе судебного заседания), так и в виде заключения (которое приобщается к материа-

лам дела). Суждение специалиста не может подменить собой заключение эксперта.

Тем не менее обладающие специальными юридическими знаниями специалисты, компетентные в судебной экспертологии и криминалистике, привлекаемые стороной защиты для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, могут способствовать получению научно-обоснованных доводов, опровергающих заключение судебной экспертизы, положенных в основу ходатайства о производстве дополнительной либо повторной экспертизы.

Соответственно современная теория судебной экспертологии, будучи юридической наукой синтетической природы, позволяет комплексно с научных позиций исследовать проблемы судебно-экспертной деятельности, выявлять ошибки и недочёты применения экспертных технологий, стандартов экспертных компетенций, сертифицированных экспертных лабораторий, судебно-экспертных методик и т.д., тем самым помогать доведению до суда позиции стороны, опровергающей заключение эксперта.

Это означает, что запрет на применение в уголовном процессе юридических знаний как специальных касается только тех, которые соотносятся с юридической оценки деяния и процессуальной компетенцией субъекта доказывания. Следовательно, можно согласиться с Зотовым Д.В., что именно «потребность участников судопроизводства в тех или иных юридических знаниях делает их специальными, а вовсе не критерии частоты использования или их малой известности. Таким образом, дифференциация юридических знаний открывает перспективы легального существования правовой экспертизы в уголовном процессе, но, вместе с тем, ставит задачу определения ее содержания в части вопросов, подлежащих разрешению в ходе юридического исследования». [8, с.38]. Можно также поддержать Л. В. Лазареву, в той части, в которой она относит к задачам правовой экспертизы: «– разъяснение на основе профессиональных юридических знаний правил применения норм закона и подзаконных актов; –» [9, с. 15.].

Обобщая все сказанное, целесообразно предложить две формы возможного использования специальных юридических знаний: 1) научно-правовое заключение по вопросам юридико-лингвистического толкования нормативных правовых актов и иных юридических документов; 2) заключение специалиста в области криминалистики и судебной экспертологии для разъяснения вопросов, связанных с полнотой отражения следственных действий в содержательной части протоколов, а также вопросов верификации научной

обоснованности применения экспертных технологий, методов и методик в заключении эксперта, равно как и научной обоснованности суждения специалиста, привлеченного для участия в деле по ходатайству стороны.

Говоря о заключении специалиста, высказывающего свое суждение по заключению и показаниям эксперта (специалиста) как доказательству, полученным на основе специальных знаний, важно подчеркнуть, что речь не должна идти об оценке доказательств, а лишь о получении сведений, позволяющих в уголовном судопроизводстве с опорой на научные закономерности, разработанные в криминалистике и судебной экспертологии, верифицировать выводы (показания) эксперта и суждения специалиста.

Специальные юридические знания в области криминалистики и судебной экспертологии позволяют выявить гносеологические и деятельностных (операциональные) ошибки экспертного исследования на всех его стадиях. Криминалистическая оценка результатов экспертного исследования в отличие от процессуальной оценки его как доказательства предусматривает проверку уровня владения экспертом методами и техническими средствами исследования объектов экспертизы, знания основных закономерностей формирования характеризующих данный объект свойств и признаков, закономерности их изменения при определенных условиях правильности выявленных совпадающих и различающихся признаков, оценку индивидуализирующей совокупности совпадающих признаков наличия и характера различающихся признаков, их диагностической и идентификационной значимости, достаточности для формирования достоверного вывода о наличии или отсутствии тождества, достаточности представленных материалов и т.п. [1, с. 452].

В заключении напомним, что доказательствами по уголовному делу (ст. 74 УПК РФ) являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В качестве доказательств, основанных на специальных знаниях помимо заключения и показания эксперта; заключение и показания специалиста вполне могут фигурировать иные документы. Письменное научно-правовое заключение, содержащее сведения об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, по решению процессуального субъекта может использоваться в доказывании в качестве иного документа. Специальные юридические знания: в сфере

криминалистики, криминологии, судебной экспертологии и иных юридических наук, которые не являются общеизвестными и не относятся к исключительной прерогативе органа, осуществляющего расследование, прокурора или суда, могут служить основой для установления фактов, имеющих значение доказательств по уголовному делу, способствовать правильной квалификации преступного деяния или иного правонарушения.

Список использованных источников

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М., 2006.
2. Алферова Е.В. Трансформация юридического образования: размышления ученых о его настоящем и будущем. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2022. № 2.
3. Васильев В.П. Юридическая психология: учебник для вузов. 6-е издание. Спб., 2006.
4. Галяшина Е. И. Правовая экспертиза в новой парадигме использования научных знаний по делам о противодействии экстремизму и терроризму // Язык. Право. Общество: Сб. статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 16–19 мая 2023 года / Под общей редакцией О.В. Барабаш. – Пенза, 2023.
5. Галяшина Е. И. Судебное речеведение. М., 2019.
6. Галяшина Е. И. Проблемы использования юридических знаний как специальных в уголовном судопроизводстве // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 13–14 октября 2022 года. – Уфа, 2022.
7. Галяшина Е. И. Правовая экспертиза в сфере медиабезопасности как новое решение в судебной экспертологии и юридическом консалтинге // Legaltech: научные решения для профессиональной юридической деятельности: Сб. докладов IX Московского юридического форума: в 4 ч. XXI Международная научно-практическая конференция, Москва, 14–16 апреля 2022 года. Том Часть 3. – Москва, 2022.
8. Зотов Д. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж, 2015.
9. Лазарева Л. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. 2014. № 4 (40).
10. Локар Эдмонд. Руководство по криминалистике. М., 1941.
11. Низамов В. Ю., Парамонова Г. В. К вопросу категории «специальные знания» в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2016, № 4.
12. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009.

13. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.
14. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебник / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М., 2017.
15. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М., 2017.
16. Столяренко, А.М. Прикладная юридическая психология [Текст] / А.М. Столяренко. М., 2000.
17. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
18. Эксархопуло А. А. Специальные познания и нетрадиционные формы // Вестник криминалистики. 2001. № 2.
19. Эксархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005.

Дмитрий Викторович Глухов

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры экономики, организации и управления,
Санкт-Петербургский горный университет

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Статья посвящена актуальным проблемам использования в судопроизводстве специальных знаний в строительной сфере в рамках проверочных мероприятий и сбора доказательств по делам, связанным с выполнением работ по государственным и муниципальным контрактам. Анализируется проблема недостаточной нормативно-правовой регламентации понятия «текущий ремонт», которая в рамках уголовно-процессуальных аспектов может оказать влияние на наличие доказательств и на эффективность использования специальных знаний в строительной сфере, которые могут зависеть от формальных аспектов классификации источников финансирования бюджета.

Ключевые слова: уголовный процесс; судопроизводство; предварительное расследование; специальные знания; строительство; капитальный ремонт; текущий ремонт; государственный контракт; муниципальный контракт

Dmitrii V. Gloukhov

Candidate of Sciences in Jurisprudence, Senior Lecturer at the Department of Economics, Organization and Management, Saint-Petersburg Mining University

PROBLEMS OF USING THE CONSTRUCTION SECTOR SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDING

The article is devoted to the actual problems of the use of special knowledge in the construction industry in framework of scrutiny and collection of evidence in cases related to the performance of work under state and municipal contracts. The article analyzes the problem of insufficient regulatory and legal regulation of the concept of "maintenance", which, within the framework of criminal procedural aspects, may affect the availability of evidence and the effectiveness of the use of special knowledge in the construction sector, which may depend on the formal aspects of the classification of budget financing sources.

Keywords: criminal procedure; criminal proceedings; preliminary investigation; special knowledges; construction; capital repair; maintenance; state contract, municipal contract

Рассматривая проблемы использования специальных знаний в судопроизводстве, считаем необходимым затронуть тему строитель-

ства. Дело заключается в том, что строительство, будучи одной из ключевых отраслей экономики, также является и областью коммерческой деятельности, при осуществлении которой высока вероятность публично-правовых рисков, существенно зависящих от множества, зачастую непредвиденных или условно малозначительных, факторов.

Наиболее остро указанная проблематика проявляет себя в правоотношениях, возникающих в связи с выполнением работ по государственным и муниципальным контрактам, деятельность в рамках которых подлежит постоянному и наиболее строгому контролю со стороны органов публичной власти, в том числе правоохранительных органов.

Разбирательства по делам данной направленности безусловно требуют соответствующего экспертного обеспечения и «вовлечения в уголовный процесс экспертов, обладающих специальными знаниями в областях проектирования, технологии строительного производства, эксплуатации, диагностики строительных объектов, ценообразования, сметного дела» [1, с. 38]. По указанной причине, в системе МВД России была организована собственная строительно-техническая экспертиза, получившая соответствующее нормативное закрепление в конце 2015 года [2; 3; 4]. Предмет исследования СТЭ в МВД России определен исследованием строительных объектов и территории, функционально связанной с ними. Задачи СТЭ выстроены в соответствии с потребностями следственной практики и направлены на установление экспертным путем стоимости видов и объемов выполненных или невыполненных подрядной организацией строительных работ.

В целом считаем данное решение целесообразным, так как привлечение сторонних экспертов является менее эффективной мерой в организационном плане. В то же время необходимо отметить, что «в научной литературе и в правоприменительной деятельности сформировалась практика употребления устойчивого словосочетания «использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве» [5, с. 30], но можно согласиться с Е.В. Елагиной, что «...более точным представляется использование конструкции «реализация специальных знаний» [подробнее см.: 6, с. 44-49; 7, с. 39-43; 8, с. 9], поскольку данный термин предполагает, с одной стороны, применение специальных знаний их обладателем – сведущим лицом, как наделенным процессуальным статусом «специалист» или «эксперт», так и иным (ревизор, педагог, психолог), с другой – собственно использование результатов применения специальных знаний соответствующим субъектом (следователем, дознавателем, прокурором, судом, защитником)» [9, с. 31].

Кроме того, закон не ограничивает использование указанными лицами собственных специальных знаний, в том числе и такую непроцессуальную форму, как использование следователем (дознавателем) собственных специальных знаний при исследовании и оценке доказательств [10, с. 70-76].

Начиная с проверки сообщения о преступлении, так называемого «проверочного производства», дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе, в частности, истребовать и изымать документы в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом.

В проверках же по делам, связанным с выполнением ремонтных работ до истребования необходимой документации, как минимум, следует установить к текущему или капитальному ремонту относятся проверяемые работы, поскольку объем предусмотренной в рамках законодательства исполнительной документации при выполнении работ по капитальному ремонту существенно отличается в большую сторону.

В то же время четкое законодательное разграничение понятий капитальный и текущий ремонт отсутствует, поэтому определить какой именно объем исполнительной документации вправе истребовать лицо, проводящее проверку, можно только выяснив по какой статье финансирования заказчик произвел оплату подрядчику и, соответственно, какой перечень исполнительной документации он установил в условиях договора с подрядчиком. При этом общая стоимость и объемы ремонтных работ, выполненных в рамках текущего ремонта, могут быть не менее значительными, чем при капитальном ремонте.

Ремонтные работы, финансируемые с привлечением бюджетных средств, разделены на разные целевые статьи и виды расходов, в том числе на капитальный ремонт и текущий ремонт. При этом вопрос отнесения вида ремонта к текущему или капитальному находится в ведении заказчика – решение принимается на его усмотрение, но с предусмотренной юридической ответственностью в случае признания расходования бюджетных средств нецелевым, если по статье текущего ремонта фактически выполнялись работы по капитальному ремонту и наоборот.

Строго формально до недавнего времени признать капитальным можно было любой ремонт, при выполнении которого, например, меняли один дверной блок или один радиатор отопления. Как следствие, в подавляющем большинстве случаев ремонтные работы, условно обозначенные заказчиком как текущий ремонт, можно было бы признать и капитальным ремонтом. Постановление Правительства Россий-

ской Федерации, принятое в конце 2021 года [11] частично урегулировало эту проблему, разрешив замену отдельных элементов строительных конструкций зданий при проведении текущего ремонта зданий. Но в результате, с точки зрения документооборота, ещё больший объем ремонтных работ стало возможным производить как в рамках текущего, так и капитального ремонта, на усмотрение заказчика.

Таким образом, фактически, заказчик имеет возможность напрямую влиять на объем потенциально возможной доказательственной базы по делу. И если заказчик обозначит выполняемые работы как текущий ремонт, объем требуемой и имеющейся исполнительной документации, в рамках соответствующего договора подряда, будет минимальным.

Например, при выполнении работ по текущему ремонту, заказчик не обязан требовать от подрядчика оформления такой исполнительной документации, как журнал монтажных работ, журнал бетонных работ, исполнительные схемы (чертежи) результатов работ, документы, подтверждающие проведение контроля качества и входного контроля применяемых строительных материалов. Максимум на что можно рассчитывать при проверке текущего ремонта, это на наличие общего журнала работ, актов освидетельствования скрытых работ и сертификатов на примененные материалы и оборудование. При этом, строго формально, и эти документы могли бы отсутствовать, если бы их наличие не требовалось в рамках условий государственного или муниципального контракта.

Согласно принципу законности, постановления следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. В то же время, недостаточно четкое нормативное определение понятия текущий ремонт и минимальные требования к исполнительной документации при его выполнении, создают ситуацию, когда потенциальная эффективность проверки выполненных ремонтных работ, будет напрямую зависеть от воли заказчика, а не от положений закона, так как фактически и при капитальном и при текущем ремонте могут выполняться схожие ремонтные работы, но с существенно разным составом исполнительной документации, проверка которой позволяет более эффективно установить наличие или отсутствие фактов правонарушений.

Правовым решением данной проблемы, могло бы стать законодательное закрепление в требованиях к содержанию государственного или муниципального контракта единого перечня исполнительной до-

кументации, вне зависимости от того является ли ремонт текущим или нет, в то же время ограничив повышенные требования к исполнительной документации суммой контракта не менее десяти миллионов рублей, по аналогии с требованиями о членстве в саморегулируемой организации при капитальном ремонте.

Полагаем, что при данном подходе проблема недостаточной нормативно-правовой регламентации понятия текущий ремонт будет решена и в рамках уголовно-процессуальных аспектов, а собрание доказательств и использование специальных знаний в строительной сфере не будут зависеть от формальных аспектов классификаций источников финансирования бюджета, разбираться в которых дознавателю или следователю было бы необходимо только при исследовании обстоятельств, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств, а не во всех случаях проверочных мероприятий по выполненным работам в строительной сфере.

Список использованных источников

1. Акифьева Г. В. Об организации производства и перспективах развития строительно-технических экспертиз в системе МВД России. Судебная строительно-техническая и стоимостная экспертизы: актуальные проблемы и пути их решения, Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола», Москва, 2019.
2. Приказ МВД России от 27 октября 2015 г. № 1012 «О внесении изменений в приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».
3. Приказ МВД России от 17 ноября 2015 г. № 1091 «О внесении изменений в приказ МВД России от 9 января 2013 г. № 2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России».
4. Приказ МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 30.05.2022) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», "Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»).
5. Елагина Е. В. Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. СПб., 2019.

6. Подробнее см.: Елагина Е. В. Заключение специалиста: некоторые проблемы формирования и использования // Криминалистика. 2016. № 2 (19).
7. Елагина Е. В., Грызлов Д. В. О некоторых понятийных и иных вопросах института специальных знаний // Криминалистика. 2017. № 2 (21).
8. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Хрестоматия. Ч. 1. Общие вопросы / авт.-сост. Е. В. Елагина, Н. А. Данилова, Т. Г. Николаева; отв. ред. Е. В. Елагина. СПб., 2018.
9. Елагина Е. В. Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. СПб., 2019.
10. Чельшева О. В. Непроцессуальные формы использования специальных знаний при расследовании преступлений // Мир юридической науки. 2016. № 12.
11. Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. N 2120 «Об осуществлении замены и (или) восстановления отдельных элементов строительных конструкций зданий, сооружений, элементов систем инженерно-технического обеспечения и сетей инженерно-технического обеспечения при проведении текущего ремонта зданий, сооружений».

Дмитрий Анатольевич Гусаров

Кандидат юридических наук
Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юридического факультета
СПбГУ (Санкт-Петербург)

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ, КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются процессуальные проблемы регламентации ведения протокола судебного заседания, ознакомления с ним, а также использования протокола судебного заседания в качестве доказательства по уголовному делу.

Ключевые слова: протокол судебного заседания, судебное заседание, уголовный процесс

Dmitriy A. Gusarov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of the Law Faculty of the Saint-Petersburg State University

THE PROTOCOL OF THE JUDICIAL SESSION AS EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CRIMINAL PROCEDURAL PROBLEMS

The article deals with the procedural problems of regulating the keeping of the protocol of the judicial session, familiarization with it, as well as the use of the protocol of the judicial session as evidence in a criminal case.

Keywords: protocol of the judicial session, judicial session, criminal procedure

Протокол судебного заседания является одним из важнейших процессуальных документов, отражающим весь ход судебного разбирательства. При этом в соответствии со ст.ст. 73 и 83 УПК РФ протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным УПК РФ.

Судопроизводство в суде первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу многодневная процедура, которая может занимать несколько месяцев. И на практике чаще всего суды изготавливают один общий протокол уже после завершения судебного разбирательства в суде первой инстанции. То есть после оглашения резолютивной части приговора.

Головко Л.В. указывает, что протокол судебного заседания является в соответствующих частях доказательством не для суда, производившего судебно-следственные действия, а для вышестоящих судебных инстанций, если им потребуется оценить доказательства по жалобам сторон. В момент разрешения уголовного дела в первой или апелляционной инстанции суд не располагает таким доказательством, как протокол судебного заседания – его еще нет ни юридически, ни физически [1]

Таким образом, одно из важнейших доказательств по делу оформляется фактически уже после завершения судебного разбирательства и остается недоступным и не исследованным для сторон процесса в суде первой инстанции, и может привести к нарушению прав обвиняемого на защиту.

В п. 1 ст. 259 УПК РФ указано, что в ходе каждого судебного заседания ведется протокол. В связи с этим необходимо определить, что входит в понятие «Судебное заседание». К сожалению, уголовно-процессуальный закон не содержит полного определения этого понятия.

П. 50 ст. 5 УПК РФ указывает, что судебное заседание – процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу. Очевидно, что такое определение не отражает всех признаков судебного заседания, в частности его временных характеристик.

В связи с этим возникает вопрос, какими временными параметрами ограничено понятие судебного заседания. Можно ли считать судебным заседанием судопроизводство, ограниченное одним днем, или же одним судебным заседанием следует считать многомесечное судопроизводство, включающее в себя подготовительную часть, судебное следствие, прения сторон, последнее слово подсудимого и оглашение резолютивной части приговора?

Кроме того, закон содержит противоречие, связанное с этим понятием. Так, само название главы 33 УПК РФ «Общий порядок подготовки к судебному заседанию» подчеркивает, что на этой стадии судом осуществляется только подготовка к судебному заседанию, а самого судебного заседания не проводится. Вместе с тем, в соответствии со ст. 234 УПК РФ указывается, что предварительное слушание на этой стадии проводится в закрытом судебном заседании.

Рамки настоящей статьи не позволяют автору углубляться в анализ этой проблемы. Хочу лишь подчеркнуть, что законодательная формулировка понятия «судебное заседание», очевидно, нуждается в совершенствовании.

В п. 6 ст. 259 УПК РФ указано, что протокол в ходе судебного заседания может изготавливаться по частям. При этом понятия «часть судебного заседания» в законе отсутствует. Можно ли считать, в связи с этим, частями судебного заседания однодневные заседания суда?

Эти вопросы были предметом рассмотрения в Конституционном суде РФ по жалобе гражданина Ломаги Ивана Ивановича.

Конституционный Суд РФ в своем Определении от 30 июня 2020 г. N 1378-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ломаги Ивана Ивановича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" указал, что Части шестая и восьмая статьи 259 УПК Российской Федерации предусматривают, что протокол судебного заседания может изготавливаться как в виде единого документа, так и по частям, которые, как и протокол в целом, подписываются председательствующим и секретарем (а если ведение протокола поручено помощнику судьи – председательствующим и помощником судьи); по ходатайству сторон им может быть предоставлена возможность ознакомиться с частями протокола по мере их изготовления; копии протокола и аудиозаписи изготавливаются по письменному ходатайству участника судебного заседания и за его счет. При этом, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, закрепление в законе права сторон на ознакомление по их ходатайствам с протоколом судебного заседания, в том числе с его частями – когда избран подобный способ изготовления протокола, обязывает суд обеспечить реализацию данного права (определения от 2 июля 2009 года N 1014-О-О, от 24 сентября 2012 года N 1628-О, от 22 апреля 2014 года N 785-О, от 23 апреля 2015 года N 845-О и др.).

Однако Конституционный Суд не дал разъяснений, как реализовать данное право в ситуации, при которой суд первой инстанции принимает решение не избирать способ изготовления протокола по частям.

В соответствии с п. 6 ст. 259 УПК РФ, это право суда, а не обязанность. И суды чаще пользуются этим своим правом, отказывая стороне защиты в её ходатайстве изготовить протокол по частям и ознакомиться с отдельной его частью.

В итоге это нарушает право на защиту. В условиях, когда рассмотрение дела по существу в суде первой инстанции растянуто во времени, готовясь к прениям сторон, бывает довольно сложно восстановить в памяти ход и результаты отдельных частей судебного заседания, показания тех или иных участников судопроизводства. Если защитник имеет возможность самостоятельно вести аудиозапись судеб-

ного заседания, то подсудимый, находящийся под стражей, такой возможности лишен. Кроме того, при подготовке к прениям сторона защиты часто готовит свою позицию в письменном виде, которую потом просит суд приобщить к материалам дела. В тексте прений стороны в соответствии с п.4 ст. 292 УПК РФ имеют право ссылаться на доказательства, которые были исследованы в судебном заседании, в том числе на показания свидетелей, экспертов и т.д., фиксация которых осуществляется именно в протоколе судебного заседания. Однако, отсутствие такого протокола у стороны при подготовке к прениям лишает её возможности реализовать это право.

Отказывая стороне защиты в изготовлении части протокола судебного заседания, суд указывает, что протокол будет изготовлен целиком только после завершения судебного заседания, тем самым подчеркивая, что на момент заявления такого ходатайства не изготовлена даже часть протокола. Вместе с тем, удаляясь в совещательную комнату для вынесения приговора суд уже должен иметь у себя ту часть протокола, в которой отражены исследованные по делу доказательства, то есть до момента окончания судебного следствия. Иначе, как суд сможет восстановить в памяти показания лиц, допрошенных в суде несколько месяцев назад?

В связи с этим, не должно быть никаких трудностей в предоставлении сторонам возможности ознакомиться с этой частью протокола. Однако без законодательного закрепления обязанности суда по ходатайству стороны предоставить для ознакомления эту часть протокола, реализация этого права будет наталкиваться на безапелляционный отказ суда со ссылкой на выбор иного способа изготовления протокола судебного заседания.

В своем определении от 8 июля 2021 г. № 1370-О Конституционный суд Российской Федерации высказался более определенно, указав, что: *«Исходя из конституционного смысла Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, составление протокола процессуального действия – в целях обеспечения его объективности – должно осуществляться незамедлительно, а существенная задержка в изготовлении протокола умаляет значение процессуальной формы как таковой. В случае рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании (как это имело место в деле заявителя), когда отсутствует аудиопроотоколирование, а участники процесса не вправе вести аудиозапись заседания, судья, принимая решение о порядке составления протокола, не может не учитывать, что при продолжительности судебного разбирательства в несколько недель, а в*

отдельных случаях – и месяцев, восстановление по памяти не только второстепенных, но и существенных деталей заседания может оказаться затруднительным и даже невозможным, что способно привести к ограничению законного права участников процесса опираться на протокол как на доказательство, в том числе при обжаловании приговора. Таким образом, при принятии судами решения об изготовлении протокола по частям, особенно в рамках закрытого судебного заседания, должны учитываться продолжительность перерывов в судебном заседании, длительность судебного разбирательства, объем исследованных материалов и другие существенные обстоятельства конкретного дела. В связи с этим при длительном закрытом судебном заседании, во всяком случае, существенное значение приобретают изготовление протокола по частям, а также предоставление возможности сторонам по их ходатайству знакомиться с частями протокола по мере изготовления последних».

В приведенной цитате явно прослеживается позиция Конституционного суда Российской Федерации рассматривать протокол судебного заседания как доказательство не только для судов апелляционной и вышестоящих инстанций, но и при рассмотрении дела в суде первой инстанции.

Но поскольку практикующим адвокатам-защитникам по-прежнему приходится сталкиваться с этими проблемами [2; 3], считаю необходимым конкретизировать в законе понятие судебного заседания, а также внести изменения в ст. 259 УПК РФ, обязывающие суд по ходатайству стороны изготовить и предоставить ей возможность ознакомиться с частями протокола, в которых отражены исследованные по делу доказательства.

В отличие от уголовного судопроизводства, гражданское и арбитражное судопроизводства такой проблемы лишены. В рамках этих видов судопроизводств после каждого однодневного судебного заседания составляется отдельный протокол судебного заседания, и стороны имеют возможность с ним ознакомиться, приносить замечания на протокол. При этом такая практика сложилась в отсутствие закрепленного в соответствующих процессуальных законах определений понятия судебного заседания. Считаю, что такой подход возможен и в уголовном судопроизводстве. Более того, в этой части целесообразна унификация процессуальных норм и правоприменительной практики, гарантирующая реализацию процессуальных прав сторон.

Список использованной литературы

1. Курс уголовного процесса. Под ред. Л. В.Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.
2. Тер-Акопов Г. Р. Протокол судебного заседания по уголовному делу: процессуально-правовые проблемы и пути их решения / Cyberleninka.ru
3. Гаспарян Н. Вправе ли защита ознакомиться с протоколом заседания суда по частям? Адвокатская газета.08 февраля 2022 г./advgazeta.ru

Юлиана Айратовна Евстратова

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета,
доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского военного
института войск национальной гвардии Российской Федерации

ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматривается новое преступное поведение – распространение заведомо ложной информации, получившее в настоящее время широкую экстраполяцию и вызывающее особые опасения, в силу широкого охвата аудитории, доступности способов качественной визуализации и подмены фактов с помощью современных технологий. В статье выдвинуто предложение о применении систем искусственного интеллекта при анализе публикаций в открытых источниках с последующей блокировкой недостоверных данных и установлением личности опубликовавшего. Автор приходит к выводу, что системы нейронных сетей, способны к обработке и анализу больших объемов данных, к оптимизации и повышению эффективности работы правоохранительных органов по противодействию распространению заведомо ложной информации «фейковых новостей».

Ключевые слова: искусственный интеллект, преступность, фальшивые новости, нейронные сети, социальные сети, интернет, криминалистика, преступление, «фейки».

Yuliana I. Evstratova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

THE POSSIBILITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE SPREAD OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION

The article deals with such a negative phenomenon as fake news, which is currently widespread and causes particular concern, due to the wide coverage of the audience, the availability of high-quality visualization methods and substitution of facts with the help of modern technologies. The result of the scientific work carried out was a proposal to develop an artificial intelligence system and neural networks that allow real-time analysis of publications in open

sources with subsequent blocking of unreliable sources and identification of the publisher. The work done allows us to conclude that neural and network systems, due to their ability to process and analyze large amounts of data, are able to optimize and improve the efficiency of law enforcement agencies in countering deliberately false information (fake) news.

Keywords: artificial intelligence, crime, fake news, neural networks, social networks, Internet, criminology, crime.

Расследование преступлений является сложным, длительным и тактически выверенным познавательным процессом. Традиционно предварительное следствие включает в себя совокупность последовательных следственных действий, предусматривающих решение многоплановых задач, таких как сбор и анализ доказательственной и ориентирующей информации, идентификационные процессы, реконструкцию событий. Применение нового криминалистического инструмента – искусственного интеллекта позволяет повысить эффективность расследования и сократить время на проведение процессуальных и следственных действий. В данной статье рассмотрим применение искусственного интеллекта при выявлении и расследовании уголовной дезинформации, так называемых «фейковых новостей».

Уголовная дезинформация – распространение заведомо ложной информации «фейковые новости» – это не новое явление. Прототипы «фейков» появились еще в эпоху античности. Собственно сочинённую информацию в своих речах применял Демосфен, такую же практику использовал римский оратор Марк Туллий Цицерон, ярким примером является «Первая речь против Катилины», произнесенная 8 ноября 63 года до н. э. на заседании сената [1]. В современных правовых реалиях интернет и медиа изменили лишь способы создания ложной информации и скорость ее распространения.

В Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст.207.1 УК РФ), а также за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (ст.207.3 УК РФ) [2].

Под ложной информацией целесообразно понимать, неправдивую манипулятивную информацию, представленную в виде новостей

или сообщений. Аудитории социальных сетей (в том числе запрещенных в Российской Федерации) мессенджеров, прочих интернет сервисов, насчитывающих сотни миллионов пользователей (Youtube, TikTok, Telegram, Facebook, Twitter, Вконтакте, Instagram) стали удобной платформой, инструментом для массового распространения поддельных новостей с охватом многомиллионной аудитории. Недостоверная информация, несущая заведомо ложные, искаженные сведения, становится криминальным орудием причинения материального и репутационного ущерба.

Причины, по которым создаются «fake news», различны и неоднородны. Отдельным проблемным вопросом, заслуживающим особого внимания, является пропаганда антиобщественного поведения и взглядов с помощью «фейков», осуществляемых, как правило, представителями зарубежных новостных порталов. Ярким примером стало формирование подросткового движения «ЧВК Редан». Из материалов уголовного дела следует, что неустановленные лица, действуя группой лиц, грубо нарушая общественный порядок, совершили хулиганские действия в ТРЦ «Галерея» г. Санкт-Петербург, в результате которых пострадало несколько человек, около 150 человек задержано [3].

По официальным статистическим материалам Правительства Санкт-Петербурга с января по март 2023 года в Санкт-Петербурге возбуждено 3 уголовных дела экстремистской направленности (АППГ – 3), в том числе 1 – по ст. 280 УК РФ (по факту призывов к экстремистской деятельности с использованием сети Интернет), 1 – по ст. 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации) 1 – по ст. 207.3 УК РФ (публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об использовании ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности; совершено с использованием сети Интернет) [3].

В январе-марте 2023 года из Комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Санкт-Петербурга в Центр «Э» ГУ МВД России поступило 3 информационных сообщения с результатами проводимого мониторинга в сети Интернет.

Важно отметить, что Правительство Санкт-Петербурга совместно с общественными организациями и правоохранительными органами ведет активную работу по противодействию распространения «фейковой информации», так в ходе мониторинга сети Интернет в мессенджере Telegram сотрудниками Комитета на канале «WHITE SCOUTS» выявлен факт публикации материалов с признаками распространения экс-

тремистской идеологии и заведомо ложной информации. Телеграм-канал ведется под редакцией гражданина Разина Андрея Григорьевича (Чибиса) (ранее судимого за преступления экстремистского характера, освобожденного из мест лишения свободы в 2022 году) [3].

По итогам мониторинга информационных ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет выявлено 542 материала, в том числе имеющих признаки экстремизма и «фейковой информации». Правоохранительные органы совместно с Администрацией Санкт-Петербурга исследуют наиболее активные источники СМИ (информационные сайты) – «Невские Новости», «Петербург2» и «Мойка78», а так же социальные сообщества ВКонтакте «Я покупаю у русских», «В сети» и «Новости Питера». Источниками, между которыми выстроилось больше всего связей в социальной сети ВКонтакте являются сообщества «В сети», «Русская Трибуна», «Русские Бойцы», «Железная логика», «Типичный Многонационал» [3].

Исходя из выше изложенной информации, видно, что вопросам противодействия фальшивым новостям в Санкт-Петербурге уделяется должное внимание как со стороны уполномоченных государственных органов, так и со стороны специалистов компаний, ведущих разработки в сфере IT-технологий. Эффективное выявление и расследование заведомо ложной информации не возможно без применения искусственного интеллекта.

Возникает важный юридический вопрос: является ли искусственный интеллект формой использования специального знания или он является компонентом криминалистического оборудования применяемого в расследовании «фейковых новостей».

В октябре 2019 года президент России В. В. Путин утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года. В документе указаны приоритетные научные задачи: обеспечение ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, проведение научных исследований в области искусственного интеллекта, повышение доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области. Приоритетные направления развития и использования технологий искусственного интеллекта определяются в России с учетом национальных целей и стратегических задач, определенных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Вышеуказанные, нормативно-

правовые акты подчёркивают колоссальную государственную и общественную важность данной технологии в современной России [4; 5].

В монументальной работе С. Рассела и П. Норвига, посвящённой комплексному исследованию искусственного интеллекта, указывается, что определения искусственного интеллекта, равно как и подходы к его исследованию, могут быть сгруппированы с четырёх позиций:

1. Системы, которые думают подобно людям;
2. Системы, которые действуют подобно людям;
3. Системы, которые думают рационально;
4. Системы, которые действуют рационально [6].

С точки зрения первого подхода, искусственный интеллект, как правило, определяется как компьютерное устройство, способное думать и обладать разумом в полном и буквальном смысле этого слова; автоматизация действий, ассоциируемых с человеческим мышлением, таких как принятие решений, решение задач, обучение. Аналогичной точки зрения придерживается В. К. Финн [7].

Помимо научных точек зрения, существует, и легальное определение искусственного интеллекта в России, под которым понимается – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [5].

Легальное определение позволяет рассмотреть искусственный интеллект как новую форму специальных знаний в уголовном процессе, так как искусственный интеллект позволяет имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма).

Искусственные нейронные сети уже продемонстрировали свою эффективность в криминалистической деятельности, они способны реализовать три типа операций: распознавание, предсказание, классификацию. При расследовании уголовных дел, связанных с распространением заведомо ложной информации, применение выше указанных типов операций является необходимостью, так как при анализе криминальной информации возникают трудности, связанные с ниже представленными причинами:

1. Объем информации. В наше время доступ к информации стал гораздо проще, что создает проблему обработки и анализа больших объемов данных. Расследование недостоверной информации требует изучения большого количества источников, верификации фактов и ее проверки.

2. Изменчивость и адаптивность. Технологии и методы создания «фейков» постоянно совершенствуются и меняются. Создатели стремятся избегать обнаружения, используя новые техники, алгоритмы и инструменты. Следователям необходимо применять специальные знания специалистов в сфере компьютерного зрения.

3. Анонимность. Зачастую авторы недобросовестного контента предпочитают оставаться анонимными, что затрудняет идентификацию и дальнейшее расследование. Скрытие своей личности может включать использование анонимных электронных адресов, поддельных аккаунтов и других методов обхода идентификации. Идентификация автора криминальной информации является сложной задачей. Однако искусственный интеллект может идентифицировать автора, и с его помощью можно провести анализ текста, используя методы обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP). При анализе стиля написания, использования лексики, грамматических особенностей и других характеристик текста искусственный интеллект может определить сходства или уникальные отличия между различными текстами, что может указывать на узнаваемый стиль или характер автора или бота. Также с помощью искусственного интеллекта возможно провести анализ метаданных. Метаданные, такие как IP-адреса, информация о браузере или географическое положение, могут помочь в идентификации автора, распространяющего ложную информацию. Искусственный интеллект может анализировать исследуемые данные и связывать их с другими источниками, чтобы выявить возможные паттерны или ассоциации с определенными авторами (ботами) или группами. С помощью современных технологий на базе нейронных сетей и искусственного интеллекта представляется возможным социальный анализ, если «фейки» были распространены через социальные сети. Искусственный интеллект может проанализировать данные о распространении, включая активность пользователей, сетевые связи и поведенческие показатели. Это может помочь выявить возможные источники или аккаунты, связанные с распространением дезинформации [8].

4. Распространение через социальные сети. Медиа стали основным источником распространения информации. Ложная информация может быстро распространяться через публикации, репосты (шеринг).

Борьба с «фейковыми новостями» на платформах всех сетей требует сотрудничества и согласованной работы социальных медиа-компаний.

5. Психологические факторы. «Фейки» могут восприниматься как правдивые и легко приниматься людьми, особенно если они подтверждают их убеждения или соответствуют их мировоззрению. Это может усложнить задачу борьбы с дезинформацией.

6. Скорость распространения. Сетевые технологии позволяют заведомо ложной информации распространяться с высокой скоростью и охватывать многомиллионную аудиторию. Время необходимое для расследования и опровержения «фейков», может быть ограниченным. Быстрые реакции и общедоступные механизмы проверки информации становятся важными в борьбе с «фейковыми новостями».

Расследование уголовных дел, связанных так или иначе с ложными сведениями, требует усилий и совместной работы со стороны общества, средств массовой информации, социальных платформ и правоохранительных органов. Воспитание информационной грамотности и развитие критического мышления также являются ключевыми в борьбе с «фейками» [9].

Искусственный интеллект играет важную роль в выявлении криминальной информации. Одним из способов является автоматическое обнаружение паттернов. С помощью алгоритмов машинного обучения можно обучить модели распознавать паттерны, характерные для «фейков» данный способ включает: анализ спама, несоответствий фактам, использование эмоциональных приемов, наличие предвзятого языка и других характеристик, характерных для дезинформации.

Использование естественного языка как еще один способ выявления и противодействия «фейкам» заключается в том, что искусственный интеллект может помочь в анализе текстовых данных, используя извлечение ключевых слов, анализ тональности и эмоций и идентификацию синтаксических и лингвистических особенностей. Это позволяет определить неконсистентность, ошибки или предвзятое выражение, указывающее на ложность информации.

Также следует учитывать и тот факт, что искусственный интеллект может помочь в анализе репутации и достоверности источника новостей, используя данные истории публикаций, оценки и отзывы пользователей или другие показатели. Это может помочь идентифицировать неизвестные или недостоверные источники информации. Информация о распространении новостей в социальных сетях и реакция пользователей также может быть проанализирована с помощью искусственного интеллекта. Алгоритмы могут обнаружить необычно высо-

кую активность или спамовые публикации, которые могут быть связаны с «фейковыми новостями», что, в свою очередь, позволяет говорить о применении социального анализа.

Искусственный интеллект также целесообразно применять для анализа визуальных данных таких, как фотографии и видео. Алгоритмы компьютерного зрения могут помочь обнаружить поддельные изображения или видеомонтаж, а также проверить источники и подлинность фото и видео.

Подводя итог вышеизложенного, можно сделать вывод, что искусственный интеллект значительно повышает эффективность расследования распространения заведомо ложной информации.

Применение указанных технологий позволит правоохранительным органам своевременно реагировать на факты размещения недостоверной информации в открытом доступе: на различных новостных порталах, в социальных сетях и иных интернет-ресурсах, удаляя или блокируя доступ к такого рода контенту, а в перспективе и устанавливая личность, совершившего данное деяние – криминального субъекта. Данные технологии окажут существенную помощь органам власти, правоохранительным органам в противодействии «fake news», а аудитория получит достоверную информацию, позволяющую более адекватно воспринимать происходящие в государстве и за его пределами информационные процессы.

Список использованных источников

1. Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Том первый (81-63 гг. до н.э.). Издание подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек. Перевод В. О. Горенштейна. М., 1962.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – N 25. Ст. 2954.
3. Результаты мониторинга проявлений экстремизма по итогам января-марта 2023г. // <https://www.gov.spb.ru/static/writable/content/2023/04/25/> (дата обращения 01.09.23)
4. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» //URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/(дата обращения: 01.09.2023).
5. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» //URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=>

doc&base=LAW&n=335184&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.8465871413771306#0732290413048083/(дата обращения: 19.08.2023).

6. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. 2-е изд. Пер. с англ. М., 2018.
7. Финн В. К. Искусственный интеллект: Методология, применения, философия / Науч. ред. М. А. Михеенкова. М., 2018.
8. Петрова Э. Н. Алгоритмы защиты от фейковой информации в социальных сетях // Научные исследования и инновации. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/algoritmy-zaschity-ot-feykovoy-informatsii-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 19.08.2023).
9. И.В. Фотиева Fake news в современном российском медиапространстве: цели создания, функции, механизмы трансляции // МНКО. 2022. № 2 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fake-news-v-sovremennom-rossiyskom-mediaprostranstve-tseli-sozdaniya-funktsii-mehanizmy-translyatsii> (дата обращения: 19.08.2023).

Вера Вячеславовна Захаренкова

ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРЕСМОТР НЕ ВСТУПИВШИХ И ВСТУПИВШИХ В СИЛУ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В данной статье автор подробно рассматривает производство по пересмотру не вступивших и вступивших в законную силу судебных решений в китайском уголовном процессе. Помимо норм Уголовно-процессуального закона Китайской народной республики, автор обращается к Разъяснению Верховного Народного Суда этой страны. В статье дана характеристика указанного производства, определены его участники, сроки, особенности подготовки и процедура разбирательства уголовного дела. Автором также определена роль народной прокуратуры при пересмотре судебных решений в китайском уголовном процессе.

Ключевые слова: китайский уголовный процесс; вторая инстанция; пересмотр судебных решений; апелляционная жалоба.

Vera V. Zakharenkova

Assistant of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

REVISION OF THE COURT DECISIONS ON CRIMINAL CASES THAT HAVE NOT ENTERED INTO FORCE AND HAVE ENTERED INTO FORCE IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

In this article, the author examines in detail the proceedings for the review of court decisions that have not entered into legal force in the Chinese criminal process. In addition to the provisions of the Criminal Procedure Law of the People's Republic of China, the author refers to the Explanation of the Supreme People's Court of this country. The article describes the specified proceedings, defines its participants, terms, features of preparation and procedure for the trial of a criminal case. The author also defines the role of the People's Procuratorate in the review of court decisions in the Chinese criminal process.

Keywords: Chinese criminal procedure; second instance; judicial review; appeal.

Пересмотр не вступивших и вступивших в силу судебных решений или производство в суде второй инстанции имеет место в случаях, когда сторона отказывается принять решение или постановление народного суда первой инстанции и дело поступает на рассмотрение в

народный суд следующей более высокой инстанции для судебного разбирательства в соответствии с правовыми процедурами и сроками, установленными законодательством. Ниже будут рассмотрены положения, касающиеся приговоров и постановлений народного суда, не вступивших и вступивших в законную силу.

Согласно ст. 233 Уголовно-процессуального закона КНР (Далее по тексту – УПЗ КНР (Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики) (в редакции 2018 года [1] народный суд второй инстанции проводит всестороннюю проверку фактов, установленных решением суда первой инстанции, и применимого законодательства и не ограничивается пределами жалобы или представления [2, с. 576-581].

Для полноценного понимания процедур второй инстанции помимо УПЗ КНР стоит обратиться к Разъяснению Верховного народного суда о применении Уголовно-процессуального закона Китайской Народной Республики (Фа Ши [2021] № 1, именуемого официально «Разъяснение нового Уголовно-процессуального закона» (Далее – Разъяснение), где второй инстанции посвящена глава XV [3] (Разъяснение было издано 4 февраля 2021 года, а официально вступило в силу 1 марта 2021 года).

Так, согласно ст. 378 Разъяснения местные народные суды любого уровня при оглашении приговора или постановления первой инстанции информируют подсудимого, частного обвинителя и его законного представителя о том, что в случае несогласия с приговором суда первой инстанции или постановлением местного народного суда любого уровня, они вправе обратиться в письменной или устной форме, в течение установленного законом срока с апелляционной жалобой в суд, вынесший соответствующее решение или в вышестоящий суд. Защитник подсудимого и его близкие родственники могут подать апелляционную жалобу с согласия подсудимого.

Касательно подачи апелляционной жалобы и представления установлены следующие сроки: десять дней для обжалования приговора суда и пять дней для обжалования постановления суда. Данные сроки начинают исчисляться со второго дня получения приговора или постановления соответственно (ст. 380 Разъяснения).

Что касается смежного гражданского иска, то стороны по смежному гражданскому иску (гражданский истец и гражданский ответчик) и их законные представители вправе обжаловать приговор и постановление в данной части в общие сроки, установленные для подачи апелляционной жалобы (Более подробную информацию по смежному

гражданскому иску см. в ст. 231 УПЗ КНР, а также в статьях 407 – 410 Разъяснения).

Если заявитель подает апелляционную жалобу через народный суд первой инстанции, то народный суд первой инстанции принимает ее к рассмотрению. В случае, если апелляция соответствует положениям закона, то она вместе с материалами дела и доказательствами должна быть передана в народный суд вышестоящего уровня в течение трех дней после истечения срока подачи апелляции, а копия апелляционной жалобы должна быть направлена в народную прокуратуру на том же уровне и другой заинтересованной стороне [4, с. 48-49].

Если же заявитель подает апелляционную жалобу в народный суд второй инстанции, то народный суд второй инстанции должен направить ее в народный суд первой инстанции в течение трех дней после получения. Народный суд первой инстанции должен рассмотреть, соответствует ли апелляция положениям закона и, если соответствует, то она вместе с материалами дела и доказательствами должна быть передана в народный суд более высокого уровня в течение трех дней после ее получения. Копия апелляционной жалобы должна быть также направлена в народную прокуратуру на том же уровне и другой заинтересованной стороне (ст. 382 Разъяснения).

Разъяснение также содержит нормы касательно отзыва апелляции. Так, если заявитель просит отозвать апелляцию в течение срока, установленного для обжалования, народный суд должен дать на это разрешение (если апелляция или представление отозваны до истечения срока подачи апелляции или представления, решение или постановление суда первой инстанции вступает в силу в день истечения срока подачи апелляции или представления (ст. 386 Разъяснения)). В случае, когда заявитель просит отозвать апелляцию после истечения срока обжалования, то ситуация иная. При данном развитии обстоятельств, если народный суд второй инстанции после рассмотрения материалов и жалобы придёт к выводу, что при вынесении решения судом первой инстанции были установлены обстоятельства дела и применимое законодательство является надлежащими, а приговор необходимым, то суд вынесет решение об удовлетворении отзыва жалобы (Если апелляция или представление заявлены об отзыве по истечении срока подачи апелляционной жалобы или представления, а народный суд второй инстанции вынес решение об их удовлетворении, решение или постановление суда первой инстанции вступает в силу со дня принятия судом второй инстанции постановления и доставляется заявителю или протестующему органу (ст. 386 Разъясне-

ния)); если суд посчитает, что первоначальное решение неправомерно, то отзыв жалобы не будет удовлетворен и продолжится рассмотрение апелляционного дела. Подобное решение принимается судом и в случае ходатайства об отзыве апелляционной жалобы лицом, приговоренным к смертной казни, до оглашения приговора, когда вторая инстанция уже начала рассмотрение по жалобе. Здесь ходатайство не будет удовлетворено, и дело будет рассматриваться апелляционным судом.

Право апелляционного представления народной прокуратурой закреплено в ст. 228 УПЗ КНР, где сказано, что в случае полагания народной прокуратурой о наличии ошибки в приговоре или постановлении суда первой инстанции, народная прокуратура должна подать апелляционное представление в вышестоящий народный суд. Местные народные прокуратуры различных уровней должны подавать представления через народный суд первой инстанции на решение первого судебного разбирательства или постановление народного суда того же уровня. Представление должно иметь письменную форму. Народный суд первой инстанции должен передать представление вместе с материалами дела и доказательствами в народный суд следующего более высокого уровня в течение трех дней после истечения срока обжалования и направить копию представления заинтересованным сторонам. Отзыв апелляционного представления, поданного народной прокуратурой возможен в течение срока подачи представления, однако отзыв по истечении такого срока является возможным только на усмотрение суда (ст. 384-385 Разъяснения). Подобная ситуация имеет место, когда народная прокуратура более высокого уровня считает, что народная прокуратура более низкого уровня подала неправомерное представление, и просит народный суд второй инстанции отозвать представление (См. также: ст. 232 УПЗ КНР).

Право потерпевшего или его законного представителя подать апелляционную жалобу закреплено в ст. 229 УПЗ КНР. В случае, когда потерпевший или его законный представитель отказывается принять решение суда первой инстанции, вынесенное местным народным судом любого уровня, он имеет право в течение пяти дней с даты получения письменного решения (приговора или постановления) обратиться в народную прокуратуру с просьбой о подаче представления. Народная прокуратура в пятидневный срок со дня получения ходатайства потерпевшего или его законного представителя принимает решение о подаче представления и информирует об этом заявителя.

Апелляционные дела, принимаемые народными судами, как правило, должны содержать оригинал и копию апелляционной жалобы.

Содержание апелляции обычно включает: решение суда первой инстанции, номер документа и время, когда заявитель получил его, наименование народного суда первой инстанции, ходатайство и мотивы апелляции, а также время подачи апелляции. Если защитники ответчика или его близкие родственники подают апелляцию с согласия ответчика, они также должны указать свои отношения (родственные или договорные) с ответчиком, и ответчик должен быть использован в качестве лица, подающего апелляционную жалобу.

Народный суд второй инстанции получив апелляционное дело и доказательства, переданные судом первой инстанции, проверяет наличие следующего содержания:

- сопроводительное письмо о передаче апелляционной жалобы или представления;
- апелляционная жалоба или представление;
- копии решения или постановления суда первой инстанции (по одной копии для каждого дополнительного ответчика) и их электронные версии;
- все материалы дела и доказательства, включая протоколы судебных заседаний по делу и другие материалы, которые должны быть переданы.

Установив наличие вышеперечисленного народный суд второй инстанции принимает дело к производству, в иной ситуации народный суд первой инстанции уведомляется для своевременного восполнения недостающих документов.

Если по делам о преступлениях, совершенных в соучастии, жалоба подана лишь некоторыми из обвиняемых, то дело все равно рассматривается полностью и решение выносится по всему делу (ст. 233 УПК КНР). Подобная ситуация имеет место, если частный обвинитель обжаловал приговоры только некоторых подсудимых, или народная прокуратура опротестовала приговоры только некоторых подсудимых (ст. 389 Разъяснения), а также, если подсудимый умер, а другие подсудимые не подавали жалобу, народный суд второй инстанции прекращает судебное разбирательство в отношении умершего подсудимого, а в случае невиновности подсудимого объявляет его невиновным. В отношении других ответчиков народный суд должен рассмотреть дело в целом и вынести решение (ст. 390 Разъяснения).

При рассмотрении апелляционной жалобы или представления особое внимание уделяется рассмотрению следующих вопросов:

1) ясны ли факты, установленные решением суда первой инстанции, и являются ли доказательства достоверными и достаточными;

2) является ли применимое законодательство при вынесении решения суда первой инстанции верным и является ли вынесение приговора надлежащим;

3) имеет ли место какое-либо нарушение процессуальных норм в ходе расследования, дознания, экспертизы и судебного преследования, а также процедур первой инстанции;

4) представлены ли новые факты и доказательства в апелляции или представлении;

5) имеются ли признание подсудимого и оправдывающие обстоятельства;

6) какое мнение имеется у адвоката-защиты;

7) являются ли судебные решения и постановления, касающиеся гражданско-правовой части (заявленного гражданского иска) законными и уместными;

8) является ли обращение с имуществом, участвующим в деле, правильным;

9) изучаются мнения, обсужденные полным составом народного суда первой инстанции и судебного комитета.

Во время рассмотрения дела во второй инстанции, помимо самостоятельной защиты, ответчик может продолжить поручение защиты защитнику, принимавшему участие в его защите во время производства в суде первой инстанции или другому защитнику. По делу о совместном преступлении, когда только некоторые из обвиняемых подают апелляцию, или частный обвинитель подает апелляцию только на решение, касающееся некоторых обвиняемых, или народная прокуратура подает представление только на решение по некоторым обвиняемым, другие обвиняемые по тому же делу также имеют право на назначение защитника.

Теперь перейдем непосредственно к судебному разбирательству второй инстанции. Согласно ст. 234 УПЗ КНР народный суд второй инстанции образует коллегия и открывает судебное заседание для рассмотрения следующих дел:

– дел, в которых ответчик, частный обвинитель или его законный представитель имеет возражения против фактов или доказательств, установленных судом первой инстанции, и эти возражения могут повлиять на квалификацию или меру наказания;

– дел, по которым подсудимый приговаривается к смертной казни;

– дел, по которым народная прокуратура подает апелляционное представление;

– другие дела, подпадающее под иные обстоятельства, требующие рассмотрения в судебном заседании;

– дела, по которым подсудимый, приговоренный к смертной казни, не подал апелляционную жалобу, а другие подсудимые по тому же делу подали апелляционную жалобу, рассмотрение дела осуществляется народным судом второй инстанции (ст. 393 Разъяснения).

При открытии судебного заседания, народный суд второй инстанции может принять решение о проведении заседания по месту совершения преступления либо по месту нахождения народного суда, рассматривавшего дело по первой инстанции. В тех, случаях, когда народный суд второй инстанции принимает решение не проводить судебное заседание для рассмотрения дела, он все же должен допросить подсудимого, заслушать мнения других заинтересованных сторон, защитников и представителей. Также все члены состава суда должны ознакомиться с документами и, при необходимости, представить письменные заключения по этим документам (ст. 400 Разъяснения).

По делу, опротестованному народной прокуратурой, или делу о публичном преследовании, рассматриваемому народным судом второй инстанции в судебном заседании, народная прокуратура того же уровня направляет своих сотрудников для участия в судебном заседании. Народный суд второй инстанции, приняв решение о начале судебного заседания, уведомляет прокуратуру о необходимости рассмотрения материалов дела, и последняя должна завершить рассмотрение их в течение одного месяца. Время для ознакомления с материалами дела народной прокуратурой не входит в срок судебного разбирательства. Если народная прокуратура в случае заявленного представления, не направляет сотрудников для явки в суд после получения уведомления об открытии судебного разбирательства без указания причины, народный суд может обязать народную прокуратуру отозвать представление.

Уголовно-процессуальный закон КНР в ст. 236 содержит виды решений, которые народный суд второй инстанции уполномочен принять в соответствии с выявленными обстоятельствами:

1) если решение народного суда первой инстанции было правильным при установлении обстоятельств дела и применении закона и обоснованным при вынесении приговора, народный суд второй инстанции должен принять решение об оставлении без удовлетворения

апелляционной жалобы или представления и об оставлении приговора или постановления без изменения;

2) если решение народного суда первой инстанции не содержало ошибок в установлении обстоятельств, но было неправильным с точки зрения применения закона или необоснованным при вынесении приговора, народный суд второй инстанции должен пересмотреть итоговое решение;

3) если обстоятельства дела в решении народного суда первой инстанции были неясны или доказательств недостаточно, народный суд второй инстанции может пересмотреть приговор после установления обстоятельств дела или может отменить первоначальное решение и вернуть дело в народный суд первой инстанции для повторного рассмотрения.

Если народный суд первой инстанции по делу, возвращенному на новое рассмотрение в соответствии с пунктом 3 предыдущего параграфа выносит новое решение, а ответчик подает снова апелляцию или народная прокуратура подает представление, то народный суд второй инстанции должен вынести решение или постановление в соответствии с законом и не возвращать дело в народный суд первой инстанции для нового судебного разбирательства (ст. 405 УПЗ КНР).

Касательно поданной апелляции относительно постановления суда первой инстанции предусмотрены следующие виды решений:

- отказ в удовлетворении апелляционной жалобы или апелляционного представления;
- отмена постановления;
- пересмотр постановления.

При рассмотрении апелляционного дела, инициатором которого явился подсудимый или его законный представитель, защитник или близкий родственник, народный суд второй инстанции не может ужесточить наказание подсудимому. Если дело передано в народный суд первой инстанции для нового рассмотрения народным судом второй инстанции, и, если нет новых фактов преступления и народная прокуратура не инициировала дополнительное уголовное преследование, народный суд первой инстанции также не может ужесточать наказание подсудимого. Такое же положение и в отношении подсудимых, совершивших преступление в соучастии, когда только некоторые из них подают апелляционную жалобу (более подробно см.: ст. 401 Разъяснения). Однако перечисленное ограничение не распространяется на дела, обжалованные народной прокуратурой, или дела, обжалованные частными обвинителями. Если народная прокуратура заявля-

ет представление только на приговор некоторым подсудимым или частный обвинитель подает апелляцию только на приговор некоторым подсудимым, народный суд второй инстанции не должен увеличивать наказание другим подсудимым по тому же делу (ст. 402 Разъяснения).

Если народный суд второй инстанции обнаруживает, что народный суд первой инстанции нарушает процессуальные нормы, предусмотренные законом, одним из следующих способов, он должен отменить решение суда первой инстанции и передать дело в народный суд первой инстанции для повторного рассмотрения: нарушение положений закона о публичном судебном разбирательстве; нарушение системы отводов; лишение сторон права на судебное разбирательство, предусмотренное законом, или ограничение такого права, которое может препятствовать беспристрастности судебного разбирательства; нарушение закона при формировании суда; другие нарушения процессуального порядка, предусмотренного законом, которые могут помешать беспристрастности судебного разбирательства.

При рассмотрении дела народным судом второй инстанции народная прокуратура, подсудимый, его защитник могут представлять новые доказательства, а народный суд в свою очередь должен незамедлительно уведомлять об этом другую сторону для соответствующего ознакомления и копирования.

Итак, судебное разбирательство начинается с оглашения решения или постановления суда первой инстанции, затем заявитель или защитник зачитывает апелляционную жалобу, излагает причины апелляции, либо прокурор зачитывает апелляционное представление. Если в апелляционном деле присутствуют и апелляционная жалоба, и апелляционное представление, то сначала зачитывается апелляционное представление. На стадии судебных прений по апелляционным делам сначала выступает заявитель и защитник, а затем выступает прокурор; по делам апелляционного представления сначала выступает прокурор, а затем ответчик и защитник; в случаях, когда в деле имеются и жалоба, и представление, сначала выступает прокурор, а затем выступит заявитель и защитник.

В зависимости от обстоятельств апелляционного дела могут применяться различные способы его рассмотрения:

– при зачитывании решения суда первой инстанции может быть оглашена только причина рассмотрения дела, основные обстоятельства дела, доказательства, текст итогового судебного решения;

– судебное расследование должно быть сосредоточено на обстоятельствах дела, доказательствах и новых доказательствах, которые вызывают возражения относительно решения суда первой инстанции; обстоятельства дела, доказательства и обстоятельства, которые не вызывают возражений, могут быть подтверждены непосредственно;

– если один из ответчиков не подал апелляцию, не был вызван в суд или народный суд сочтет ненужным его явку, он больше не может быть вызван в суд;

– в случаях, когда ответчик совершил несколько преступлений, то преступления, в отношении которых обстоятельства дела ясны и нет возражений, не могут быть рассмотрены в ходе судебного разбирательства.

– если один из ответчиков заявляет о желании явиться в суд, однако не подал апелляцию, и народная прокуратура не заявила в отношении него представление, такое заявление должно быть удовлетворено.

Ответчики, явившиеся в суд, могут участвовать в судебном разбирательстве и судебных прениях.

В случаях, когда народный суд второй инстанции приходит к выводу, что обстоятельства дела, установленные судом первой инстанции неясны либо собранных по делу доказательств недостаточно, он может как самостоятельно изменить итоговое решение, установив обстоятельства, либо отменить итоговое решение и отправить дело обратно в суд первой инстанции для нового судебного разбирательства. Народный суд первой инстанции образует новую коллегию в соответствии с процедурами первой инстанции. Народный суд, первоначально рассматривавший дело, заново исчисляет срок рассмотрения дела, переданного ему народным судом второй инстанции, со дня приема возвращенного дела (ст. 241 УПЗ КНР).

Народный суд второй инстанции закрывает рассмотрение дела об апелляционной жалобе или апелляционном представлении в течение двух месяцев после принятия дела. Законом предусмотрены случаи и процедура продления этого срока (ст. 243 УПЗ КНР). Верховный народный суд самостоятельно устанавливает срок для рассмотрения принятых им дел об апелляционной жалобе или представлении.

Все решения и постановления суда второй инстанции, а также все решения и постановления Верховного народного суда являются окончательными и вступают в законную силу с даты объявления.

Решение, вынесенное народным судом, включает распоряжение имуществом и накопленными плодами, которые были опечатаны, арестованы или заморожены. После вступления в силу приговора народного суда соответствующий орган распоряжается данным имуществом

в соответствии с приговором. Все такое имущество и накопленные плоды передаются в Государственную казну, за исключением того, что возвращается потерпевшему в соответствии с законом.

По делам частного обвинения второй инстанции при необходимости может быть проведена процедура медиации, а также стороны могут урегулировать дело самостоятельно. Если дело закрыто путем медиации, должен быть подготовлен документ о посредничестве, и решение или постановление суда первой инстанции считается автоматически отмененным. Если же сторонам удастся урегулировать дело самостоятельно, оно будет рассматриваться в соответствии с положениями ст. 329 Разъяснения (до оглашения решения стороны по делу частного обвинения могут урегулировать его самостоятельно, а частный обвинитель может отозвать частное обвинение); если возможен отзыв частного обвинения, решение или постановление суда первой инстанции должно быть отменено.

Народный суд второй инстанции может поручить народному суду первой инстанции вынести решение от своего имени и вручить заинтересованным сторонам решение или постановление суда второй инстанции. Народный суд первой инстанции должен направить стенограмму судебного решения в народный суд второй инстанции в течение пяти дней после вынесения решения от его имени. Народный суд второй инстанции должен непосредственно передать решение или постановление в народную прокуратуру того же уровня.

Далее речь пойдет о случаях, когда приговор или постановление народного суда уже вступили в законную силу. Так, стороны по делу, а также их законные представители, близкие родственники могут подавать жалобы в народный суд или в народную прокуратуру по уже вступившим в законную силу приговорам и постановлениям, но не приостанавливая их исполнения (ст. 252 УПЗ КНР) [5]. Также согласно ст. 451 Разъяснения, если лицо, не участвующее в деле, считает, что вступившие в законную силу приговор или постановление ущемили его законные права и интересы, то он также имеет право подать жалобу в народный суд. Жалоба может быть подана через адвоката.

При обращении с жалобой в суд должны быть предоставлены следующие материалы:

- 1) ходатайство (сама жалоба), в которой указывается основная информация сторон, контактная информация, а также факты и причины обращения;

- 2) оригиналы судебных решений, постановлений и других юридических документов по делу;

3) другие необходимые материалы. При наличии новых доказательств того, что факты, установленные в первоначальном приговоре или постановлении, действительно были ошибочными, одновременно должны быть предоставлены соответствующие доказательственные материалы.

В случае соответствия заявленной жалобы требованиям предыдущего абзаца народный суд выдает расписку в получении материалов. В случае несоответствия жалобы требованиям предыдущего пункта народный суд уведомляет заявителя о дополнении материалов, при отказе заявителя от дополнения материалов без уважительных причин жалоба не рассматривается (ст. 452 Разъяснения).

Для возобновления судебного разбирательства в народном суде, жалоба согласно ст. 253 УПЗ КНР должна также соответствовать следующим обстоятельствам:

1) имеются новые доказательства, подтверждающие, что факты, определенные в первоначальном постановлении, действительно неверны, и это может повлиять на осуждение и вынесение приговора;

2) доказательства, на которых основаны обвинительный приговор и вынесение приговора, являются неточными, недостаточными и должны быть исключены в соответствии с законом, или существует противоречие между основными доказательствами, подтверждающими факты по делу;

3) в примененном законе первоначального судебного решения имеется ошибка;

4) нарушение предусмотренных законом процедур судебного разбирательства, которое может повлиять на справедливое судебное разбирательство;

5) при рассмотрении дела, судьи принимали взятки, совершали иные злоупотребления с целью личной выгоды и действовали в нарушении закона.

Если жалоба не соответствует вышеуказанным обстоятельствам, лицо убеждают отозвать жалобу, и если жалоба остается в том же виде, то лицу вручается письменное уведомление об ее отклонении. Если лицо не удовлетворено отклонением жалобы, можно обратиться в народный суд вышестоящей инстанции. Если народный суд вышестоящей инстанции в результате рассмотрения установит, что жалоба не соответствует положениям статьи 253 УПЗ КНР и ч. 2 ст. 457 Разъяснения, суд убеждает заявителя отозвать жалобу, в ином случае заявителю выдается уведомление об отказе в повторном рассмотрении дела.

В случае, если Председатель народного суда любой ступени обнаружит, что уже во вступившем в законную силу приговоре и постановлении допущены ошибки в квалификации фактических обстоятельств либо в применении закона, то он обязан передать дело для вынесения решения в Судебный комитет.

В случае обнаружения ошибок, Верховный народный суд, по уже вступившим в законную силу приговорам и постановлениям народных судов различных ступеней, а народный суд вышестоящей ступени, по уже вступившим в законную силу приговорам и постановлениям народного суда нижестоящей ступени, уполномочен пересмотреть дело, а также уполномочен обязать народный суд нижестоящей ступени пересмотреть дело.

В случае обнаружения ошибок, народная прокуратура также имеет полномочия реагировать в порядке надзора. Так, Верховная народная прокуратура по уже вступившим в законную силу приговорам и постановлениям народных судов различных ступеней и вышестоящая народная прокуратура, по уже вступившим в законную силу приговорам и постановлениям народного суда нижестоящей ступени, имеет право обратиться в народный суд той же ступени с представлением [6, С. 768-770].

По делам, по которым народной прокуратурой подано представление, народный суд, принявший представление, должен образовать суд с участием народных заседателей для повторного рассмотрения дела в случае, если по первоначальному приговору факты не выяснены либо доказательств недостаточно, он может обязать народный суд нижестоящей ступени повторно пересмотреть дело.

Нововведением УПЗ КНР 2018 года является положение, согласно которому в случае, когда народный суд вышестоящей ступени требует от народного суда нижестоящей ступени пересмотра дела, то народный суд вышестоящей ступени должен назначить народный суд нижестоящей ступени, для судебного разбирательства, но не тот, который первоначально рассматривал дело (ст. 255 УПЗ КНР).

В случае, если народный суд, первоначально проводивший разбирательство по делу, повторно рассматривает его, то, в соответствии с порядком судебного контроля, необходимо дополнительно сформировать суд с участием народных заседателей. В случае, если дело относилось к суду первой инстанции, то судебное разбирательство следует проводить согласно судебному производству первой инстанции, по всем судебным приговорам, решениям возможно обжалование; в случае, если дело изначально относилось к суду второй инстанции либо

пересматривалось народным судом вышестоящим на одну ступень, то следует проводить судебное разбирательство приговора, постановления согласно судебному производству второй инстанции, что будет являться приговором, постановлением окончательной судебной инстанции. При соблюдении положений статей 296 и 297 Уголовно-процессуального закона судебные процессы могут проводиться в заочном порядке.

При пересмотре дела народным судом, народная прокуратура той же ступени должна отправить в суд представителя.

В случае, если народный суд выносит решение о пересмотре дела, и необходимо избрать меру пресечения для обвиняемого, то народный суд на основании законов выносит данное решение; в случае, если народная прокуратура заявляет о пересмотре дела встречным представлением и необходимо избрать меру пресечения для обвиняемого, то народная прокуратура на основании законов выносит данное решение. Народный суд, в соответствии с порядком судебного контроля, может принять решение о приостановлении исполнения первоначального приговора, определения. Данные положения также являются нововведением УПЗ КНР 2018 года.

По делам, повторно рассматриваемым народным судом в порядке судебного контроля (судебного надзора), окончательное решение должно быть вынесено в трехмесячный срок со дня вынесения постановления о пересмотре дела либо о его повторном рассмотрении, а при необходимости продления срока рассмотрения, он не должен превышать шести месяцев.

Срок рассмотрения принятого представления народным судом в соответствии с порядком судебного контроля составляет 3 месяца; в случае необходимости повторного рассмотрения дела народным судом нижестоящей ступени решение должно быть вынесено в течение одного месяца со дня принятия представления; срок рассмотрения дела народным судом нижестоящей ступени аналогичен сроку, указанному в предыдущем абзаце. Если продление требуется в связи с особыми обстоятельствами, об этом сообщается в Верховный народный суд для утверждения (ст. 210 Разъяснения).

При рассмотрении дел, поданных на пересмотр, народный суд может заслушивать мнения сторон и подразделения суда, первоначально рассматривавшего дело, а также может проверять доказательства, использованные для осуждения и вынесения решения в первоначальном приговоре. Народный суд также может исследовать новые доказательства. Разъяснение содержит положение (ст. 458), согласно которо-

му доказательства признаются «новыми». Так, при любом из следующих обстоятельств, доказательства, которые могут изменить факты, на которых основывалось первоначальное решение или постановление для осуждения и вынесения приговора, считаются «новыми доказательствами» в соответствии с п. 1 ст. 253 УПК КНР:

1) вновь обнаруженные доказательства после вступления в силу первоначального решения или постановления;

2) доказательства, которые были обнаружены, но не были собраны до вступления в силу первоначального решения или постановления;

3) доказательства, собранные, но не подвергнутые перекрестному допросу, проверке до вступления в силу первоначального судебного решения или постановления;

4) признание подсудимого, свидетельские показания и другие доказательства, на которых основано постановление, изменились, что повлияло на обвинительный приговор, и на это имеются разумные причины.

При принятии решения о повторном рассмотрении дела, народный суд выносит письменное решение. Исполнение первоначального приговора или постановления не приостанавливается в период повторного судебного разбирательства, но, если подсудимый может быть оправдан после повторного судебного разбирательства или первоначальный приговор может быть смягчен и срок наказания истек, может быть принято решение об отсрочке исполнения приговора. Если же народный суд обнаружит, что обвиняемый в первоначальном судебном процессе совершил другие преступления во время судебного разбирательства, то на усмотрение суда дело может рассматриваться как с объединением составов, так и раздельно.

Повторное судебное разбирательство, как правило, не увеличивает приговор подсудимому в первоначальном судебном процессе, если только народная прокуратура не протестует. Если повторное судебное решение или представление вынесены только против некоторых из подсудимых по первоначальному делу, наказание других подсудимых по тому же первоначальному делу не может быть увеличено. Народная прокуратура также может отозвать представление до суда, о чем должны быть извещены участники процесса.

После повторного рассмотрения дела суд выносит одно из следующих решений:

1) если первоначальное судебное решение или постановление верно в установлении фактов и применении закона, и приговор является

ся надлежащим, суд принимает решение об отклонении поданной жалобы или представления и оставляет в силе первоначальное решение;

2) если первоначальное судебное решение или постановление является точным и вынесение приговора уместным, но есть недостатки в определении фактов применимого закона и т. д., выносится решение об исправлении и сохранении первоначального судебного решения или постановления;

3) если первоначальное судебное решение или постановление определяет, что в фактах нет ошибки, но применимый закон является неправильным или приговор является ненадлежащим, первоначальное судебное решение или постановление должно быть отменено и приговор должен быть смягчен в соответствии с законом;

4) при неясности фактов первоначального решения или постановления и недостаточности доказательств, решение может быть изменено после выяснения обстоятельств или первоначальное решение может быть отменено и дело возвращено в первоначальный народный суд для нового судебного разбирательства.

Если факты первоначального решения или постановления неясны или доказательств недостаточно, и факты были выяснены после судебного разбирательства, решение должно основываться на фактах, которые были выяснены в соответствии с законом; если факты все еще не могут быть выяснены, доказательств недостаточно, а решение должно быть принято в соответствии с законом, то подсудимый не может быть признан виновным, первоначальное судебное решение должно быть отменено, и новое судебное решение объявляет подсудимого невиновным.

Стороны, оправданные в повторном и пересмотренном судебном процессе, имеют право на государственную компенсацию в соответствии с законом. При оглашении приговора народным судом, они должны быть проинформированы о том, что могут ходатайствовать о государственной компенсации после вступления решения в законную силу (ст. 474 Разъяснения).

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный закон КНР (в редакции 2018 года)
中华人民共和国刑事诉讼法 [Zhōnghuá rénmín gònghéguó xíngshì sùsòng fǎ] [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-11/05/content_2065631.htm (дата обращения: 02.09.2023).

2. Правоохранительные органы. Учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Н. Г. Стойко, Н.П. Кирилловой, И.И. Лодыженской, М., 2023.
3. Разъяснение Верховного народного суда о применении Уголовно-процессуального закона Китайской Народной Республики 最高人民法院关于适用《中华人民共和国刑事诉讼法》的解释 [Zuigāo rénmin fǎyuàn guānyú shìyòng “zhōnghuá rénmin gònghéguó xíngshì sùsòng fǎ” de jiěshì] Электронный ресурс]. – URL: http://m.law-lib.com/law/law_view.asp?id=712161&page=55 (дата обращения: 02.09.2023).
4. Малышева Н. И., Трощинский П. В. Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект. СПб., 2022.
5. Ван Лицун “Может ли потерпевший по уголовному делу подать апелляцию? (Что должен делать потерпевший по уголовному делу, если он не удовлетворен приговором?)” 06.01.2023 王立群 “刑事案件被害人能提起上诉吗(刑事案件的被害人, 对于判决结果不服, 应该怎么办?” [Wan Licun “Xíngshì ànjiàn de shòuhài zhě kěyǐ tíchū shàngsù mǎ? (Zài xíngshì ànjiàn zhōng, rúguǒ shòuhàirén duì pànjué bù mǎnyì, gāi zěnmebàn?)”] [Электронный ресурс]. URL: <https://110.hongjibp.com/news/84238.html> (дата обращения: 02.09.2023).
6. Современное китайское государство / гл. ред. А.В. Виноградов; Т. 1: Основные институты государственной власти и управления / редколл. А.В. Виноградов (гл. ред.) и др. М., 2022.

Елена Владимировна Коротыш

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
Новосибирский государственный университет

РАВНЫ ЛИ СТОРОНЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Статья посвящена правовым последствиям прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Полагая, что назначением уголовного процесса является не только защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, но и защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, автор выступает за укрепление гарантий прав и интересов живых лиц, пострадавших от преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс; предварительное расследование; судебное разбирательство; защита прав и законных интересов потерпевшего; право обвиняемого на защиту.

Elena V. Korotysh

Cand. Sci. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Novosibirsk State University Elena V. Korotysh

ARE THE PARTIES TO CRIMINAL PROCEEDINGS EQUAL IN THE TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CONNECTION WITH THE DEATH OF A SUSPECT ACCUSED OF COMMITTING A CRIME?

The article is devoted to the legal consequences of the termination of criminal proceedings in connection with the death of a suspect accused of committing a crime. Believing that the purpose of the criminal process is not only to protect the individual from unlawful and unjustified accusation, conviction, restriction of his rights and freedoms, but also to protect the rights and legitimate interests of persons who are victims of crime, the author advocates the strengthening of guarantees of the rights and interests of living persons who have suffered from crime.

Keywords: criminal procedure; preliminary investigation; trial; protection of the rights and legitimate interests of the victim; the right of the accused to defense.

В условиях публичности назначение уголовного судопроизводства отражает наиболее желаемый результат, который может быть до-

стигнут при производстве по уголовному делу. Обозначая социальное явление, по содержанию более широкое, чем уголовно-процессуальные правоотношения, которые регулируются уголовно-процессуальным правом, назначение уголовного процесса является категорией, определяющей необходимость нормализации любых общественных отношений, которые возникли в результате как действительного, так и мнимого факта совершения преступления. Назначением уголовного процесса современный законодатель видит как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ).

Назначение уголовного судопроизводства может быть достигнуто лишь посредством эффективно действующего механизма. В данный механизм включены уголовно-процессуальные нормы, юридические факты и уголовно-процессуальные правоотношения. Одним из элементов данного механизма является юридический факт. Именно юридический факт приводит в динамику правоотношение и оказывает на него воздействие на всем этапе его существования [1, с. 402]. От правильного определения юридических фактов зависит эффективность применения норм права.

Смерть человека следует рассматривать как момент окончания (прерывания) биологического состояния жизни и вместе с тем, как юридический факт, означающий завершение индивидуальной правосубъектности. Однако для других, живущих в объективной реальности субъектов, смерть может выступать как правообразующий, так и правоизменяющий юридический факт. Важно отметить, что умерший участник уголовного судопроизводства остается частью правовой действительности, который, не имея возможности выразить своё волеизъявление, своей смертью влияет на дальнейшие правоотношения по уголовному делу. Как отмечают А. А. Демичев и О. В. Исаенко, главной чертой смерти является то, что в момент ее наступления существование субъекта права становится фикцией, умерший человек остается частью реальности [2, с. 32].

Одной из тенденций современного уголовного судопроизводства явилось развитие института правопреемства правомочий по защите

нематериальных благ, принадлежащих умершему участникам уголовно-процессуальных правоотношений, их близким родственникам, родственникам и иным близким лицам. На законодательном уровне этот институт закреплен в отношении умершего от действий (бездействий) лица, совершившего преступление или лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом. Так, в соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников. Участие в деле «процессуального потерпевшего» обусловлено необходимостью обеспечения посмертной защиты нематериальных благ, принадлежавших умершему, и связанных с ними личных неимущественных прав (право на честь, достоинство личности, доброе имя, право на жизнь и здоровье), а также реализации законных интересов близких родственников, родственников или близких лиц» [3, с. 1].

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в Постановлении от 14 июля 2011г. № 16-П « По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко», указав на необходимость продолжения производства по уголовному делу в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) в случае отсутствия согласия его близких родственников, тем самым назвал еще одного участника уголовного процесса, чья смерть порождает правопреемство. Что также говорит о возможности начала формирования нового вида производства в отношении умершего, о чем обоснованно подчеркивают ряд авторов [4, с.13].

Упоминание в резолютивной части данного Постановления Конституционного Суда лишь близких родственников как лиц, чье возражение не позволяет прекратить производство по уголовному делу, а в абз. 2, 4 п. 3 описательно-мотивировочной части «каких-либо других заинтересованных лиц» привело к неоднозначному пониманию того, кто же может реализовать данное право. Е. Г. Ларин высказал мнение, что указанным решением Конституционного Суда РФ законодателью было предписано конкретизировать перечень лиц, которым, помимо близких родственников, может быть предоставлено право настаивать на продолжении производства по уголовному делу для возможной реабилитации умершего [5, с. 13].

Расширительно толкуют круг лиц, чьё возражение против прекращения уголовного дела по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, влечет продолжение производства, В. М. Карпенко, С. А. Кузора, Ю. О. Максимихина, О. И. Цоколова, называя в их числе родственников и иных заинтересованных лиц [6, с. 226; 7, с. 55; 8, с. 13].

Конституционный Суд отмечает, что, не предоставив указанным лицам надлежащих средств правовой защиты в данном случае, законодатель, по сути, создал возможность неоднозначного истолкования, а следовательно, и произвольного применения п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК Российской Федерации. Конституционное право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, оно обязывает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения и обязывает компетентные органы исходить из необходимости обеспечения близким родственникам умершего доступа к правосудию и судебной защиты в полном объеме. Данная обязанность органов предварительного расследования и суда следует из ст. 46 Конституции Российской Федерации и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

По мнению Конституционного Суда РФ законный интерес близких родственников заключается, в первую очередь, в защите чести и достоинства умершего, доброй память о нем, а, во-вторых, защите собственной чести и достоинства, страдающих ввиду неопределенности в правовом статусе умершего, т.к. данное основание прекращения в отношении него уголовного дела является нереабилитирующим. Кроме того, законный интерес этих лиц суд видит, в случае реабилитации умершего подозреваемого (обвиняемого), в возможности возмещения понесенных им расходов, включая процессуальные издержки, суммы, затраченные на получение юридической помощи, расходы на лечение, а также убытков в виде упущенной выгоды (неполученные заработная плата и другие денежные средства, законной возможности получить которые реабилитированный лишился в результате действий дознавателя, следователя, прокурора и суда). При этом КС РФ ссылается на решение Европейского Суда от 15 ноября 2007 года по вопросу приемлемости жалобы А. А. Городничева против России, полагавшего, что при решении вопроса о том, могут ли заинтересованные лица участвовать в производстве по делу вместо умершего заявителя, особое внимание следует уделять природе их намерений. Европейский Суд, раскрывая природу намерений близких родственников умершего лица, связывает их с правами наследников, которые не могут требовать все-

объемлющего права продолжать производство по жалобе от своего собственного имени. Из всего этого можно заключить, что требование близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) о продолжении производства по уголовному делу в связи с необходимостью защиты собственных интересов потребует от законодателя не только оформления процессуального статуса данного участника уголовно-процессуальных правоотношений, но и расширения предмета доказывания.

Не только смерть подозреваемого (обвиняемого) приводит к правопреемству в уголовном судопроизводстве, но и смерть пострадавшего от действий (бездействий) лица, совершившего преступление. Круг этих лиц в разное время развития современного законодательства и правоприменительной практики не всегда понимался одинаково.

В первоначальной редакции УПК РФ права потерпевшего согласно ч. 8 ст. 42 переходили к одному из его близких родственников, круг которых очерчен п. 4 ст. 5 УПК. В п. 14 разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (далее ВС РФ) № 1 от 05 марта 2004г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» под допущенными при составлении обвинительного заключения нарушениями требований уголовно-процессуального закона понималось в качестве одно из таких нарушений отсутствие в нем данных о потерпевшем. Длительное время правоприменитель забывал видимо дочитывать текст предложения, сформулированного в указанном пункте постановления Пленума ВС РФ до конца, где была оговорка (если он был установлен по делу) поскольку уголовные дела ввиду отсутствия в обвинительном заключении сведений о потерпевшем, если последствием преступления являлась смерть лица, возвращались прокурором следователю в порядке п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, либо судом прокурору по основанию, предусмотренному п.1 ч.1 ст. 237 УПК РФ как содержащие недостатки, которые невозможно устранить при рассмотрении уголовного дела по существу. Конституционный Суд РФ своим определением от 18 января 2005 г. N 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» подчеркнул, что предназначение нормы ч. 8 ст. 42 УПК РФ состоит в том, чтобы определить круг близких родственников погибшего, которые могут претендовать на участие в производстве по уголовному делу, что не исключает право федерального законодателя предусмотреть иное регламентирование круга лиц, которые могут представлять в уголовном процессе интересы погибшего.

Законодатель ограничивал круг близких родственников, проведя границу по определенной степени родства. Тем самым он показывал, какова максимальная степень родства между погибшим и его близким родственником, при которой последнему причиняется моральный вред, достаточный для признания его потерпевшим в уголовном процессе. Смерть какого-либо дальнего родственника может, конечно, причинить человеку моральный вред, но тяжесть его законодателем признавалась недостаточной. Определяя круг лиц, к которым в случае смерти гражданина переходят права потерпевшего, законодатель действовал слишком жестко, не учитывая многообразия жизненных ситуаций. Практика вносила свои коррективы и именно жизненные ситуации подсказывали необходимость внесения изменений в законодательство. Так, Федеральным законом № 432-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» круг таких лиц стал включать не только близких родственников, но и близких лиц, а также родственников.

Участие близких родственников лица, которому причинена смерть в результате совершенного преступления, если они проявляют к этому инициативу обоснованно, ведь как писал М. С. Строгович, данные лица "являются его представителями в том смысле, что они защищают доброе имя потерпевшего, охраняют его память" и наряду с этим "близкие родственники потерпевшего и сами являются потерпевшими в прямом и непосредственном смысле слова: преступлением им причинен тяжкий моральный вред, т.к. они лишились близкого, дорогого им человека [9, с. 258].

Мотивом вступления в уголовно-процессуальные правоотношения процессуальных правопреемников со стороны умерших подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего являются «нравственные страдания» как проявление отрицательных эмоций в виде переживаний (стресс, фрустрация, внутренний конфликт, кризис), вызванных смертью близкого человека. Причем, в первом случае, эти эмоции вызваны не смертью подозреваемого (обвиняемого), а изобличением его в совершении преступления. Во-втором же случае, причина страданий – смерть близкого человека от действий, бездействий преступного характера. Правопреемник умершего подозреваемого (обвиняемого) может влиять на деятельность органов предварительного расследования и суда, требуя продолжения производства по уголовному делу. Правопреемник умершего от преступления лица на движение уголовного дела влиять не может, кроме права принесения жалоб на уголовно-

процессуальные решения, связанные с движением уголовного дела. Как же быть с защитой прав и законных интересов живого лица, непосредственно пострадавшего от преступления, если со стороны близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) нет возражений о прекращении производства по уголовному делу или возражать не кому? Ведь постановление о прекращении производства по уголовному делу, вынесенное следователем (дознавателем), не обладает преюдициальной силой, как это следует из ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ и ст. 90 УПК РФ. Потерпевший в таких условиях лишен возможности получить возмещение причиненного ему преступлением вреда из наследственной массы умершего подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления в силу возникающей сложности доказывания в порядке гражданского судопроизводства факта причинения ему вреда умершим лицом. Очевидно, законодателю надлежит наделить правом приносить возражения на прекращение производство по уголовному делу не только близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого), а, в-первую очередь, живого потерпевшего от преступления.

Список использованных источников

1. Алексеев С. С. Общая теория права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
2. Демичев А. А., Исаенкова О. В. Смерть как особый факт в гражданском процессе // Закон. 2007. № 11.
3. Патрушева А. А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства: автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2020.
4. Ларин Е. Г. Особенности производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) // Законодательство и практика. 2016. № 2.
5. Ларин Е. Г. Особенности производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) // Законодательство и практика. 2016. № 2.
6. Кузора С. А. Процессуальные проблемы прекращения уголовного дела в связи со смертью обвиняемого // Уголовно-процессуальные науки. 2021. № 4.
7. Максимихина Ю. О. Особенности производства по уголовному делу в отношении умершего // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26).
8. Цоколова О. И., Карпенко В. М. Особенности производства расследования по уголовным делам в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) // Научный портал МВД России. 2015. № 1.
9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970.

Наталья Викторовна Лантух,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
Санкт-Петербургский университет МВД России

УСТАНОВЛЕНИЕ СТАНДАРТА ДОКАЗЫВАНИЯ ДЛЯ ПОДОЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена проблемам обоснования подозрения при установлении причастности лица в совершении преступления, и тем самым оснований для приобретения субъектом уголовного судопроизводства процессуального статуса подозреваемого. Нормативное закрепление понятия подозреваемого как самостоятельного участника процесса не дает представления и понимания фактической основы постановки его в данное процессуальное положение, требующей соответствующего объема и содержания доказательств, отличных от положения обвиняемого. Также необходимо выявить те признаки для определения статуса подозреваемого, которые позволяют разграничивать ситуации, когда заподозренное лицо может быть поставлено первоначально в статус свидетеля по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, процессуальный статус, подозрение, причастность к совершению преступления.

Lantukh Natalia Viktorovna,

Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ESTABLISHING A STANDARD OF PROOF FOR SUSPICION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the problems of substantiating suspicion when establishing the involvement of a person in the commission of a crime, and thereby the grounds for the acquisition by a subject of criminal proceedings of the procedural status of a suspect. The normative consolidation of the concept of a suspect as an independent participant in the process does not give an idea and understanding of the factual basis for placing him in this procedural position, which requires an appropriate volume and content of evidence other than the position of the accused. It is also necessary to identify those signs for determining the status of a suspect that allow distinguishing situations when a suspected person may initially be placed in the status of a witness in a criminal case.

Keywords: criminal proceedings, evidence, procedural status, suspicion, involvement in the commission of a crime.

В уголовно-процессуальной сфере, в которой существует «конфликт» публичных и частных интересов, важным аспектом выступает

точное установление оснований для придания процессуального статуса субъектам правоотношений. В процессе осуществления досудебного уголовного преследования, являющегося для уголовного судопроизводства отправной точкой, данный вопрос имеет особое значение применительно к процессуальной фигуре подозреваемого.

Как свидетельствуют представители судейского сообщества, на протяжении нескольких лет существует практика отмены приговоров и иных судебных решений, принятых в порядке судебного контроля на досудебном этапе уголовного судопроизводства ввиду оперирования органами предварительного расследования неточными формулировками. Так, вместо «обвиняется в совершении преступления» ими используется «совершил преступление», вместо «имеется обоснованное подозрение в причастности к совершению преступления» – «причастен к совершению преступления» и т. д. [6].

В статье 46 УПК РФ закреплены формальные основания приобретения статуса подозреваемым, однако в отличие от норм, регламентирующих статус иных участников уголовного судопроизводства, они с точки зрения законодательной техники приведены не совсем корректно, не соответствуют общему подходу к формулировке такой разновидности норм. В данном случае было бы закономерным считать, что вариативное появление в уголовном процессе подозреваемого связано с принятием следующих процессуальных решений либо с составлением процессуальных актов: 1) протоколом уголовно-процессуального задержания; 2) постановлением о возбуждении уголовного дела (*возбуждении уголовного преследования?*) в отношении конкретного лица; 3) постановлением об избрании меры пресечения; 4) уведомлением о подозрении.

Следует отметить, что во всех перечисленных случаях, отсутствует указание на фактическое основание принятия таких решений, на что неоднократно обращали внимание многие юристы.

Так, А. В. Земцова, В. В. Велигодский полагают, что фактические или материальные основания – это «доказательства, подтверждающие подозрение в совершении преступления и обязывающие должностное лицо вынести мотивированное постановление, которое свидетельствует о возникновении уголовно-процессуального статуса подозреваемого» [1, с. 9; 4, с. 187].

По мнению А. П. Кругликова, подозреваемым следует считать лицо, в отношении которого следователем (дознавателем) по находящемуся в его производстве уголовному делу выдвинуто и изложено в определенных процессуальных документах *обоснованное предположе-*

ние о совершении этим лицом преступления и предприняты определенные процессуальные действия, направленные на его изобличение [6, с. 103].

Как представляется, если фактическим основанием привлечения в качестве обвиняемого служит наличие достаточных доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что конкретное лицо совершило преступление, то в случае с подозреваемым наличие доказательств также должно быть обязательным, но их достоверность в полной мере не установлена, а объем доказательств недостаточен для вывода о виновности. М. С. Строгович отмечал, что подозреваемый – это лицо, в отношении которого имеются данные о совершении им преступления, недостаточные для привлечения его в качестве обвиняемого и предъявления обвинения, но вызывающие необходимость незамедлительного применения к нему задержания или меры пресечения [9, с. 35]. Возникает вопрос: а каков должен быть объем доказательств, каким критериям он должен соответствовать, чтобы установить не виновность субъекта (обвинительный тезис носит вероятностный характер), а его причастность к совершению преступления?

Кроме того, вариативность получения статуса подозреваемого ставит вопрос о том, что в трех из указанных случаев есть признак или критерий «очевидности», например, ярко проявляющийся при задержании либо при возбуждении уголовного дела в отношении лица, в меньшей степени – при уведомлении о подозрении. Однако в силу устоявшейся традиции советского уголовного процесса, существует еще один, сам по себе исключительный, вариант вхождения в процесс подозреваемого – избрание любой меры пресечения до выдвижения обвинительного тезиса. Практически такое положение оправдано, так как органы уголовного преследования зачастую вынуждены, не имея достаточных на этот момент доказательств, превентивно и на перспективу обеспечить участие в производстве по уголовному делу «потенциального обвиняемого».

По нашему мнению, спорной является точка зрения, высказываемая в юридической литературе, согласно которой момент приобретения лицом правового статуса подозреваемого непосредственно связан с «фактом любого вовлечения его в сферу уголовно-процессуальной деятельности соответствующих правоохранительных органов, направленной на проверку предположения о причастности такого лица к содержащему признаки преступления деянию (до выдвижения обвинения)» [2, с. 152]. Здесь обнаруживается существующее в процессе противоречие между деятельностью по установлению обстоятельств, подле-

жащих доказыванию, и обеспечением прав и законных интересов, вовлекаемых в него лиц, связанными с этой деятельностью и сопряженной с применением мер уголовно-процессуального принуждения. Однако с точки зрения общих уголовно-процессуальных постулатов, строгости буквы закона и теоретической обоснованности следует принимать во внимание, что в первую очередь должна быть установлена причастность лица на основе имеющихся доказательств и вынесено соответствующее процессуальное решение, во вторую – установлены самостоятельные основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, для избрания конкретной меры пресечения в отношении субъекта, уже имеющего к этому моменту определенный в решении процессуальный статус подозреваемого.

Известно, что в период действия УПК РСФСР 1960 г. УПК в органах предварительного расследования до привлечения в качестве обвиняемых лиц, подозреваемых в совершении преступления, предварительно допрашивали как свидетелей об обстоятельствах, которые впоследствии включались в формулировку предъявленного обвинения. Это было вызвано стремлением следователей, дознавателей восполнить пробелы в доказательствах и сформировать внутреннее убеждение о наличии оснований для предъявления обвинения. Должностные лица органов предварительного расследования не допрашивали лиц в качестве подозреваемых, а приглашали их для производства следственных действий в статусе свидетеля, до определенного времени, не имеющего право на свидетельский иммунитет, поскольку в большинстве случаев они не могли признать лицо подозреваемым, не имея на то оснований, мотивов и иных условий для применения мер принуждения. Таким образом, правоприменителям часто приходилось либо допрашивать таких «подозреваемых» в качестве свидетелей, с предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний, либо применять к ним (без наличия оснований) наиболее мягкую из мер пресечения – подписку о невыезде и тем самым ставить людей в положение подозреваемых. Исследуя недостатки законодательной техники, ощущая потребность в определении участника уголовного судопроизводства, который не поставлен следователем в статус подозреваемого, но по обстоятельствам дела таковым является, А. А. Чувилёв ввел в науку уголовного процесса понятие «заподозренного», однако это по сути не решило проблему и до настоящего времени. Вариант ее разрешения посредством исключения из уголовно-процессуального права фигуры подозреваемого как такового, который сейчас предлагают неко-

торые ученые, не решает существующей проблемы, которая носит системный характер. [11, С. 7].

Как указывает И. С. Дикарев, «подозрение – это основанное на достаточных данных предположение о причастности лица к совершению деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством» [3, с. 20].

Таким образом, в уголовном процессе существует «презумпция причастности», поскольку под подозрение может попасть как лицо, совершившее преступление, так и лицо, его не совершившее. Большинство ученых, определяя дефиницию «подозрение», включают в нее указание на фактическое основание – «основанное на достаточных данных предположение о причастности лица к совершению деяния», «есть основания полагать, что данное лицо совершило преступление», т.е. на доказательства, подтверждающие причастность лица к совершению преступления.

В мировой практике, как отмечает О. В. Качалова, отсутствие обоснованного подозрения судами признается в следующих ситуациях:

- ссылка исключительно на ничем не подкрепленную оперативную информацию о том, что заявитель вовлечен в преступную деятельность;
- заявление потерпевшего о совершенном в отношении него преступлении, в котором отсутствуют сведения о лице, совершившем преступление;
- заявление от имени потерпевшего о совершении обвиняемым преступления, которое, по утверждению потерпевшего, он не составлял либо в котором данные о лице были приведены по указанию сотрудника полиции при принятии;
- ссылка судов на «материалы дела», если в этих материалах отсутствуют какие-либо доказательства, свидетельствующие о причастности лица к преступлению;
- вмененные подозреваемому действия не содержали в себе состава преступления в момент их совершения.

Суды выдвигают требования, чтобы мотивировочная часть решения о причастности лица содержала анализ представленных материалов, на основании которых суд пришел к выводу о наличии обоснованного (разумного) подозрения, и не принимают стандартной формулировки о том, что «представленные следователем материалы свидетельствуют о достаточности данных, подтверждающих обоснованность подозрения», без указания на конкретные факты и материалы и без их анализа недостаточно [5].

По словам А.В. Смирнова, разработка универсальной модели доказанности обстоятельств дел в судопроизводстве выступает одной из наиболее важных проблем юридической теории современного судебного процесса. В создании такой модели должны быть учтены различные критерии, или стандарты доказанности – определенная степень представления доказательств, до которой сторона должна доказывать обстоятельства [8].

Стандарты доказанности, которые детально разработаны в английском уголовном процессе, различают две степени доказанности: 1) доказательства, «убедительные на первый взгляд» и достаточные для предъявления в уголовном процессе первоначального обвинения (*prima facie*); 2) доказательства, убедительные «вне разумного сомнения» и достаточные для формулирования окончательного обвинения и передачи обвиняемого суду.

Учитывая особенности конструкции данного типа уголовного процесса и сопоставляя их с системой уголовного процесса России, следует сказать о том, что данная система стандартов применима по отношению к фигуре обвиняемого-подсудимого. В случае выдвижения оснований для подозрения, вероятно, применим первый приведенный критерий степени доказанности, с той разницей, что объем доказательств для подозрения меньше, чем для первоначального обвинения, и достоверность доказательств до конца не выяснена. Стандарты английской теории доказывания просты, универсальны для применения, однако требуют дополнительной корректировки при разработке стандартов доказывания для подозрения и первоначального обвинения в досудебном производстве, с учетом «классических» правил оценки доказательств в российском уголовном процессе. Возможно, одним из таких признаков можно считать «условия очевидности», которые были в свое время заимствованы российским законодателем из французского уголовного процесса как строго определенные в ст. 91 УПК РФ основания для задержания, явка с повинной при наличии других подтверждающих причастность лица доказательств и др.

Возникает вопрос, возможно ли разработать стандарты доказывания при отсутствии признака очевидности. В. В. Хилюта применительно к установлению стандартов доказывания по делам о взяточничестве предлагает следующие основания: 1) материалы ОРМ по задержанию лица при получении взятки; 2) прямые показания свидетелей, взяткодателя о принятии должностным лицом материальных ценностей или получения выгод имущественного характера, посредников либо лиц, которых должностное лицо склоняло к соучастию в своем

преступлении; 3) материалы прослушивания телефонных и иных переговоров, преобразованные и легализованные в процессе расследования и судебного рассмотрения в доказательства; 4) доказательства наличия у обвиняемого (в том числе на счетах подконтрольных ему лиц) денежных средств, ставших, по мнению стороны обвинения, предметом взятки, доказательства, свидетельствующие о таких произведенных тратах, которые превышают полученные им доходы и могут быть расценены как произведенные из полученной взятки; 5) доказательства совершения лицом конкретных противоправных действий за взятку в пользу взяткодателя или представляемых им лиц с использованием служебных полномочий должностным лицом [10].

В континентальной системе права, в большей степени в германском уголовном процессе, классификация стандартов доказанности представлена не совсем определенными критериями для разных видов подозрения в совершении преступлений.

По свидетельству А. В. Смирнова, они представлены следующим образом: 1) «смутное подозрение» характеризуется преимущественно субъективными сомнениями в нормальности ситуации, когда гипотеза о совершении преступления может стать объективно вероятной; 2) «первоначальное, или простое, подозрение» необходимо, если нужно проверить, могло ли вообще иметь место уголовное преступление; 3) «сильное подозрение» имеет место, когда против конкретного лица возбуждено уголовное дело на основе определенных фактов; 4) «неотложное подозрение» основано на определенных фактах, когда высока вероятность того, что подозреваемый является исполнителем или соучастником преступления, и служит обязательным условием для выдачи ордера на арест и предварительное заключение; 5) «достаточное подозрение» основано на предварительной оценке преступления с вероятностью последующего осуждения. Оно существует, если осуждение более вероятно, чем оправдание, и является предварительным условием для предъявления публичного обвинения прокурором и начала основного разбирательства дела судом; 6) «убедительное подозрение» имеет место, когда суд на основании совокупности доказательств приходит к выводу, что преступление было совершено, поскольку нет никаких разумных сомнений в виновности обвиняемого [8].

Представляется, что последние два основания применительно к российскому уголовному процессу следует рассматривать скорее, как основания для первоначального (досудебного) и судебного обвинения.

Остальные представляют определенный интерес для возможной разработки стандартов доказывания для подозрения, но громоздки и расплывчаты.

Таким образом, в настоящее время нет четких и разумных критериев оценки доказательств по уголовным делам при обосновании подозрения и, как следствие, наделении лица процессуальным статусом подозреваемого. Однако при этом следует сделать вывод о том, что установление доказательств причастности лица к совершению преступления и доказывание оснований применения мер принуждения должны иметь самостоятельный характер.

Список использованных источников:

1. Велигодский В. В. Подозреваемый и его правовой статус в уголовном процессе: автореф. дис канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009.
2. Дациева Х. Г. Институт подозреваемого в механизме уголовного преследования // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3.
3. Дикарев И. Подозрение в уголовном процессе // Законность. 2013. № 8.
4. Земцова А. В. Проблемы законодательного определения процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном процессе // Образование и право. 2010. № 10.
5. Качалова О. В. Как ЕСПЧ оценивает законность заключения под стражу и домашнего ареста // Уголовный процесс. 2021. № 11.
6. Кругликов А. П. Уголовный процесс: учебник для бакалавров. М., 2015.
7. Поплавко В. И. 2022 год был насыщен изменениями, внесенными в УК и УПК // Уголовный процесс. 2023. № 2.
8. Смирнов А. В. Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания // Уголовный процесс. 2021. № 12.
9. Строгович М. С. О подозреваемом // Соц. законность. 1961. № 2.
10. Хилjuta В. В. Стандарты доказывания по делам о взяточничестве в ситуации, когда субъект не пойман с поличным // Уголовный процесс. 2022. № 9.
11. Чувилёв А. А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу: учебное пособие. М., 1982.

Наталья Евгеньевна Муллахметова,

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала
Саратовской государственной юридической академии

РЕЦЕНЗИЯ НА ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПОНЯТИЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Статья посвящена вопросам рецензирования экспертных заключений по уголовным делам. Автор рассматривает доктринальное определение рецензии на заключение эксперта, позиции ученых-процессуалистов на правовую природу данного документа, а также возможность использования в доказывании в качестве заключения специалиста. Отмечается проблема отсутствия законодательного регулирования процедуры рецензирования экспертных заключений, требований к структуре и содержанию рецензий, что препятствует во многих случаях признанию рецензии полноценным доказательством по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, заключение эксперта, заключение специалиста, экспертные ошибки, рецензия

Natalia Mullakhmetova

Associate Professor of the Department of Criminal Legal Disciplines
of the Smolensk branch of the Saratov State Law Academy (Smolensk),
Ph.D., Associate Professor

REVIEW OF THE EXPERT OPINION ON A CRIMINAL CASE: THE CONCEPT AND EVIDENTIAL VALUE

The article is devoted to the issues of reviewing expert opinions on criminal cases. The author considers the doctrinal definition of a review of an expert opinion, the position of procedural scientists on the legal nature of this document, as well as the possibility of using it as a specialist opinion in proving. The problem of the lack of legislative regulation of the procedure for reviewing expert opinions, requirements for the structure and content of reviews is noted, which in many cases prevents the recognition of a review as a full-fledged evidence in a criminal case.

Key words: criminal process, evidence, expert opinion, expert opinion, expert errors, review

Заключение эксперта широко используется в доказывании по уголовным, гражданским, административным делам, от него часто зависит итоговое решение по делу. Поэтому большое теоретическое и практическое значение имеет оценка данного вида доказательства следователем, дознавателем, прокурором, судом. Принцип свободы оценки доказательств, закрепленный в ст. 17 УПК РФ, не позволяет уста-

навливать приоритет одного доказательства перед другим, придавать им заранее установленную силу, нацеливая правоприменителя на анализ всей доказательственной базы в совокупности. Это правило относится и к заключению эксперта, оно не является исключительным средством доказывания, может быть оспорено сторонами. Опровергнуть выводы эксперта, их обоснованность, достоверность можно только с помощью специальных знаний в соответствующей области. Для этого УПК РФ предусматривает назначение повторной или дополнительной экспертизы, получение показаний и заключений специалиста, содержащих альтернативное суждение. Законом применительно к экспертизе установлена строгая процессуальная форма, включая случаи обязательного ее назначения, права участников процесса, требования к структуре экспертного заключения (гл. 27 УПК РФ). Из ст. 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности» следует, что заключение эксперта должно не только отражать результаты объективного, полного, всестороннего исследования, но и быть проверяемым с использованием общепринятых научных и практических данных. Применяемые экспертом методы должны позволять сделать достоверные, обоснованные и надежные выводы.

Как и в любой другой сфере человеческой деятельности, при производстве экспертиз возможны ошибки, которые по своему характеру делятся на ошибки процессуального характера (например, выход эксперта за пределы компетенции, самостоятельное получение объектов для исследования в нарушение п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, нарушение процессуального порядка назначения и производства экспертизы), гносеологические (отсутствие логической обусловленности выводов эксперта, их противоречивость, нарушение последовательности стадий исследования, недостаточная мотивированность) и деятельностные (операционные) ошибки (например, использование непригодной аппаратуры, некачественного сравнительного материала и пр.) [5, с. 9-27]. Выявление экспертных ошибок возможно, как правило, при проверке самим экспертом хода и результатов проведенного исследования, при анализе и обсуждении результатов экспертного исследования, проведенного комиссионно, либо при изучении другим экспертом или специалистом экспертных заключений.

В последние годы на практике все чаще стали прибегать к рецензированию экспертных заключений, при этом законодательного определения рецензии и процедуры ее получения, а также требований к структуре и содержанию не разработано. В доктрине под рецензией на

заключение эксперта понимается отзыв специалиста, данный по результатам исследования проведенной судебной экспертизы на основе представленного по ней экспертного заключения [4, с. 162]. Значение рецензии на экспертное заключение видится в том, что, во-первых, она может обосновывать ходатайство о назначении повторной или дополнительной экспертизы, во-вторых, обуславливать выбор между несколькими заключениями в случае их конкуренции, в-третьих, привести к исключению рецензируемого заключения из цепи доказательств. Судебная практика по различным категориям дел содержит убедительные примеры использования рецензий при приведении участниками правового спора доводов о несогласии с заключением эксперта, более того, отказ в приобщении к материалам дела рецензий, полученных сторонами самостоятельно, признается нарушением принципа равноправия и состязательности (См., например: Определение Верховного Суда РФ от 26.04.2022 № 43-КГ 22-3-К6 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2123276 (дата обращения: 28.08.2023)). Однако подменять собой заключение эксперта полученная на него рецензия не может, поскольку рецензент не проводит исследования тех же объектов, что и эксперт, действует без соблюдения процессуальной формы, предусмотренной для экспертизы, анализирует только правильность, логичность, обоснованность самого заключения.

Рецензирование экспертных заключений может быть внутренним (осуществляемым сотрудниками экспертных учреждений, проводивших экспертизу) и внешним (где в качестве рецензента выступают сотрудники иных организаций, обладающие специальными знаниями в соответствующей сфере). Внутреннее рецензирование сегодня предусматривается рядом ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы деятельности государственных экспертных учреждений. Так, Устав федерального бюджетного учреждения Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ, утвержденный Приказом Минюста России от 29.11.2022 № 308, относит к числу видов деятельности названного центра рецензирование заключений государственных судебных экспертов судебно-экспертных учреждений Минюста России (п. 2.5 Устава). Выборочное письменное рецензирование заключений экспертов должен проводить начальник экспертно-криминалистического подразделения органа внутренних дел в соответствии с п. 63 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ, утвержденной Приказом

МВД России от 29.06.2005 № 511, а также руководитель государственного судебно-экспертного учреждения в соответствии с п. 111 Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях РФ, утвержденного Приказом Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н.

Что же касается внешнего рецензирования, то оно законодательством не урегулировано. В доктрине можно встретить предложения рассматривать рецензию в качестве письменной консультации специалиста либо самостоятельного вида доказательств – заключения специалиста. Дьяконова О.Г. полагает, что научно-методическая проверка заключения судебной экспертизы может рассматриваться в качестве разновидности консультации специалиста и называет структурные элементы такой консультации, которые во многом совпадают с требованиями к заключению эксперта, предусмотренными в ст. 204 УПК РФ [1]. С этой точкой зрения можно согласиться, учитывая, однако, что в рецензии содержится не просто консультативное суждение, требующее специальных знаний, а критический отзыв на экспертное заключение, включающий выявление ошибок.

Несмотря на отсутствие законодательного регулирования порядка рецензирования заключений экспертов, в 2010 году НП «СПО судебных экспертов» был разработан документ «Вопросы организации и проведения мета-экспертиз (рецензий). Методические рекомендации по оценке соответствия выполненных экспертных исследований и их оформления требованиям федерального законодательства, методикам исследований и методическим рекомендациям, а также надлежащей достоверности и обоснованности полученных выводов» (Вопросы организации и проведения мета-экспертиз (рецензий). Утв. Протоколом заседания контрольного комитета НП «СПО судебных экспертов» №1445/1 от 08 декабря 2022 г.// Официальный сайт ООО «Экспрус». [Электронный ресурс]. URL: https://exprus.ru/upload/information_disclosure/voprosy_org_i_provedeniya_meta.pdf (дата обращения: 28.08.2023)). Авторы методических рекомендаций понимают под мета-экспертизой экспертное исследование другого экспертного исследования, отождествляя это с рецензированием. При этом в перечне терминов и определений рецензия специалиста на заключение эксперта называется заключением специалиста. Природа рецензии согласно рекомендациям двойственная: в ней есть юридическая и специальная части, поэтому к рецензированию привлекаются как минимум два специалиста, один из которых проводит правовой анализ соответствия выполненной судебной экспертизы процессуальному и иному законода-

тельству, а другой обладает специальными знаниями в той области, по которой проведена экспертиза, и проводит разбор заключения с позиции научной и методической обоснованности. В названных рекомендациях приведены и требования к рецензентам, среди которых наличие права самостоятельного производства вида экспертизы, которое ими рецензируется, достаточного опыта работы как экспертом, так и рецензентом, плановое прохождение повышения квалификации и процедуры сертификации по конкретной экспертной специализации. В названном документе приводится также алгоритм исследования экспертных заключений, описывается структура рецензии (заключения специалиста), порядок участия рецензента в судебном заседании.

В целом данные методические рекомендации являются полезным в практическом плане документом, который можно использовать и при оценке экспертных заключений участниками процесса самостоятельно. Но они не лишены недостатков в части определения терминов (прежде всего, понятий «рецензия», «заключение специалиста»). Называть рецензирование экспертным исследованием не корректно, поскольку речь идет не об экспертизе, а об обращении участников процесса за консультативной помощью к специалисту и оказании услуги по договору без вынесения постановления лицом, в чьем производстве находится дело. А вот признавать рецензию заключением специалиста вполне приемлемо, т.к. к процедуре его получения закон не предъявляет каких-либо требований. Но тут снова поднимаются вопросы о сущности такого вида доказательства как заключение специалиста, о его форме, которые уже много лет обсуждаются юридическим сообществом. Применительно к рецензированию также важно определить, вправе ли специалист при анализе экспертного заключения сам проводить опыты, собственное исследование объектов, или он изучает исключительно текст заключения, не прибегая к повторению действий эксперта. В приведенных выше методических рекомендациях говорится об определении степени достоверности выводов эксперта специалистом путем проведения аналогичного исследования либо использования доступных ему заведомо достоверных источников информации. Очевидно, что рецензент не получает те же объекты, которые были у эксперта, это возможно только при соблюдении процессуального порядка назначения экспертизы. Но воспроизвести исследование с аналогичными объектами вполне может.

Представляется, что для оценки относимости и допустимости экспертного заключения прибегать к помощи рецензентов вовсе не обязательно, это прерогатива правоприменителя, обладающего необ-

ходимыми для этого юридическими знаниями. А вот роль специалиста при анализе пригодности и достаточности объектов для экспертного исследования, правильности выбора и соблюдения примененной экспертной методики, логичности, полноты и объективности выводов, т.е. содержательной (фактической) стороны заключения эксперта, действительно велика. Так, в одной из рецензий на заключение судебно-психологической экспертизы приведены следующие данные, свидетельствующие о противоречивости, необоснованности выводов эксперта: «В заключении эксперт-психолог указывает, что для аудио- и визуальной диагностики представленный материал имеет неудовлетворительное качество («плохо слышна речь подэкспертного, невозможно рассмотреть мимические реакции...»), однако при этом описывает психофизиологическое состояние «подэкспертного» («лицо покрыто потом», «состояние тревожности») [6, с. 211].

В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 приведены некоторые существенные параметры оценки заключения эксперта: 1) квалификация эксперта, 2) достаточность предоставленных ему для исследования материалов, 3) надлежащие объекты. Все это проверяет и рецензент. Следует отметить, что в ранее действовавшей редакции названного пункта ППВС РФ № 28 указывалось на то, что для помощи в оценке заключения эксперта может привлекаться специалист, который дает разъяснения в форме устных или письменных заключений. Это позволяло многим процессуалистам обосновывать возможность признания рецензии на экспертное заключение самостоятельным видом доказательств – заключением специалиста. Так, А. Н. Линева, ссылаясь на п. 19 ППВС РФ № 28, делает вывод, что рецензия на заключение эксперта может быть оформлена в письменном виде как заключение специалиста. При этом указывалось на то, что в отсутствие правовой регламентации рецензирования экспертных заключений имеют место случаи необоснованных отказов в приобщении рецензий к материалам дела [2, с. 119-120]. Действительно, в судебной практике можно встретить разные позиции относительно доказательственного значения рецензий на экспертные заключения. Так, судами первой и апелляционной инстанций были отвергнуты заключения комиссии специалистов в форме научно-методической рецензии на заключение экспертов, и коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ с этим согласилась, указав, что к компетенции специалиста не относится оценка заключения эксперта, с точки зрения его допустимости как доказательства, поскольку это исключительная прерогатива суда (См., например: Определение судебной коллегии по уго-

ловным делам Верховного Суда РФ от 23 июня 2022 г. № 81-УД22-14-А5; Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 августа 2022 г. № 53-УД22-25СП-А5 // Справочная правовая система «Консультант Плюс»). Или использовалась такая формулировка: «Суд первой инстанции обоснованно отклонил представленное стороной защиты заключение специалиста, а также данные им показания. Судом верно констатировано, что фактически в своем заключении специалист дал оценку достоверности выводов проведенных по делу экспертиз, что в соответствии ст. 87, 88 УПК РФ, относится к компетенции суда. Кроме того, при подготовке заключения и дачи показаний специалисту не были предоставлены все материалы уголовного дела, в связи с чем его выводы в виде подготовленной рецензии на заключения экспертов не могли быть приняты во внимание, в том числе и потому, что противоречат иным доказательствам по делу» (Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2022 г. № 29-УД22-7-А4 // Справочная правовая система «Консультант Плюс»).

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 ряд положений, касающихся участия в уголовном процессе специалиста, из ППВС РФ № 28 исключили. Это объясняется тем, что аналогичные разъяснения уже были даны в ППВС РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ посчитал излишним оставлять в постановлении об экспертизе положения, относящиеся к участию в уголовном процессе специалиста. Поэтому внесенные в ППВС № 28 изменения не поменяли ситуации в плане возможности привлечения специалиста для помощи в оценке экспертного заключения.

Эксперты с большим опытом практической работы указывают на то, что имеют место случаи, когда рецензия на экспертное заключение лежит в основе назначения повторной экспертизы, но после ее проведения выводы первичного исследования подтверждаются, что указывает на несостоятельность заключения специалиста. При отсутствии четкого регулирования методического обеспечения экспертной деятельности мнение отдельного специалиста о качестве экспертного заключения не всегда бывает объективным. Сегодня также поднимается вопрос о необходимости валидации экспертных методик, т.е. оценки их пригодности для применения в практике, стандартизации методического обеспечения в сфере судебно-экспертной деятельности [3]. Представляется, что должна быть разработана и унифицированная методика

рецензирования экспертных заключений. Конечно, рецензия на экспертное заключение не должна служить инструментом затягивания процесса, злоупотребления процессуальными правами. Но использовать ее в доказывании для оценки заключений экспертов вполне допустимо, хотя при этом специалист-рецензент не должен вдаваться в решение вопросов, составляющих исключительную компетенцию правоприменителя, связанных с допустимостью и относимостью доказательства, проверять соблюдение процессуального порядка назначения и производства экспертизы. Представляется, что вопросы рецензирования экспертных заключений должны быть решены и на законодательном уровне, например, путем включения соответствующей главы в Федеральный закон «О судебно-экспертной деятельности в РФ», идея принятия которого прорабатывается уже давно (См.: Законопроект «О судебно-экспертной деятельности в РФ» № 306504-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 28.08.2023)), либо в существующий ФЗ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (хотя сфера его регулирования более узкая и не охватывает деятельность негосударственных экспертных учреждений).

Очевидно, что если рассматривать рецензию как отдельный вид доказательств – заключение специалиста (а для этого, по нашему мнению, нет препятствий), необходимо также урегулировать такие моменты как предупреждение специалиста о даче заведомо ложного заключения и о конфиденциальности, т.е. о неразглашении данных, которые стали ему известны при рецензировании экспертного заключения. Рецензия на экспертное заключение не может заменять его, она служит лишь для обнаружения недостатков ранее проведенной экспертизы и помощи в оценке ее результатов, в принятии решения о назначении дополнительной или повторной экспертизы, о вызове эксперта для допроса. Окончательное решение по оценке заключения эксперта, конечно же, остается за правоприменителем. При наличии четкой правовой регламентации порядка получения и составления рецензия может служить эффективным средством повышения качества экспертных заключений, а также обеспечения принципа состязательности в уголовном процессе.

Список использованных источников

1. Дьяконова О. Г. Рецензия специалиста на заключение судебной экспертизы: понятие, сущность, нормативное регулирование // Журнал Российского права. 2023. № 4.
2. Линев А. Н. К вопросу о процессуальном статусе рецензии на заключение эксперта // Вестник московского университета МВД России. 2020. № 1.
3. Марочкина В. В. Валидация как гарантия качества судебно-почерковедческой экспертизы // Администратор суда. 2021. № 3.
4. Рамазанов Т. Б., Раджабова З. Г. Использование рецензии на заключение эксперта при доказывании в уголовном процессе // Юридический вестник ДГУ. Т. 20. 2016. № 4.
5. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2022.
6. Терещенко В. В. Опыт рецензирования судебно-психологического экспертного исследования в уголовном процессе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 2 (77).

Александр Дмитриевич Назаров

доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ ВЛАСТЕЙ ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Судебный контроль на досудебных стадиях, прокурорский надзор и ведомственный (процессуальный) контроль рассматриваются автором сквозь призму соответствующей власти в уголовном судопроизводстве – судебной, прокурорской, следственной. Показаны действующие в правоприменительной практике модели взаимодействия этих властей и перспективы нормативного совершенствования данных видов контрольно-надзорной деятельности с целью соблюдения принципа законности в уголовном процессе, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок.

Ключевые слова: Судебная власть, прокурорская власть, следственная власть, баланс властей, судебный контроль, прокурорский надзор, ведомственный контроль, процессуальный контроль, следственная ошибка.

Alexander Dmitrievich Nazarov

St. Petersburg State University
Full Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St.
Petersburg State University Law School
Dr. Sci (Law), Docent

THE CURRENT STATE OF DEVELOPMENT OF JUDICIAL, PROSECUTORIAL AND INVESTIGATIVE AUTHORITIES TO REMOVE INVESTIGATIVE ERRORS IN THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Pre-trial judicial control, prosecutorial supervision and departmental (procedural) control are considered by the author through the lens of the relevant type of authority presented in criminal proceedings – judicial, prosecutorial and investigative. The article shows current models of cooperation between these authorities and prospects of regulatory improvement of these types of control and supervisory activity in order to ensure compliance with the rule of law, protection of human and civil rights and freedoms, as well as the identification, elimination and prevention of investigative errors.

Keywords: Judicial authority, prosecutorial authority, investigative authority, balance of authorities, judicial control, prosecutorial supervision, departmental control, procedural control, investigative error.

Следователь для достижения назначения уголовного судопроизводства наделен властными полномочиями, которые он реализует в первую очередь через вынесение постановлений и механизм процессуальной самостоятельности следователя. С целью обеспечения гарантий прав участников уголовного процесса и механизма «юридического консилиума» в принятии процессуально-значимых для расследования уголовного дела решений в уголовно-процессуальном законе предусмотрено усиление следственной власти через механизм ведомственного контроля в лице руководителя следственного органа.

Судебная власть на досудебных стадиях реализуется через механизм судебного контроля. Судебная власть выступает гарантом соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина на досудебных стадиях уголовного процесса, когда следственная власть в рамках выполнения назначения уголовного судопроизводства намерена принять (или в некоторых случаях уже приняла) действия и решения, посягнувшие на конституционные права и свободы человека и гражданина. По сути дела, судебная власть действует в «юридическом консилиуме» со следственной властью. Кроме того, именно судебная власть является рефери в споре между участниками уголовного процесса со следственной властью, когда эти участники обжалуют в суд действия или бездействие, а также решения, следственной власти.

С.В. Бурмагин придерживается позиции, что судебно-контрольные производства (оперативный судебный контроль или судебный контроль в узком смысле слова) способствуют сдерживанию органов обвинительной власти в части исполнения ими властно-принудительных полномочий, сопряженных с ограничением основных прав и свобод человека (реализация системы сдержек и противовесов, гарантия защиты прав и основных свобод), являются средством обеспечения законности [1, с. 236–237]. Л. А. Воскобитова обозначает судебный контроль на досудебных стадиях как предварительный контроль, имеющий важное значение для защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина и гарантий законности [2, с. 160–161].

Профессор Л. В. Головкин полагает логичным рассматривать, в том числе и в период проведения судебной реформы, следующие полномочия для судебной власти: избрание мер пресечения, привлечение в качестве обвиняемого, приостановление и прекращение производства по делу. По его мнению, требование беспристрастности диктует невозможность участия судьи в процессе, если ранее им выполнялись какие-либо функции по уголовному делу [4, с. 319].

Прокурорская власть наряду с судебной властью является важной гарантией соблюдения следственной властью конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Нередко решения следственной власти ревизуются в «юридическом консилиуме» судебной и прокурорской властями. Большая роль прокурорской власти отводится в надзоре за обеспечением доступа к правосудию, движению уголовного дела в суд.

В свое время прокурорская власть была усилена следственной властью, а также имела те функции, которые отнесены сегодня к судебной власти. Но в эволюционном процессе в настоящее время прокурорская власть предстает в совершенно ином качестве, но не менее сильной.

Вопрос о балансе следственной, прокурорской и судебных властей представляется актуальным в контексте выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса.

Профессор Г. С. Казинян еще в период зарождения судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства высказывал идею, что такой контроль над досудебным производством должен ограничиваться проверкой жалоб относительно законности санкционирования прокурором действий и решений следователя, ограничивающих конституционные права и свободы участников уголовного процесса, тем самым сузив рамки (пределы) судебного контроля до проверки соблюдения наиболее существенных прав граждан. В этом случае судебный контроль не подменял бы прокурорский надзор, а стал бы дополнительной гарантией законности тех следственных действий и мер процессуального принуждения, применение которых требует разрешения прокурора [3, с. 371].

В современных правовых реалиях имеет место ситуация, когда участник уголовного судопроизводства, полагающий, что его права нарушены следователем, при подаче жалобы находятся в состоянии неопределенности: подать жалобу руководителю следственного органа, прокурору или непосредственно в суд? Представляется, что подача жалобы в суд – надежнее, но обращение к руководителю следственного органа и к прокурору – оперативнее.

В рассматриваемой ситуации было бы целесообразно упорядочить баланс властей: полагаем, что было бы целесообразнее сначала подать жалобу руководителю следственного органа, который согласовал бы ответ на нее с надзирающим прокурором, а в случае несогласия

участника процесса с ответом руководителя следственного органа, прокурора – обращаться с жалобой в суд.

Нужно согласиться с мудрой позицией профессора И. Л. Петрухина, что нельзя определять компетенцию государственных органов, в том числе прокуратуры и суда, по принципу «как тот, так и другой». Здесь необходимо придерживаться иного принципа: «или тот, или другой», но не оба вместе [7, с. 180].

Следственная власть напрямую обращается к судебной власти, когда ей необходимо применить меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, избираемые на основании судебного постановления или продлить сроки применения этих мер. Полагаем, что в данной ситуации необходима корректировка в сторону прокурорской власти: такие обращения следственной власти напрямую в суд недопустимы. Следственная власть в таких ситуациях должна обратиться именно к прокурору, и только он как гарант законности должен принять решение: быть такому следственному обращению в судебную власть или не быть. А с целью искоренения обвинительного уклона суда в случае, если прокурор отказывается от применения ареста к лицу или продления его срока, то судебная власть в этом случае не может принять решение вопреки позиции прокурорской власти.

Как полагает профессор Л. В. Головкин, прокурорский надзор и судебный контроль не являются антагонистами. Напротив, они взаимно дополняют и усиливают друг друга, имеют общие цели соблюдения закона при расследовании преступлений и направлены на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Сказать сегодня то же самое о прокурорском надзоре и ведомственном контроле сложнее – они пока в большей мере имеют не столько процессуально сбалансированный, сколько конкурентный характер [4, с. 619].

Чтобы балансировать вольные трактовки Закона следственной властью (деятельность дознавателей также охватывается этой властью) – к примеру, для соблюдения сроков доследственной проверки, прокурор должен получить право по истечении 30 суток такой проверки сам возбуждать уголовное дело по факту совершения преступления и при необходимости выставлять следственной власти требование об устранении нарушений федерального законодательства в данной ситуации.

По мнению профессора Л. В. Головкин, дискуссия о создании в России единого следственного аппарата является надуманной. Важно определиться: предварительное следствие – «это классическая судебная деятельность либо не менее классическое прокурорское дознание».

Следователь сегодня, по мнению Л. В. Головки, является «квалифицированным дознавателем» [4, с. 328–329].

В контексте реализации требования уголовной политики государства об экономии уголовной репрессии и снижения количества судимых лиц прокурорская власть (соответственно, и следственная власть с согласия прокурорской) должна быть ориентирована на практику прекращения уголовного преследования обвиняемых за счет классических и введения дополнительных (ранее известных уголовному процессу, в том числе в советский период) оснований прекращения уголовного дела (преследования): в связи с изменением обстановки (особенно в связи с призывом на действительную военную службу, призывом по мобилизации, службой по контракту или в качестве добровольца, и др.), передачи обвиняемого на поруки трудовому или учебному коллективу, назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, и др. Соответственно, в уголовно-процессуальный закон необходимо внести дополнительные нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела (преследования) и полномочие прокурора самостоятельно прекращать уголовные дела (преследование).

Все больше пробивает себе дорогу ставшим уже мировым трендом реализации на досудебных стадиях уголовного процесса судебной власти через специализированный институт следственного судьи.

Разворачивание деятельности следственного судьи неминуемо влечет за собой внедрение в досудебное производство института депонирования доказательств, а также создание модели эффективного предсудебного контроля на стадии назначения судебного разбирательства за относимостью, допустимостью, достоверностью и достаточностью доказательств, особенно в случае применения особого порядка судебного разбирательства уголовного дела.

Подводя итог сказанному, в контексте рассматриваемого нами модельного подхода [5, 398 с.; 6, 561 с.] в модернизации контрольно-надзорных механизмов устранения следственных ошибок в российском уголовном процессе перспективная модель динамичного судебного контроля за досудебным производством в контексте стратегий уголовного преследования и защиты прав человека:

* расширяет юрисдикцию судебного контроля за счет введения таких новых его видов, как «депонированный контроль», т. е. легализацию на досудебных стадиях в ограниченных и четко оговоренных случаях некоторых доказательств, и «предсудебный контроль» – особо значимые для доказывания и процедуры рассмотрения уголовного дела

по существу контрольные действия на стадии назначения судебного заседания;

* усиливает требования к «арестному» контролю, осуществляемому судом по таким мерам пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий (собрание, проверка и оценка именно доказательств в части обоснованности подозрения подозреваемого и обвиняемого в инкриминируемом ему деянии и его поведения в ходе производства по уголовному делу);

* переформатирует «процедурный» контроль (ст. 165 УПК РФ) и «контроль по жалобам» (ст. 125 УПК РФ): перераспределяет от суда в пользу прокурора некоторые контрольно-надзорные полномочия, тем самым, усиливая существующий контроль: первоначальное «прокурорское санкционирование» следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных в ст. 165 УПК РФ, с возможностью последующего обжалования в суд в порядке ст. 125 УПК РФ решений прокурора по этим вопросам;

* не сужает границы действия «контроля по жалобам» (к примеру, позволяет обжаловать в суд постановление о привлечении в качестве обвиняемого и др.).

Функционирование перспективной модели динамичного судебного контроля предполагает совершенствование организационной структуры деятельности этих судей (в первую очередь, определенное обособление этих судей от федеральных судей, рассматривающих уголовные дела по существу, а также в порядке кассации и надзора).

Модель перманентного прокурорского надзора как основной контрольно-надзорной деятельности при досудебном производстве по уголовному делу эффективно позволяет реализовать стратегии уголовного преследования и защиты прав человека. Данная перспективная модель прокурорского надзора в качестве значимой надзорной миссии прокурора закрепляет за ним полномочие по процессуальному руководству уголовным преследованием в уголовном процессе. Будучи руководителем уголовного преследования, прокурор должен обладать властными полномочиями по возбуждению такого преследования (полномочием возбуждать уголовные дела), корректировке предварительного расследования (отмена незаконных постановлений следователя и дознавателя; продление сроков предварительного расследования), разрешению жалоб участников уголовного судопроизводства и заинтересованных лиц, выставлению официальных требований об устранении нарушений Закона, даче заключений при осуществлении судом судебного контроля на досудебных стадиях, выражению согласия (как га-

ранта законности) на осуществление процессуальных действий, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина, определение в необходимых случаях конкретного органа, призванного произвести полное, всестороннее и объективное расследование по уголовному делу в соответствии с требованиями закона и правил подследственности, возвращению уголовного дела следователю и дознавателю на дополнительное расследование и др.); полномочиями по окончательному инкриминированию уголовного обвинения лицу, а также заключению с ним досудебного соглашения о сотрудничестве и прекращению уголовного преследования.

При такой перспективной модели прокурорского надзора не исключается в законодательном порядке передача части полномочий суда на досудебных стадиях уголовного процесса прокурору.

Российская перспективная модель тотального ведомственного контроля имеет разнополярный характер, предполагает включение в него элементов наставничества и подготовки кадров, осуществляется в ходе досудебного производства по уголовному делу под надзором прокуратуры и выражается в процессуальной и административной деятельности руководителя следственного органа.

Ведомственный контроль (наряду с прокурорским надзором) функционирует перманентно на протяжении всего досудебного производства. На низовом уровне деятельности следственных подразделений это позволяет руководителям следственных органов тотально контролировать уголовно-процессуальную деятельность следователей (особенно тех, кто только начинает свою следственную карьеру). На других (вышестоящих) уровнях следственных ведомств это позволяет разумно сочетать (без «режима тотальности») ведомственный (процессуальный) контроль с процессуальной самостоятельностью следователя. При этом ведомственный контроль находится в отношениях взаимодействия с судебным контролем и прокурорским надзором и в определенной зависимости от них.

Только при таких условиях ведомственный контроль может:

- а) успешно выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки в досудебном производстве;
- б) минимизировать риск собственных ошибок (ошибок руководителей следственных органов);
- в) достигать стратегических целей уголовного преследования и защиты прав человека.

Именно в перспективных моделях динамичного судебного контроля, перманентного прокурорского надзора и тотального ведом-

ственного контроля за предварительным расследованием мы видим действенный уголовно-процессуальный механизм разумной реализации баланса судебной, прокурорской и следственной властей, магистральное направление развития которого связано с соблюдением принципа законности, защитой прав и свобод человека и гражданина, недопущением следственных ошибок, их эффективным выявлением, исправлением и предупреждением на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия: монография. М., 2021.
2. Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти: учебник. М., 2017.
3. Казинян Г. С. Актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства в третьей Республике Армения: сравнительно-правовое исследование. Дис. ...д. ю. н. М., 2000.
4. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. М., 2016.
5. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы. М., 2017.
6. Назаров А. Д. Устранение следственных и судебных ошибок: монография. Красноярск, 2017.
7. Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003.

Игорь Александрович Одноколкин

врач судебно-психиатрический эксперт ГКУЗ «Ленинградский областной психоневрологический диспансер»,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургский государственный университет

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПОСМЕРТНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О САМОУБИЙСТВАХ

В данной статье изложен взгляд на феномен детских и подростковых суицидов в разрезе судебно-психиатрической экспертизы. Определена важность ретроспективного анализа всего длинника суицидогенеза в каждом случае законченного истинного самоубийства для дальнейшего вклада в превенцию суицидального поведения. Кратко описаны основные факторы, влияющие на формирование фатальной аутоагрессии у несовершеннолетних. Сделан акцент на выявляемой личностной диспозиции суицидента по материалам посмертных психолого-психиатрических экспертиз, ее отличии от наиболее распространенных суицидоопасных личностных характеристик в практике лечебной помощи. Обозначены актуальные проблемы полноты и качества подготовки материалов уголовного дела при назначении посмертной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Выделены источники информации, наиболее важные для оценки психического состояния несовершеннолетнего в суицидальной динамике, помогающие выявить и раскрыть мотивы самоубийства.

Ключевые слова: судебная психолого-психиатрическая экспертиза; посмертная экспертиза; суицид; суицидальное поведение; самоубийства несовершеннолетних

Igor A. Odnokolkin

forensic psychiatric expert of the Leningrad regional neuropsychiatric dispensary,
senior lecturer of the Department of Criminal procedure and Criminalistics St.
Petersburg State University.

SELECTED ISSUES OF POSTHUMOUS PSYCHOLOGICAL AND PSYCHIATRIC EXAMINATION IN THE CRIMINAL CASES OF SUICIDE.

This article presents a view on the phenomenon of suicides among children and adolescents in the context of forensic psychiatric examination. The importance of the retrospective analysis of the entire suicidogenesis in each case of completed real suicide for further contribution to the prevention of suicidal behavior was determined. The main factors influencing the formation of fatal autoaggression in minors are briefly described. The emphasis was placed on the detectable personal disposition of a suicidal individuals based on the materials of posthumous psychological and psychiatric examination, on its difference from

the most common suicide-dangerous personal characteristics in the practice of medical assistance. The article features the topical problems of completeness and quality of preparation of criminal case materials in the appointment of posthumous psychological and psychiatric examination. The most important sources of information for assessing the mental state of a minor in suicidal dynamics, which help to identify and uncover the motives for suicide, were identified.

Keywords: forensic psychological and psychiatric examination; posthumous examination; suicide; suicidal behavior; suicide among minors

Актуальность темы определена возросшим за последнее время числом комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по уголовным делам о доведении до самоубийства, на фоне значительного увеличения количества суицидов в целом, особенно среди детей и подростков. Данное обстоятельство диктует необходимость всестороннего анализа механизмов суицидогенеза, прежде всего с целью дальнейшей превенции суицидального поведения у наиболее незащищенного контингента – несовершеннолетних лиц.

Современные представления о природе суицидального поведения детей и подростков (в том числе по материалам судебно-психиатрических экспертиз) сводятся к тому, что это многофакторное явление, в котором задействованы как социально-психологические, так и психопатологические механизмы [2, с. 3]. Подчеркивается полигранная основа аутодеструктивного поведения, как результата взаимодействия средовых, личностных и нозологических факторов [6, с. 405]. Собственно самоубийство, как акт умышленного лишения самого себя жизни, – это лишь итог. Сам же процесс суицидогенеза динамичен и представляет собой сложное взаимное влияние социальных и психологических составляющих (особенности личности, личностного реагирования и коммуникации, воспитательные стратегии в семье, текущая стрессовая (фрустрирующая) ситуация и множество иных обстоятельств), психопатологических феноменов, соматического (эндокринного, неврологического) фона, токсических, медикаментозных слагаемых (при их наличии). Скорость развития такого процесса зависит от личностной диспозиции, социального контекста, амплитуды и значимости триггера, запускающего антивитальный эмоциональный каскад, компетентности психических защит и пр. На этапе реализации она может достигать фульминантных (стремительных) значений, создавая видимость мгновенного, импульсивного, «беспричинного» самоубийства, что в действительности может явиться результатом уже длительно развивающегося состояния, но с латентным (скрытым, скрываемым, не-

очевидным) дореализационным периодом. В данном случае исключительно важна характерологическая основа индивида.

Статистические исследования суицидоопасных личностных заострений ранжируют их исходя из анализа клинических характеристик пациентов, совершивших суицидальные попытки и получавших в связи с этим психиатрическую помощь. Наиболее распространенными в данном контексте считаются личности возбудимого круга (истерическое, эмоционально неустойчивое и диссоциальное расстройство). Наименее распространены в выборке обращающихся за помощью ввиду развивающейся суицидальности – личности шизоидные, зависимые и ананкастные [3, с. 48-51]. Определенно, экспансивные (мотивационно направленные вовне, с большой долей демонстративности, «заметные») суицидальные попытки, являющиеся результатом либо не истинных (демонстративно-шантажных) суицидных намерений, либо представляющие этап «проб» при развитии истинного суицида, фиксируются в лечебной сети значительно чаще. Именно лица с эмоционально неустойчивым расстройством личности (в диагностические критерии этого расстройства уже входят суицидальное поведение и акты самоповреждения, как свойственный личности патологический тип реагирования [4, с. 202]) чаще пациентов с иными характерологическими девиациями попадают в поле зрения суицидологических служб [1, с. 45-55]. В то время как личности тормозимого круга (коммуникационно отгороженные, склонные к самоанализу, истощаемые, тревожные), не способные «громко» заявить о своих переживаниях, остаются наедине со своим суицидоопасным состоянием. Такие интровертированные подростки, с малым опытом проживания кризисных социальных ситуаций, недостаточной сформированностью адаптационных психологических защит, ограниченным набором конструктивных моделей реагирования, высоким уровнем тревожности и деструктивной рефлексии, в сочетании с возрастными оппозиционными тенденциями (еще более отдаляющими возможность помощи и участия со стороны) зачастую составляют трагическую статистику завершенных истинных суицидов. Экспертный анализ внешне «спокойных» самоубийств вскрывает беспомощных в своей неактивности и замкнутости подростков, которые пребывают в истощающей антисуицидальный барьер тревожности и неуверенности; лиц внушаемых, подверженных в том числе и преступному суицидогенному влиянию извне. В условиях пубертатных эндокринных перестроек их негативные переживания гипертрофированы, ощущаются, как «безвыходные». Триггер (пусковой механизм принятия решения о реализации суицидального намерения) в

данном случае может быть совершенно неочевидным для окружающих и даже не специфичным для самого суицидента; срабатывает аффективный механизм «последней капли», когда даже нейтральный раздражитель на критическом этапе уже запущенного и развитого суицидогенеза, может привести к фатальной реализации.

Задача комплексной психолого-психиатрической экспертизы – анализ психического и психоэмоционального состояния суицидента в период, предшествовавший смерти, выявление факторов, которые могли оказать влияние на реализацию им своего суицидального намерения [2, с. 3]. Данный вид психолого-психиатрического исследования относится к наиболее сложным в экспертной практике из-за необходимости ретроспективного анализа психического состояния человека без возможности очного его освидетельствования, применения клинической беседы и целенаправленных психологических методик (основных инструментов исследования в психиатрии и психологии).

По факту суицида несовершеннолетнего чаще всего уголовное дело возбуждается по ст. 110 УК РФ «Доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». Для квалификации преступления должны иметься определенные действия преступника, а также результат этих действий (суицид, как действие потерпевшего). Экспертным путем в этой связи важно выяснить, действительно ли психическое состояние потерпевшего в период, предшествующий его смерти, предопределяло совершение самоубийства, обуславливалось ли оно (суицидоопасное состояние) действиями посягателя, и осознанно ли действовал потерпевший при принятии решения о самоубийстве и его реализации, либо же разворачивались иные (например, психотические, дефицитарные) механизмы, лишаящие его способности объективно осмысливать ситуацию и свободно регулировать свое поведение. Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [5] в уголовное законодательство были внесены важные дополнения. Уголовный кодекс РФ пополнился двумя новыми статьями – 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства». Предметом уголовного расследования в данном случае являются прежде всего действий посягате-

ля, то есть анализ психического состояния потерпевшего строго не требуется, хотя назначение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в рамках таких уголовных дел возможно. Экспертное исследование может проиллюстрировать изменение состояния потерпевшего в сторону суицидоопасного и, что важно, поможет определить роль и влияние обвиняемых лиц в возникновении и динамике развития такого состояния.

Деятельность судебно-психиатрического эксперта по понятным причинам не стоит в авангарде помощи лицам, находящимся в опасном, с точки зрения возможного суицидального поведения, положении. Непосредственную помощь при аутоагрессивных состояниях оказывают психологи, клиницисты лечебных учреждений, кризисных центров. Они используют в своем арсенале практический опыт диагностики, позволяющий выявлять такие состояния, с дальнейшим выбором и применением необходимого объема терапевтического воздействия. Специалисты экстренной помощи во многом опираются на жалобы пациента, выявленные у него клинические детерминанты суицидального поведения, его личностные особенности, заостряющиеся в текущей стрессовой ситуации и потенцирующие суицидальные проявления на момент обращения (психическое состояние «в срезе»). Судебно-психиатрические эксперты же в отдельных случаях имеют уникальную возможность проследить весь период формирования суицида у индивидуума. Эксперт в своем анализе как бы «отстраняется» непосредственно от переживаний суицидента (в психотерапевтической практике собственно жалобы пациента часто искажены субъективной переработкой, психическими защитами), но видит тонкости изменения психического состояния подэкспертного в его скрытом, глубинном, переработанном самоотчете (своеобразная механическая фиксация эмоциональных, «сырых» переживаний в дневниковых записях, публикациях в социальных сетях, переписке в мессенджерах и т. д.), а также наблюдает формирование и прогрессирование антивитального конфликта, развитие микросоциальной дезадаптации суицидента в незаинтересованном (оттого более «чистом», «нарративном») описании очевидцев.

При этом судебно-экспертное исследование в рамках уголовных дел о доведении до самоубийства сталкивается с рядом критических проблем, препятствующих точному определению «мотива» суицида, его причин. Прежде всего, это редуцированный объем предоставленной для экспертного анализа информации и формальность подхода к опросу очевидцев при проведении следствия.

Для реконструкции психологического облика несовершеннолетнего необходимо уделить особое внимание свидетельским показаниям. Экспертная практика подтверждает, что информация, полученная в ходе следствия от родителей суицидента (особенно в части описания внутрисемейных отношений, негативных изменений в состоянии ребенка) нередко имеет наименьшую степень объективности. Данное обстоятельство можно объяснить, с одной стороны, рядом специфических защитных механизмов, включающихся у родителей в остром периоде переживания утраты (в виде отрицания негативных фактов, их замещения на оправдывающие и «приемлемые»). С другой стороны, имеет место психологически понятный страх ответственности, социального (в том числе юридического) порицания. Поэтому акцент целесообразнее делать на опросе сверстников подэкспертного из его окружения (в том числе и вне школы), как на более «близком», референтном круге взаимодействия в подростковом возрасте. Представляется, что для установления лучшего раппорта (доверительного контакта) между следователем и несовершеннолетним свидетелем возможно применение универсальных анкет, заключающих в себе прицельные (психологически выверенные) вопросы, направленные на выявление в том числе неочевидных аутоагрессивных паттернов у потерпевшего, с возможностью свободного, собственного (как вариант – самостоятельного письменного) изложения ответов.

Отсутствие в материалах дела сведений об активности подэкспертного в интернет-пространстве также затрудняет формулирование полных экспертных выводов. Для понимания психического состояния подростка (особенно с описанными выше тормозимыми, оппозиционными характерологическими чертами) исключительно важно изучение его письменной коммуникации в социальных сетях и мессенджерах, ведь зачастую такое деперсонифицированное, лишенное привычного эмоционального контекста взаимодействие, приобретает у несовершеннолетнего большую значимость, отбрасывая «ненужные» ему социальные и эмоциональные условности, открывая глубину и искренность контакта.

Таким образом, качественная подготовка материалов уголовного дела для последующего судебно-психиатрического и психологического экспертного анализа позволяет не только разрешить интересующие следствие вопросы, но и дает возможность точно реконструировать весь процесс конкретного завершенного суицидогенеза, что может внести важный вклад в изучение трагичного феномена подростковых самоубийств и сделать новый шаг к их превенции.

Список использованных источников

1. Васильев В. В., Искандерова Р. Э. Суицидальное поведение при пограничном расстройстве личности: современное состояние проблемы. Научный обзор // Российский психиатрический журнал. 2021. № 3.
2. Макушкин Е. В., Бадмаева В. Л., Дозорцева Е. Г., Шишков С. Н., Полубинская С. В. Подготовка материалов следователями для производства посмертной комплектной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, окончивших жизнь самоубийством (статья 110 УК РФ): Методические рекомендации. М., 2018.
3. Положий Б. С., Панченко Е. А. Расстройства личности у пациентов, совершивших суицидальные попытки // Российский психиатрический журнал. 2011. № 3.
4. Психические расстройства и расстройства поведения (F00 – F99) (Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации) / Под ред. Казаковцева Б. А., Голланда В. Б. М., 1998.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 24. Ст. 3489.
6. Судебно-психиатрическая экспертиза / Ткаченко А. А., Корзун Д. Н. М., 2016.

Вадим Вадимович Петров

кандидат медицинских наук, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургский государственный университет

ВКЛАД СУДЕБНЫХ МЕДИКОВ В КРИМИНАЛИСТИКУ

Статья посвящена разбору вопроса о вкладе судебных медиков в формирование и развитие криминалистической науки. Приводятся данные из публикаций многих видных ученых с их оценками значения судебной медицины для криминалистики. Также в статье представлены различные примеры научных работ отечественных судебных медиков как прошлого, так и настоящего времени, имеющих не только чисто судебно-медицинское, но и выраженное криминалистическое значение.

Ключевые слова: криминалистика, судебная медицина, история криминалистики, история судебной медицины, медицина в криминалистике.

Vadim V. Petrov,

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg State
University

CONTRIBUTION OF FORENSIC PHYSICIANS TO FORENSIC SCIENCE

Summary: The article is devoted to the contribution of forensic physicians to the formation and development of forensic science. The data from the publications of many prominent scientists with their assessments of the importance of forensic medicine for forensic science are given. The article also presents various examples of scientific works of domestic forensic physicians, both past and present, which have not only purely medical, but also pronounced forensic significance.

Keywords: forensics, forensic medicine, history of criminalistics, history of forensic medicine, medicine in forensic science.

Практическая судебная медицина имеет давнюю историю, ее зачатки наблюдались уже во времена Древнего Рима. Но зарождение судебной медицины именно как научной дисциплины следует относить к гораздо более поздним временам Возрождения [1, с. 14-15]. Самая тесную связь общей медицины и судебной медицины с юриспруденцией была прозорливо отмечена профессором С. Громовым уже в первой половине XIX века. "Постепенное усовершенствование и распространение границ Судебной Медицины всегда в столь тесной находилось, и будет находиться связи с приращениями и успехами Правоведения, а особливо Врачебной Науки ..." [1, с. 16]. Таким образом, можно сле-

лать вывод о том, что судебная медицина как наука имеет весьма давнюю историю, восходящую, по крайней мере, к временам позднего Возрождения.

А термин "криминалистика" Ганс Гросс озвучил только в 1892 году, при этом обозначив ее в качестве самостоятельной науки. Хотя, разумеется, является вполне понятным, что та практическая деятельность в области расследования преступлений, которую теперь относят к криминалистике, появилась уже очень давно, тогда же, когда появились и сами преступления. Но, повторимся, криминалистика именно как наука получила свое название только в самом конце XIX века.

В. Д. Пристанков в учебнике 2019 года выпуска привел определение криминалистики. Согласно указанному определению, существенные особенности криминалистики как науки заключаются в следующих существенных и взаимосвязанных чертах.

1. Криминалистика относится к юридическим наукам.
2. Криминалистика имеет прикладной характер.
3. Ею исследуются закономерности криминальной (преступной) деятельности и следы такой деятельности.

4. Одновременно при этом она исследует закономерности криминалистической профессиональной деятельности, то есть деятельности, направленной на раскрытие преступлений [2, с. 26-27].

Существует достаточно много определений судебной медицины. Одним из наиболее удачных следует признать то, которое приводится в книге В. Л. Попова. В данной работе судебная медицина обозначается как "специальная медицинская дисциплина, представляющая собой систему научных знаний о закономерностях возникновения, видоизменения, исчезновения, специальных методах выявления, исследования и экспертной оценки медицинских фактов, служащих источником доказательств при решении задач правосудия." [3, с. 24]. Как можно увидеть из данного определения, судебная медицина также имеет четкую направленность на решение задач правосудия. Прежде всего, судебная медицина изучает те вопросы, которые связаны с расследованием преступлений, иными словами, относящиеся прежде всего к сфере уголовного судопроизводства. Медицинскими же фактами, которые служат источниками доказательств, являются материальные следы, возникающие в организме человека под воздействием события преступления. Необходимо заметить, что идеальные следы, возникающие у человека под воздействием на него события преступления, если подходить к таким следам с чисто медицинских позиций, изучаются судебной психиатрией, но не судебной медициной.

Таким образом, судебная медицина имеет с криминалистикой и сходство и отличия. Сходство заключается в том, что обе науки являются прикладными, вспомогательными по отношению к уголовно-процессуальной деятельности уполномоченных лиц и государственных органов. Отличий имеется несколько больше. Данные отличия заключаются прежде всего в круге изучаемых объектов и, в связи с этим, в методиках исследования.

До формирования криминалистики как самостоятельной науки, судебным медикам в своей деятельности приходилось часто заниматься исследованием тех объектов, которые впоследствии вошли в компетенцию изучения экспертов-криминалистов. Поэтому судебная медицина на протяжении почти всего XIX века и вплоть до начала века XX совершила немалый теоретический и практический вклад в дальнейшее развитие криминалистики. Сведения об этом можно легко обнаружить как в судебно-медицинских, так и в криминалистических публикациях. Необходимо заметить, что такие сведения во многом являются разрозненными и нередко либо содержатся в таких источниках, которые к настоящему времени уже являются библиографической редкостью, либо недостаточно широко известными.

Приведем некоторые примеры из доступных для изучения литературных источников. Например, упоминая о различных следах, судебный медик Н. А. Оболонский разделил их все на два основных рода: плоские и углубленные. Такие приводимые им наименования следов в современной криминалистике обозначаются как поверхностные и объемные. Данный автор предлагал плоские следы переносить на бумагу, а с углубленных следов снимать пластические отпечатки [4, с. 528-529]. При этом им было сделано принципиально важное замечание, совершенно справедливое и в наши дни, о том, что исследование следов должно начинаться именно с неконтактных методов. "Перед срисовыванием следа следует, конечно, тщательно его описать и измерить, указав расстояние его от трупа, направление и местонахождение его." [4, с. 529]. Книга этого автора содержит не очень большую по объему, но емкую по содержанию, часть текста под названием: "Исследование растительных тканей". В этой части Н. А. Оболонский привел весьма подробное описание практически всех известных в современной ему России натуральных волокон, применявшихся при изготовлении различных изделий. Для того, чтобы оценить значимость его сведений, можно привести лишь наименования растительных источников волокон. Автором описаны микроскопические признаки хлопчатой бумаги, ваты, льна, пеньки (конопли), юты, мускусной травы, индий-

ской конопля, крапивы, новозеландского льна, манильской конопля (abaca), китайской конопля, кокосовых нитей, морской травы и шелка, а также растений под названиями ramie (rameh, rhea), raphia и esparta [4, с. 523-527].

Основоположник криминалистики Ганс Гросс особо отметил, что самыми важными и наиболее частыми из всех сведущих лиц, с которыми имеет дело судебный следователь, являются именно судебные медики [5, с. 191]. Очевидно, именно поэтому, учитывая важность судебной медицины для криминалистики, Г. Гросс и счел необходимым включить в главу V своей книги раздел под названием "О судебном враче и деятельности его" [5, с. 191-229]. В качестве яркого примера эффективной помощи следствию со стороны одного из судебных медиков Г. Гросс привел результаты лабораторного исследования волос головы, которые были обнаружены на шапке, потерянной преступником во время его бегства с места совершения преступления. На основании результатов исследования судебным медиком были сформулированы элементы словесного портрета преступника. "Эксперт-микроскопист так определил личность того, которому принадлежали волосы: "это был сильный, предрасположенный к полноте мужчина средних лет, черноволосый, слегка поседевший, с начинающейся лысиной и недавно остриженный". [5, с. 243]. Вполне понятно, что совокупность установленных признаков внешности преступника была весьма полезной для его последующего розыска и поимки.

Видный отечественный ученый Н. С. Бокариус в начале XX века привел в своем учебнике судебной медицины методы определения растительных волокон шелка, льна и хлопчатой бумаги [6, с. 253-255]. В этом же учебнике он привел методы исследования различных письменных документов в целях определить, одними и теми же либо разными чернилами они написаны, а также для определения вида чернил.

При этом, Н. С. Бокариус привел подробные данные об особенностях цветных реакций с различными видами химических реактивов шести видов чернил: железо-орешковых, кампешевого дерева с хромокислым кали, кампешевого дерева с сернокислой медью, нигрозиновых, ванадиновых и резорциновых [6, с. 272-274].

В учебнике судебной медицины 1914 года издания, его автором Д.П. Косоротов включены разделы под названиями "Система Bertillon'a" и "Дактилоскопия". В первом из разделов автор учебника справедливо критикует проявившиеся уже к 1910-м годам недостатки системы Бертильона. Данную систему нельзя применять к детям и подросткам, то есть в периоде незаконченного роста организма; изме-

рения различных частей тела часто дают погрешность до нескольких миллиметров, а также требуют соответствующего навыка. Поэтому уже в то время на антропометрической карточке часто помещались одновременно и дактилоскопические отпечатки. Во втором разделе автор приводит различные способы получения отпечатков пальцев у живых людей, а также классификацию дактилоскопических карточек по способу Вучетича, считая данный способ наиболее употребительным по своей простоте. Д. П. Косоротов справедливо утверждал, что снимать отпечатки пальцев можно у людей всех возрастов, так как рисунки линий узора остаются неизменными, а с ростом тела изменяется только количество линий, приходящихся на определенную площадь. Им также приводятся различные способы обнаружения на местах происшествий отпечатков пальцев, а также порядок исследования фрагментов пальцевого узора [7, с. 308-310].

Кратко отметим тот факт, что популяризатор науки расследования преступлений Ю. Торвальд специально выделил особое значение для криминалистики разработки вопроса о таком, казалось бы, сугубо судебно-медицинском явлении, как трупные пятна. [8, с. 130].

Многие современные исследователи отдают должное вкладу судебных медиков XIX-XX веков в криминалистику. Так, например, один из соавторов учебника по криминалистике Н.Г. Стойко отметил тесную связь данной науки с судебной медициной. Наряду с этим Н. Г. Стойко подчеркнул также и весьма важное для криминалистики значение судебно-медицинских исследований видных врачей прошлых лет, среди которых он назвал Н. И. Пирогова, Н. А. Оболонского, П. А. Минакова и В. И. Штольца [2, с. 37].

И. Ф. Крылов указывал не только на тесную связь между криминалистикой и судебной медициной, но и на такую же их взаимосвязь. Он объяснял данное явление не только их общим служением задаче правосудия, но также "общностью многих объектов и методов их исследования. Без участия судебного медика ... не может расследоваться ни одно дело об убийстве или причинении телесных повреждений. Общие объекты исследования (трупы, орудия убийства, предметы одежды и другие...) нередко требуют совместных усилий криминалистов и судебных медиков." [9, с. 25-26]. И. Ф. Крылов также особо выделял существенный вклад в развитие дактилоскопии, судебной баллистики и почерковедения многих отечественных судебных медиков, среди которых он назвал поименно Н. С. Бокариуса, Ю. М. Кубицкого, С. Д. Кустановича, Ю. С. Сапожникова, П. С. Семеновского, В. В. Гомила [9, с. 26].

Профессор А. И. Бастрыкин в главе 1 "Криминалистическая идентификация" своего учебного пособия, в качестве наглядных материалов привел довольно большое количество примеров, имеющих чисто судебно-медицинский характер [10, с. 87-94, 106, 120]. В этом же пособии А. И. Бастрыкин пишет, что судебный медик уже при первичном осмотре трупа на месте его обнаружения, базируясь на своих специальных познаниях "может высказать версии о важнейших обстоятельствах расследуемого события (причина смерти, время ее наступления, орудие убийства и т. д.). Эти суждения могут быть использованы на первоначальном этапе расследования." [10, с. 247]. Не нужно убеждать читателей в том, насколько важным для быстреего раскрытия преступления является выдвижение правильных версий на указанном выше этапе расследования. Тем самым, автором подчеркнута особая значимость судебной медицины при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, направленных против личности.

Н. П. Яблоков отметил, что судебная медицина очень близка криминалистике. При этом ее данные широко используются при решении специфических криминалистических задач, носящих идентификационный и диагностический характер, связанный с исследованием человеческого организма [11, с. 6]. На тесную связь, существующую между судебной медициной и криминалистикой также указывали в 1997 году В. Я. Колдин (вместе с Н. П. Яблоковым) [12, с. 11].

В своей книге Н. А. Корниенко подробно перечисляет те виды следов, которые в современной отечественной криминалистике относят к следам человека [13, с. 15]. Причем из всех названных данным автором шестнадцати видов следов только лишь шесть в настоящее время подлежат изучению криминалистами. Исследование же остальных десяти видов следов человека входит в компетенцию только врачей различных судебно-медицинских специализаций. Н. А. Корниенко пишет о том, что выделяют следы-отображения и следы-вещества. Согласно его сведениям, следы, оставленные человеком, изымают с каждого пятого места происшествия, а объекты биологического происхождения (сперма, кровь, слюна), разумеется, относящиеся к человеческим – с каждого двадцать пятого места происшествия [13, с. 16]. Здесь необходимо специально отметить, что все следы-вещества человеческого происхождения (за исключением запаховых следов человека) подробно изучаются в рамках именно судебно-медицинских исследований. Отсюда вытекает, что именно судебные медики играют решающую роль в процессе специальных исследований большого объема следов, которые изымаются при осмотре мест происшествия.

Ряд судебных медиков во второй половине XX века опубликовали результаты проведенных ими исследований по различной тематике, которые и до настоящего времени не потеряли своего криминалистического значения. Среди них можно выделить докторов медицинских наук, профессоров В. В. Томила (работы по судебно-медицинскому почерковедению), В. Л. Попова (работы по баллистике) и В. П. Петрова (работы по баллистике, высокоскоростной киносъемке экспериментальных пулевых повреждений, различным аспектам идентификации личности). В качестве примера существенного вклада можно привести результаты исследований В. В. Томила. Данный автор в своей докторской диссертации подробно исследовал, в частности, особенности формирования индивидуального навыка письма у школьников, вопросы степени сходства почерка членов одной семьи – почерка родителей и детей, близнецов. Кроме того, В. В. Томилин один из разделов диссертации полностью посвятил изучению изменений почерка при различных видах патологических состояний пишущего. Данным автором изучались многочисленные образцы почерка при алкогольном опьянении, механических поражениях головного мозга, психических заболеваниях, авитаминозах, поражениях органа зрения, общих инфекциях и интоксикациях, а также ряде других видах патологии [14].

В исследовании В. П. Петрова, например, подробно изучены конструктивные особенности двух пистолетов-пулеметов иностранного производства, моделей Томпсон М1928 А-1 калибра 11,43 мм и Стэн МК-III калибра 9 мм, устройство некоторых видов боеприпасов к ним, а также следов на биологических и небιологических объектах при выстрелах из них, произведенных с различных дистанций [15]. Криминалистические, равно как и судебно-медицинские, аспекты данной работы не утратили своего значения вплоть до настоящего времени.

Еще одним ярким примером, относящимся уже к началу XXI века, вклада судебных медиков в криминалистику, является весьма объемная книга (656 страниц), увидевшая свет в 2002 году [16]. Данная книга обозначена ее авторами как практическое руководство. Это руководство удачно сочетает в себе не только многочисленные актуальные сведения чисто судебно-медицинского характера, но также и ряд сведений, относящихся к криминалистической баллистике.

И в настоящее время судебная медицина имеет существенное значение для повседневной деятельности криминалистов, расследующих преступления. Достаточно привести лишь один простой пример. В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 196 УПК РФ, назначение и производство судебной экспертизы является обязательным, если необхо-

димо установить причины смерти, а также характер и степень вреда, причиненного здоровью. То есть ни одно преступление, связанное с противоправным лишением жизни человека, либо с причинением вреда его здоровью, не может быть надлежащим образом расследовано без участия судебных медиков. А это очень и очень значительная часть преступлений, предусмотренных законом. Естественно, что при разработке методик расследования соответствующих видов преступлений, криминалисты в той или иной форме вводят в них положения, прямо связанные с судебной медициной. Так, например, о необходимости использования судебно-медицинских экспертиз в методиках расследований убийств, изнасилований и разбоев написали В. Д. Пристансков, Н. А. Сидорова, В. Ю. Низамов [2, с. 448-449, 463, 465, 483]. При описании особенностей расследования контрабанды А. Г. Харатишвили упоминает такие случаи, когда даже по данной, вроде бы весьма далекой от медицины категории уголовных дел, возникает необходимость назначения судебно-биологической экспертизы волос и крови, то есть тех объектов, которые исследуются именно судебно-медицинской экспертизой [2, с. 682]. Следует отметить также, что вряд ли можно вообще разработать, например, действенную методику расследования ятрогенных преступлений, при этом не касаясь ряда судебно-медицинских аспектов.

Список использованных источников

1. Громов С. Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления. СПб., 1832.
2. Криминалистика. Учебник / под ред. Т. А. Седовой, С. П. Кушниренко, В. Д. Пристанкова. М., 2019.
3. Попов В. Л. Методологические основы судебной медицины. Изд. 2-е, доп. и перераб. СПб., 2020.
4. Оболонский Н. А. Пособник при судебно-медицинском исследовании трупа и при исследовании вещественных доказательств. СПб., 1894.
5. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002.
6. Бокариус Н. С. Краткий курс судебной медицины в конспективном изложении для студентов. Харьков, 1911.
7. Косоротов Д. П. Учебник судебной медицины для студентов. Изд. 2-е, доп. С.-Петербург, 1914.
8. Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. М., 1974.
9. Криминалистика. Учебник / Под ред. И. Ф. Крылова, А. И. Бастрыкина. М., 2001.
10. Бастрыкин А. И. Криминалистика. Современные методы криминалистического исследования. Учебное пособие. СПб., 2003.

11. Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2000.
12. Криминалистика. Учебник для вузов / Отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 1997.
13. Корниенко Н. А. Следы человека в криминалистике. СПб., 2001.
14. Томилин В. В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма. Автореф. дисс. ... докт. мед. наук. Л., 1969.
15. Петров В. П. О повреждениях из некоторых образцов пистолетов-пулеметов в судебно-медицинском отношении. Л., 1952.
16. Попов В. Л., Шигеев В. Б., Кузнецов Л. Е. Судебно-медицинская баллистика. СПб., 2002.

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗЪЯСНЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДО ВВЕДЕНИЯ ЛИЦА В ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОДОЗРЕВАЕМОГО

В настоящей статье рассматривается проблема реализации права на защиту лица, подвергнутого проведению в его отношении правомочным должностным лицом органа внутренних дел фактической проверки причастности такого лица к совершению преступления, посредством которой затрагиваются его основные конституционные права и свободы. Обращается внимание на несовершенство норм уголовно-процессуального закона РФ в части обеспечения гарантии права на защиту до принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Предлагается порядок разъяснения способов реализации рассматриваемого нами конституционного права лицу, фактически задержанному ввиду подозрения в причастности к совершению преступления, либо лицу, в отношении которого в предусмотренном положениями ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ порядке, проводится проверка сообщения о преступлении.

Ключевые слова: защитник, уголовное преследование, подозреваемый, фактически задержанное лицо, обеспечение права на защиту.

Polikarpova Olga Sergeevna

lecturer of the Department of Internal Affairs
of the St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE NEED TO CLARIFY THE RIGHT TO PROTECTION BEFORE INTRODUCING A PERSON INTO THE PROCEDURAL STATUS OF A SUSPECT

This article deals with the problem of exercising the right to protection of a person subjected to an actual verification of the involvement of such a person in the commission of a crime by a competent official of the internal affairs body, through which his basic constitutional rights and freedoms are affected. Attention is drawn to the imperfection of the norms of the criminal procedure law of the Russian Federation in terms of ensuring the guarantee of the right to defense before the adoption of a procedural decision on the initiation of a criminal case. The procedure for explaining the ways of implementing the constitutional right we are considering is proposed to a person who is actually detained due to suspicion of involvement in the commission of a crime, or to a person in respect of whom, in accordance with the provisions of Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a crime report is being checked.

Keywords: defender, criminal prosecution, suspect, actually detained person, ensuring the right to defense.

Рассуждая о необходимости разъяснения права на защиту до введения конкретного лица в процессуальный статус подозреваемого, выразим убежденность в том, что значимость конституционного права на защиту от уголовного преследования усиливается своевременной реализацией данного права.

Под своевременностью защиты конкретного лица нами подразумевается обеспечение таковой посредством приглашения адвоката для его участия в качестве защитника уже к моменту получения первоначального объяснения от фактически задержанного по подозрению в совершении преступления лица. В противном случае, как отмечает Ю. М. Новолодский, «полученная от задержанных доказательственная информация, преломленная через призму оперативно-следственного видения обстоятельств расследуемого преступления, наносит непоправимый вред интересам справедливого правосудия» [3].

Однако, во-первых, уголовно-процессуальный закон РФ не обязывает к назначению защитника на первой стадии уголовного судопроизводства и на последующих стадиях при условии отсутствия на то предусмотренных ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) оснований, которые, в частности, ориентированы исключительно на подвергнутых персонифицированному уголовному преследованию лиц, процессуальным статусом уже наделенных, а во-вторых, очевидна сложность в реализации права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела, обусловленная недостаточной проработанностью алгоритма действий правомочных должностных лиц, которыми могло бы указанное право обеспечиваться. Подробнее, о недостаточной проработанности вопроса реализации права на защиту до введения подвергнутого персонифицированному уголовному преследованию лица в процессуальный статус подозреваемого, нами аргументировалось ранее [5].

Ввиду изложенного, бесспорна необходимость доведения до лица, в отношении которого правомочным должностным лицом органа внутренних дел проводится проверка, затрагивающая его права и свободы вплоть до ущемления в таковых, положений УПК РФ в части, касающейся обеспечения защиты, поскольку примененная законодателем в ч. 3 ст. 49 УПК РФ формулировка «Защитник участвует в уголовном деле» указывает на некоторые противоречия при сопоставлении с рядом пунктов указанной части названной статьи, предусматривающих случаи участия такой процессуальной фигуры как защитник:

– с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления;

– с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

Вместе с тем, первое из названных оснований отсылает к положениям ст.ст. 91 и 92 УПК РФ, предусматривающим как основания, так и порядок оформления задержания процессуального, что допустимо лишь на стадии предварительного расследования, а второе, вследствие отсылки к положениям ст. 144 УПК РФ, однозначно свидетельствует о возможности обеспечения защиты адвокатом на стадии возбуждения уголовного дела, иными словами еще в ходе проверки повода к его возбуждению. Но, содержанием ч. 4 ст. 49 УПК РФ вновь порождаются сомнения в возможности участия защитника на первой стадии уголовного судопроизводства, то есть до принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Таким образом, даже в условиях общедоступности анализируемого кодекса, очевидна потребность в своевременном разъяснении конкретному, фактически подвергнутому уголовному преследованию лицу, соответствующих положений уголовно-процессуального закона РФ, обусловленная сложностью трактовки совокупности его положений в части обеспечения защиты, что нами наглядно продемонстрировано в настоящей рукописи и было аргументировано ранее [6].

Считаем, аргументированная нами необходимость своевременного разъяснения лицу, в отношении которого возникли подозрения о его причастности к совершению деяния, указывающего на признаки преступления, его права на защиту, повысит уровень соблюдения конституционных гарантий такого лица и только высказанный им добровольный отказ от реализации права на защиту после фактического задержания или в ходе проводимой в соответствии с требованиями ст. 144 УПК РФ проверки его причастности к деянию, содержащему признаки общественно опасного, может быть основанием непредоставления этому лицу защитника по назначению или возможности осуществления телефонного разговора для приглашения защитника по соглашению, безусловно учитывая отсутствие иных оснований обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве, однако и такие основания согласно положениям ст. 51 УПК РФ имеют свое распространение на лиц, процессуальным статусом наделенных, что указывает на допустимость применения положений названной статьи лишь после

перехода на стадию предварительного расследования, но представляется нам подлежащим законодательному изменению.

О необходимости незамедлительного сообщения конкретному лицу сущности подозрения, а также его права молчания и на защиту от уголовного преследования рассуждал в своих научных трудах Ю. Г. Овчинников [4] по истечении десяти лет с момента вступления в силу УПК РФ. И он не единственный [1, 2]. Проблема продолжает оставаться дискуссионной и очевидной. Однако, до сих пор положения п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ не согласованы с подп. «а», положения п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ сложно реализуемы и указанное не подвергается законодательным изменениям на протяжении десяти лет (О внесении изменений в статью 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ от 2013 г. – 4 марта. – № 9. – Ст. 875.).

Так, в целях своевременного разъяснения права на защиту нам представляется логичным применение в российском уголовном судопроизводстве некоего прототипа правил Миранды, которые, считаем, должны содержать необходимый перечень прав, подлежащий незамедлительному разъяснению конкретному лицу на момент его фактического задержания или получения его объяснения без задержания фактического, но с наличием убежденности в причастности этого лица к деянию, указывающему на признаки конкретного, предусмотренного особенной частью Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) преступления.

В виду изложенного, предлагаем следующую формулировку подлежащего разъяснению перечня процессуальных прав: «Вы обоснованно подозреваетесь в совершении преступления, предусмотренного ст. ... УК РФ. В связи с чем, Вы вправе не свидетельствовать против себя и даже хранить молчание. Имеете право на защиту от уголовного преследования, которая может быть обеспечена государством по Вашему на то ходатайству, либо Вам может быть предоставлено право для телефонного звонка адвокату, выбранному Вами или родственнику (близкому лицу) с целью сообщения о необходимости обращения к адвокату для возможности оказания юридической помощи. Для реализации данного права Вы должны немедленно сообщить о Вашем выборе способа обеспечения защиты. Вам понятны изложенные права?». При разъяснении прав, квалификация деяния не обязательно должна содержать в себе все квалифицирующие признаки, которые усматриваются исходя из полученной на момент начала фактического персо-

нифицированного уголовного преследования информации, но основные элементы усматриваемого состава, считаем, должны быть до лица доведены в целях осознания им существа подозрений и выработки способов защиты. Предлагаемый вариант разъяснения прав, для облегчения практического применения, считаем, может быть оформлен в виде заранее отпечатанного бланка с предусмотренными свободными строчками для последующего указания квалификации деяния, ФИО лица, которому права разъяснены, должности, звания и ФИО сотрудника, права разъяснившего, и личных подписей указанных лиц, заблаговременно выдаваемого сотрудникам органа дознания, патрульно-постовой службы полиции и участковым уполномоченным полиции.

Предлагаемое нами нельзя назвать нововведением, поскольку положения ст. 5 Федерального закона «О полиции» обязывают сотрудника полиции в случае применения к конкретному лицу мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснять причину и основания таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина (Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (с изм. от 04.08.2023) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 14 февраля. – № 7. – Ст. 900). Предложенное нами в настоящей рукописи лишь конкретизирует необходимость своевременного разъяснения одного из наиболее значимых конституционных прав лица, неприкосновенность которого ограничивается подозрением в совершении преступления, в целях оправдания публичного интереса (Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 N 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // СПС «КонсультантПлюс»).

Предложенным, как нам представляется, фактически задерживаемое лицо ввиду подозрения в причастности к совершению преступления, либо лицо, в отношении которого в предусмотренном ст. 144 УПК РФ порядке проводится проверка сообщения о преступлении, будет своевременно уведомлено о возможности обеспечения гарантией защиты и получит возможность своевременного выбора наиболее приемлемого для себя способа защиты, во исполнение закрепленной в постановлении № 11-П от 27 июня 2000 года позиции Конституционного Суда РФ (По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11 – П // Рос. газ.

от 2000 г. 4 июля. № 128.), которой момент допустимости реализации конституционного права на защиту от уголовного преследования конкретного лица определен как возникающий, когда ограничение прав конкретного физического лица становится реальным, а не обличенным в определенный процессуальный документ.

Список использованных источников

1. Григорьев В. Н. Результаты смены парадигмы в исследованиях уголовного процесса // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 2 (42).
2. Залиев А. Н. Защитник на стадии возбуждения уголовного дела. Правило Маслова // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2.
3. Новолодский Ю. М. Подозреваемый, обвиняемый, подсудимый... как источники доказательственной информации в уголовном деле // Адвокатская газета, дата публикации 30.06.2017 – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/podozrevaemyy-obvinyaemyy-podsudimyy/>
4. Овчинников Ю. Г. Необходимо ли внедрить «Правило Миранды» в российский уголовный процесс? // Современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: теоретические и практические аспекты: сборник материалов Международной научно-практической конференции в форме «круглого стола». Воронеж, 2012.
5. Поликарпова О. С. Препятствия реализации права на защиту лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и пути их устранения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1 (25)..
6. Поликарпова, О. С. К вопросу о допустимом сроке неявки защитника, приглашенного для участия в следственных и иных процессуальных действиях // Евразийский юридический журнал. № 12 (175). 2022.

Тахир Исмаилджанович Сайфутдинов,

проректор по научной работе Кыргызско-Казахского Университета,
доктор юридических наук, профессор,
г. Бишкек, Кыргызская Республика

Токторов Эгамберди Самидинович,

ректор Ошского Государственного Юридического Института,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Ош, Кыргызская Республика

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Статья посвящена анализу правового содержания конечных результатов оперативной деятельности, как общей категории производства следствия. Авторы исходят из того, что интерпретацию названных результатов надлежит рассматривать в качестве способа их «введения» в уголовный процесс, а условиями их использования в расследовании – получение способами и в порядке, установленном оперативно-розыскным законодательством, а также подтверждение доказательствами, собранными уже в рамках уголовного дела.

Ключевые слова: интерпретация; следственное и оперативное взаимодействие; результаты оперативно-розыскной деятельности; тактические комбинации; оперативный учет; метаданные; нарративная информация; унификация.

Takhir I. Saifutdinov,

Vice-Rector of the Kyrgyz-Kazakh University,
Dr. Sci. in Law, Professor,
Bishkek, Kyrgyz Republic

Toktorov E. Samidinovich,

Rector of the Osh State Law Institute,
PhD in Law, Associate Professor,
Osh, Kyrgyz Republic

LEGAL NATURE OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY IN INVESTIGATIVE OPERATIONAL INTERACTION

The article is devoted to the analysis of the legal content of the final results of operational activities as a general category of investigation. The authors proceed from the premise that the interpretation of these results should be considered as a way of their "introduction" into the criminal process, and the conditions for their use in the investigation – obtaining by means and in accordance with the procedure established by the operational-search legislation,

as well as confirmation by evidence collected within the framework of the criminal case.

Keywords: interpretation; investigative and operational interaction; results of operational-search activity; tactical combinations; operational accounting; metadata; narrative information; unification.

Интересен тот факт, что «результаты оперативной деятельности» не имеет даже попытки правового толкования, хотя при этом присутствует в нормативно-правовых актах. В связи с этим, вместо правового разъяснения содержательной сути данной дефиниции приходится обходиться теоретическими разъяснениями. Необходимо в этом случае отметить своеобразную интерпретацию результатов оперативной деятельности, представленную К. В. Сурковым, в своих рассуждениях он пришел к следующему, что «оперативно-розыскная информация, добываемая с помощью оперативно-розыскных мероприятий в сфере и инфраструктуре преступности. Она разделяется на стратегическую и тактическую [1]. Авторы, изучив точку зрения, данного ученого, пришли к заключению, что в основе стратегической информации заложены накопленные за определенные этапы повседневной оперативной деятельности аналитические данные, о криминогенной активности, и их проявлениях в районах оперативного прикрытия. На конкретный момент времени, а также предполагаемых изменениях. Исследование такой перспективной информации способствует стратегическому планированию в действиях субъекта оперативной деятельности направленных, на выявление и пресечение практически всех форм криминальной активности. В основе тактической информации лежат результаты, заключающиеся в перманентных данных, являющихся по своей сути ориентирующими и требующими уточнения и подтверждения. В такие данные могут быть включена информация о конкретных субъектах, интересующих правоохранительные органы, субъектах оперативной заинтересованности, оперативной разработки, дел оперативного учета, преступные группы их состава и лидеров, а также обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Предложенные дефиниции являются в своей содержательной сути элементами общей теории методологии познания, где собранные результаты оперативной деятельности представлены в качестве конечной информации. В свою очередь логика рассуждения К. В. Суркова, построена на прогностической или аналитической информации. Соискатель приходит к выводу, что причиной таких разночтений в содержании определений, по мнению соискателя, могут быть существенные различия методологии и конечных целей исследования данной проблемы у выше представлен-

ных ученых. Формулируя определение результатов оперативной деятельности, В. И. Зажицкий дает пояснение о том, что предложенное им содержание является «ориентирующим» и предназначенным для применения при производстве следствия. Следуя полемики, К. В. Сурков расшифровывает дефиницию результатов оперативной деятельности без внутреннего правового содержания, делая упор в своих логических умозаключениях на перманентные задачи, стоящие на конкретной следственной ситуации, сложившейся при производстве следствия. Однако сведения, полученные от оперативных источников в своем первоначальном содержании не подтвержденные соответствующими доказательствами, представляются нам недопустимыми для применения в рамках уголовного процесса, для этого важным условием является то, что бы предполагаемое событие произошло как факт, в определенном месте и конкретном промежутки времени, а именно должно быть свершившимся. Авторы допускают и тот факт, что плюрализм в определении результатов оперативной деятельности объясняется научно-теоретическими взглядами В. И. Зажицкого и К. В. Суркова. Первый понимает результаты оперативной деятельности с процессуальных позиций, а второй – с позиции оперативной деятельности. К. В. Сурков убежден, что сущностная характеристика оперативной информации содержит в себе все признаки применения ее исключительно в границах оперативной деятельности для производства оперативных мероприятий. Такая убежденность, вероятнее всего применима только к информации, полученной от оперативных источников, так как, в противовес ей оперативная информация тактического характера допускает ее применение в отношении объектов оперативной заинтересованности для последующего привлечения их к уголовной ответственности. В данном случае процессуальным и оперативным законодательством заложен перечень процедур, предусматривающих использование оперативной информации в рамках уголовного процесса. Развитие других точек зрения в отношении смыслового содержания понятия оперативной деятельности активно исследуется и в других научных источниках. К примеру, в одном из открытых курсов по основам оперативно – розыскной деятельности автор, выдвинул предположение о том, что «оперативная информация, закрепленная в оперативном законодательстве в форме определения «результаты оперативно–розыскной деятельности» отражает обобщенное наименование оперативно-розыскных понятий, имеющих точный и определенный смысл» [2].

Авторы предполагают, что в данном случае суть рассуждения заключается в понятийном содержании определения и разделении по правовому признаку ее применения, а именно:

1) Предварительная информация, ориентирующая на событие преступления и его признаки, содержащая данные о субъекте оперативной заинтересованности;

2) Уточняющая информация, содержащая значимую информацию для субъектов оперативной деятельности и позволяющую зафиксировать действия и события объекта оперативной заинтересованности.

В этом случае анализируется проведение оперативных мероприятий, нацеленных на обнаружение, собирание и закрепление значимой оперативной информации, предназначенной для оперативного обеспечения процессуального доказывания. С ранее представленным определением просматривается определенное понятийное сходство, а именно в их познавательном содержании и направленности. Авторы считают, что с целью не допустить возможных проявлений спорных моментов, касающихся различного толкования определения, правоохранительные органы создали прецедент и пошли на межведомственный компромисс в вопросе определения правового понятия результатов оперативной деятельности и их практического использования. С таким подходом вряд ли можно согласиться. По нашему глубокому убеждению, правовое понятие, используемое в ведомственных наставлениях и инструкциях, должно быть единым и однозначным [3, С. 187-190]. Органы, имеющие в своей структуре оперативные аппараты, разработали унифицированную форму представления результатов оперативной деятельности, выраженную в «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд»¹ (далее – Инструкция). Разработанная форма характеризует полученные сведения, как информацию, собранную субъектами оперативной деятельности в порядке и правилах, установленных оперативным законодательством, в первую очередь Законом об оперативно-розыскной деятельности² (далее – оперативный закон). Ранее представленные правовые определения результатов оперативной деятельности в своем внутреннем содержании вполне идентичны научным дефинициям. В их содержании присутствует, в том

¹ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд. Утверждена постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 февраля 2013 года № 80.

² Закон Кыргызской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» г. Бишкек от 16 октября 1998 г. № 131.

числе и перспективная информация о событии преступления и конкретных действиях, предшествующих этому событию. Очевидно, что именно из-за этого представленная дефиниция признана правовой наукой без принципиальных нареканий. Ученые, анализирующие содержание оперативного закона на предмет его оптимизации с Инструкцией, как правило, данную дефиницию трактуют без изменений и представляют как альтернативу ранее принятой привычной интерпретации. Однако даже правовое толкование результатов оперативной деятельности не стало поводом для того, что ранее предшествующие дефиниции «оперативной информации», «данные оперативно-розыскной деятельности», «оперативные данные» потеряли свое практическое применение. Кроме этого, представленное толкование не получило признания в правоприменительной практике и в сфере законотворчества. Законодатель не стал ограничиваться только определением «результаты оперативной деятельности», активно использовал и другие сходные по содержанию понятия. В ст. 6, 12 оперативного закона представлено определения «оперативно-розыскные материалы, основания и порядок рассмотрения материалов при проведении оперативных мероприятий». В. И. Зажицкий неоднократно в своих трудах доказывал необоснованность применения определения «материалы оперативной деятельности» в общих теоретических нормах уголовного процесса. При этом он указывал на то, что конструкция представленного определения не соответствует внутреннему содержанию теоретических принципов уголовного процесса, согласно которым доказательством по уголовному делу считаются «любые фактические данные». По нашему мнению, теоретически определена только часть результатов оперативной деятельности, а конкретно «предметная». Только данное смысловое содержание «материалы» представлены в ст. 6 оперативного закона Кыргызской Республики. Комментируя указанную дефиницию, А. Ю. Шумилов приходит к выводу, что в теоретической дефиниции понятия оперативных мероприятий законодательно определено то, что «оперативно-служебные документы и материалы дел оперативного учета, содержащие сведения на лиц, объектов оперативной заинтересованности» [13]. Вышеприведённые теоретические рассуждения приводят соискателя к выводу, что использование дефиниции «материалы» в содержании ст. 6 Оперативного закона Кыргызской Республики теоретически и логически обоснован, относительно уголовно – процессуального использования необходимо говорить не о материалах оперативных мероприятий, а о результатах оперативной деятельности. Между тем проведенное исследование показало, что дефиниция «ре-

зультаты оперативной деятельности» в уголовно – процессуальном ее применении порождает много противоречий. Так, в новом уголовно– процессуальном кодексе Кыргызской Республики (далее – УПК КР) в ст. 5 нет вообще такого определения, вместо него п. 44 данной статьи содержит указание на «специальные следственные действия»³. Такая же ситуация сложилась и с Инструкцией о представлении результатов оперативной деятельности. Такой подход в теории результатов оперативной деятельности допустим только в одном случае, когда эти результаты используются в делах оперативного учета, оперативной разработки, субъектов оперативной заинтересованности, т.е. повседневной деятельности оперативно – розыскных органов, но не в тех случаях, когда есть уголовно– процессуальное применение. Вместе с тем если обосновывать замену с нашей точки зрения, то она, не оправдана. По логике автора, дефиниция «результаты оперативной деятельности» имеет внутреннюю системность в контексте информационной достаточности, содержание которой можно охарактеризовать как перспективная разведка. Теоретик разведки В. Плэтт в контексте данного вопроса отмечал, что «Разведывательная информация есть осмысленные сведения, основанные на собранных, оцененных и истолкованных фактах, изложенных таким образом, что ясно видно их значение для решения какой-либо конкретной задачи текущей политики» [7, С. 34.]. Представленное мнение четко обозначает различие в смысловом содержании между предположением и конечными данными аналитической работы с информацией. Необходимо отметить, что в определенных случаях логика определения результатов оперативной деятельности пропорциональна содержанию оперативного законодательства, в ст. 13 оперативного закона указано, что «Дела оперативного учета заводятся при наличии оснований». Авторы убеждены, что проведенный анализ данного определения, содержащий в себе вывод, о том, что логика структуризации сведений проявляется раньше, чем результаты оперативной деятельности, является состоятельной. Поэтому понятно, что собрать самодостаточный информационный материал при проведении одного конкретного оперативного мероприятия достаточно проблематично. Ну, а если рассуждать о комплексной системе мероприятий, в таком случае нет оснований не использовать определение «результаты оперативной деятельности». Теоретики оперативной деятельности, разделяющие подобную позицию, дают следующие обоснование, «фактически оперативно-розыскная деятельность не ограничива-

³Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики. В редакции Закона от 15 мая 2019 года N 62.

ется проведением оперативно-розыскных мероприятий, несмотря на ее законодательное определение» [10, С. 26]. С представленными доводами нельзя не согласиться, так как принципы методологии познания являются взаимодополняющими, т.е. обладают и процедурным и непроцедурным содержанием одновременно. Исходя из этого уголовно – процессуальные нормы в контексте их применения при производстве следствия не являются в абсолютном значении процессуальными. В связи с чем, при определенных условиях допустимо рассуждать о том, что оперативные мероприятия не являются частью целостной системы. Практика подтверждает, что по большому счету и результаты оперативной деятельности и результаты оперативных мероприятий не конфликтуют друг с другом, а дополняют. Для того что бы разобраться в содержании понятия результаты оперативной деятельности, необходимо понять содержательный смысл понятия – результат. Во встречающихся нам научных исследованиях по данному вопросу, мы находим разные определения данного понятия. В одних работах результат оперативной деятельности понимается, как заключительный итог, смысл которого в конечной реализации в рамках уголовного процесса данных, полученных в процессе проведения как гласных, так и не гласных оперативных мероприятий в контексте дел оперативного учета, оперативной разработки, или в отношении объектов оперативной заинтересованности. В других работах исследователи отмечают, что резюмирующий подход к определению «результатов оперативной деятельности», должен описывать его именно с позиции оперативной деятельности. Здесь логично заключение, что результат, это конечная цель, выраженная в конкретной информативности, конкретных оперативных действий, реализация на их основе оперативных решений, т.е. итог выполнения поставленных задач, или обоснование их невыполнения. Это дает нам право заключить следующие, что теоретики в содержание определения «результат оперативной деятельности» вкладывают не только познавательный, но и организационный и управленческий смысл. При этом нацеленность на управленческое содержание, часто исключает познавательную составляющую результатов оперативной деятельности. Что приводит к тому, что определения, дающие сущностную характеристику посредством конечных итогов и принятых на их основе решений, попадают под критические замечания. Замечания, касающиеся недооценки познавательной сущности содержания определения результатов оперативной деятельности, в своей основе исходят от процессуалистов. Данный факт еще раз подтверждает мнение о том, что результаты в их конечной информационной форме являются

объектом интереса исключительно в процессуальном содержании. Процессуалисты постоянно обращают внимание на то, что нормы уголовного процесса считают результатами оперативной деятельности только те данные, которые получены оперативным способом и закреплены в оперативных материалах. Осмысление определения результатов оперативной деятельности с позиции методологии и научного познания, возможно через осознание определения «оперативная информация». Но исключительно через призму большого объема данных нельзя судить о конечном итоге и результатах оперативной деятельности. Анализируя, причина следственной связи, данного явления, мы не должны изучать ее однобоко. В противном случае неизбежны неточности и ошибочная трактовка характеристики стоящей проблемы. При этом, теоретики, изучающие особенность логического построения, содержания результатов оперативной деятельности, пришли к единодушному выводу, что она заключается в анализе конечного результата и его применения в законодательной и правоприменительной практике. При таком варианте решения обозначенной проблемы неизбежно проявятся базовые закономерности смыслового содержания понятия, в свою очередь содержащие в себе конкретные сведения о характеристике исследуемого вопроса. Содержание сущности характерных признаков результатов оперативной деятельности, четко сформулированы в их нормативной дефиниции.

С нашей точки зрения, рассуждать об итогах оперативной деятельности возможно тогда, когда полученная информация характеризуется следующими признаками:

- 1) коррелирует с задачами оперативно-розыскной деятельности;
- 2) получена исключительно способами, обозначенными нормативными актами;
- 3) добыта сотрудниками, обладающими соответствующими полномочиями и компетенцией;
- 4) соответствует предусмотренным законам и ведомственными актами нормам.

Первый признак раскрывает понятие, содержащее в себе одно из требований к информации, полученной в результате оперативной деятельности: она должна содержать те данные, которые способны свидетельствовать о событии преступления или подготовке к нему, в том числе о событиях, угрожающих государственной безопасности. Данный признак является существенным и в рамках теории уголовного процесса может рассматриваться только в отношении криминального события.

Следующий признак характеризует то, что оперативная информация добывается исключительно способами, обозначенными законом и нормативными актами. По этому поводу периодически возникает полемика, насколько законно проведение оперативных мероприятий, не обозначенных в перечне оперативного закона, так как оперативных мероприятий, проводимых на практике в соответствии со следственной ситуацией на много больше. Между тем, необходимо отметить, что список оперативных мероприятий, установленных законом, является содержательно исчерпывающим, что приводит к сдерживанию практических действий субъектов оперативной деятельности по разработке и применению наиболее результативных приемов и методов.

Сказанное предопределяет возникновение серьезных противоречий в среде теоретиков и практиков. Причем, если в прошлом преградой, стоящей на пути субъектов оперативной деятельности, были нормы уголовно–процессуального права, то в настоящее время, как это не парадоксально, преградой являются нормы оперативного закона. Оперативная информация, собранная любыми другими способами, которые не вошли в перечень оперативных мероприятий, обозначенных ст. 7 оперативного закона, не может рассматриваться и применяться в качестве законного доказательства следственными органами. Основываясь на этом, мы приходим к выводу, что сложности в придании правового статуса результатам оперативной деятельности (легализации) в настоящее время являются большой внутренней проблемой самой оперативно розыскной деятельности. Дело заключается в том, что информация, собранная субъектом оперативной деятельности в процессе инициативного поиска, допустима для применения только в том случае, когда она подтверждена данными, полученными при проведении предусмотренных законом оперативных мероприятий, проведенных согласно нормам уголовного процесса. Но вопрос в том, как мы уже отмечали, что в УПК КР уголовно–процессуальном кодексе в п. 44 ст. 5 нет вообще понятия оперативная деятельность, а присутствует определение «специальные следственные действия». По мнению авторов, анализируемая проблема характеризует сложившуюся ситуацию, как закон диалектики «единство и борьба противоположностей» процессуальной и оперативной составляющей, которые являются базой теории научного познания конкретного криминального события при раскрытии и расследовании преступления. Имея в виду правовое содержание результатов оперативной деятельности, данные должны быть получены уполномоченным на то субъектом оперативного ведомства, обладающим соответствующей компетенцией. Однако и в этом случаи есть

проблемы теоретического обоснования их производства. Мы рассуждаем об оперативных полномочиях органов дознания. В современной практике рассуждение в рамках уголовно – процессуального законодательства об оперативных мерах, как элемента процессуальной составляющей органов дознания приобрело признаки правового дисбаланса [2, С. 133]. А. В. Земскова в своих исследованиях отмечает, что «анализ норм и институтов не оставляет сомнений относительно ошибочности отнесения оперативно-розыскной деятельности к уголовно-процессуальной функции органов дознания» [6, С. 198]. Однако мы считаем, что теоретиков, придерживающихся этой точки зрения подвергать критике, не стоит. Так, как сама проблема уголовно – процессуальной относимости оперативных мер в теории уголовного процесса себя изжила. Не будучи уголовно–процессуальными по определению, оперативно-розыскные полномочия все равно остаются четко обозначенными полномочиями органа дознания. В данной связи авторы приходят к заключению, что орган дознания весьма своеобразный субъект уголовного процесса. Множественность компетенций и полномочий данного субъекта позволяют ему действовать одновременно в процессуальной и не процессуальной сферах деятельности. При этом хорошо видна недостаточная обоснованность основных положений, регулирующих эту деятельность и предназначенных для толкования нормативных документов, приказов, законов и кодексов [1, С. 267]. Вместе с тем, наличие соответствующих компетенций органов дознания ведет к кратному увеличению этих органов. Но простое увеличение компетентных органов, обладающих такими специфическими полномочиями, представляется не эффективным, если не будут реализованы инновационные методы познания в борьбе с преступностью.

Вот почему авторы полагают, что процесс реорганизации досудебного производства необходимо реализовывать по трем направлениям:

- 1) пересмотр количества компетентных субъектов, обладающих соответствующими право полномочиями в сторону их увеличения;
- 2) умножение форм досудебного производства;
- 3) увеличение источников поступления первичной информации;
- 4) оптимизация закрепления информации в порядке, установленном нормами уголовного процесса и оперативного закона.

Нет сомнения, что информационный статус оперативные данные получают только после их фиксации и обработке в установленном процессуальным законом порядке закрепления результатов оперативной деятельности. Иначе говоря, оперативная информация должна быть проверена и обработана. Примером данной фильтрации опера-

тивных данных являются требования Инструкции, где предписывается отражать результаты оперативной деятельности в рапортах, отчетах и других установленных нормативными актами документах оперативной отчетности. При реализации мероприятий технической поддержки и обеспечения, проводимых в ходе проведения оперативной деятельности их результаты, закрепляются на материальных носителях информации. При этом существует мнение, что способ закрепления оперативной информации полностью отражает ее характеристику (индивидуальные признаки и условий формирования). Представленный принципиальный подход к результатам оперативной деятельности и способам ее трансформации, по нашему мнению, имеет право на существование. Мы предполагаем, что существующий подход не только описывает метод физического присутствия информации, но и аспект, позволяющий объективно проанализировать имеющую информацию на конкретный момент времени и в определенных условиях. В настоящее время у достаточно большого количества ученых-процессуалистов сформировалось стойкое представление о том, что результаты оперативной деятельности в процессе доказывания легитимны только в одном случае, если они имеют документальную форму выражения. Другая часть теоретиков предполагает, что результаты оперативной деятельности могут иметь значение не только как конкретный итог, но и как реальные последствия. Большое количество оппонентов использования результатов оперативной деятельности в уголовном процессе акцентируют внимание конкретно на эту характерную особенность оперативной информации. Вместе с тем понятно, что в практическом плане, результаты являются, прежде всего, конкретными данными, полученными с соблюдением всех требований закона и нормативных документов, т.е. продуктом оперативной деятельности [4]. А требования закона, предъявляемые к этим результатам – гарантом необходимого стандарта данного продукта. Сущностные признаки результатов оперативной деятельности в данном контексте сходны с аналогичными признаками процессуальных доказательств, которые в своем смысловом содержании, так же являются фактическими сведениями по отношению к событию преступления, так же собранные и закреплённые предусмотренным законом путем и способом. Отличие просматривается только тогда, когда закон и нормативные акты не предъявляют требование о том, чтобы оперативная информация собиралась из установленных оперативным законом источников. В соответствии с нормами уголовного процесса доказательство является единым содержанием в контексте конечного результата, а результат оперативной деятельности

может представляться так же и активным, даже тогда, когда источник информации не установлен, но это только теоретически. Данные, активизирующие оперативную деятельность, могут и не указывать на их источник, но при этом свидетельствовать о событии преступления. Тем не менее, эти данные не являются еще результатом оперативной деятельности. Требование к идентификации источника информации неизменно, так как в противном случае, первичная информация, не содержащая данных об источнике происхождения, заменяется на аналогичную информацию, но содержащую конкретный установленный источник происхождения. Но эти сведения в противовес доказательствам могут реализовываться в пределах оперативной деятельности и без идентификации источника, когда в последующем подтверждающим информацию источником будет выступать сам субъект оперативной деятельности. Однако это не является признаком упрощенного подхода к требованиям, предъявляемым к оценке информации, и не противоречит процессуальным нормам. Общепринятые требования уголовного процесса, такие как допустимость, достоверность, относимость, являются и в данном контексте обязательными для выполнения (хотя требования оперативной деятельности более либеральны). Способы исследования первичных данных, используемые в оперативной деятельности, достаточно многогранны и порою связаны с использованием помощи из нетрадиционных источников, не имеющих явного подтверждения (к примеру, желтая пресса). Но в итоге такой помощи должен быть обнаружен признанный источник (подтвержденный) и, значит, получен конечный результат, соответствующий требованиям уголовно-процессуального закона.

Аналогию между конечными результатами оперативной деятельности и процессуальными доказательствами можно провести и по другим направлениям. Очевидно, что это и стало причиной появления в практике различного рода толкований оперативных доказательств. В оперативной науке на сегодняшний день существует достаточно много сторонников и последователей вышеприведенного толкования определения оперативного доказательства. Но при этом данная идея не является чем-то новым, в ее истоках лежат теоретические представления об оперативных доказательствах, заложенные Е. А. Доля, В. П. Жиромским, В. Я. Дороховым, В. И. Зажицким. При этом мы отмечаем значимый факт того, что абсолютно все перечисленные ученые в той или иной степени внесли свой вклад именно в теорию доказывания в уголовном процессе. Уже только наличие такой обусловленности в науке свидетельствует о неизбежности тесного взаимодействия процессуаль-

ной и оперативной деятельности. В данном примере мы наблюдаем отсутствие различий между дефинициями оперативного доказательства и процессуального доказательства. При этом А. Ю. Шумилов в своей работе отмечает, что данное умозаключение основывается, прежде всего, на теории процессуальных доказательств. Отсюда неизбежен вывод, что теоретические взгляды, обозначенные в научных трудах представленных нами ученых, однозначно повлияют на разработку всей системы оперативной деятельности и на содержание ее процесса оперативного доказывания в единой концепции уголовно-розыскного права. Вероятно, можно ожидать, что по примеру дефиниции доказательств, источников доказывания, представляющихся полемическими определениями в уголовном процессе, сходные дефиниции в сфере оперативного доказывания так же будут вызывать споры и способствовать становлению новой уголовно-розыскной отрасли права. Это ожидание легко обнаруживается в научной литературе, где видно, что большое количество теоретиков и практиков с сомнением относятся к применению процессуального определения доказательств в сфере деятельности оперативного закона. Прежде всего, мы имеем в виду теоретические разработки А. Ю. Шумилова об оперативном доказывании и доказательствах и их использовании в рамках уголовного процесса [13]. Мы полагаем, что теоретически можно говорить в рамках оперативного закона об исследовании события преступления, но при этом недопустимо не учитывать тот факт, что такого рода исследование абсолютно иное, нежели уголовно-процессуальное. В существующем оперативном законе определение «оперативные доказательства» на данный момент времени отсутствуют, но при этом данное определение активно используется в оперативной науке и в повседневной практической деятельности. Активно исследуя данный вопрос, Е. А. Доля так же проводил сопоставление определений «результаты оперативной деятельности» и «оперативные доказательства, оперативное доказывание» [5]. Определение «оперативное доказывание» применяется им в совокупности с «оперативным доказательством». При этом, по его мнению, оперативное доказывание начинается с поиска и накопления оперативных доказательств и заключается в практическом применении оперативных мероприятий уполномоченными на то компетентными субъектами. К тому же следует отметить тот факт, что сущностное содержание определений «оперативное доказательство» и «оперативное доказывание» не оспаривается и не подвергается сомнениям со стороны процессуалистов. Думается, авторы данных определений в какой-то мере ожидали негативной реакции от своих оппонентов, в связи с чем

достаточно «сгладили» некоторые формулировки и не настаивали на их исключительности. В своих теоретических пояснениях А. Ю. Шумилов после дефиниции оперативных доказательств предложил разъяснение о том, что они не являются предметом процессуального рассмотрения, т.е. «уголовно-процессуального значения не имеют» [14]. Нам представляется, что в данном контексте речь идет не об отрицании важности данных доказательств в уголовном процессе, а акцентируется внимание на то, что недопустимо прямое применение результатов оперативной деятельности в качестве способа доказывания при производстве следствия. Последнее уточнение правильно только тогда, когда максимально адаптирует в практическом применении возникающие противоречия относительно оперативной информации и процессуальными доказательствами. Все же с точки зрения существующей практики «оперативные доказательства» применительно к «оперативной деятельности» являются относимыми и не нуждаются в дополнительном разъяснении и обременении законом. Мы полагаем, что данное определение применимо в контексте любого исследования, но только на определенном этапе. Понятие доказывания в оперативной деятельности должно толковаться, как взаимосвязанная последовательность действий, очередность которых определена уголовно-процессуальным законом. Таким образом, само по себе получение оперативных доказательств является одним из звеньев (этапов) познавательной деятельности, направленной на раскрытие преступлений и изобличение виновных в их совершении [8].

Нужно также иметь в виду, что практика оперативной деятельности подразумевает использование для своей характеристики таких терминов как «оперативный процесс» и «розыскной процесс». На наш взгляд, уголовно-розыскной процесс базируется на основных понятиях процессуального права, а точнее, на взаимосвязанной последовательности действий, обозначенных нормой данного права. Данное обстоятельство обусловлено границами персональных компетенций участников расследования по рассматриваемой категории уголовных дел и спецификой выполнения функциональных обязанностей субъектами взаимодействия расследования преступления в части оперативного обеспечения следствия [9]. При этом необходимо отметить, что на данный момент времени большинство теоретиков, по мнению Р. С. Белкина, «не считают необходимым даже предполагать, что присутствует самостоятельная теория оперативно-розыскной деятельности, как индивидуальная область научного знания» [3]. По нашему мнению, предвзятое отношение ученых-процессуалистов к главной компетенции

правоохранительных органов и специальных служб свидетельствует об их непонимании реальной практики использования методов борьбы с преступностью. А также подобное отношение определяется незнанием, а порою и принципиальным несогласием содействовать разрешению задач не процессуальной деятельности специальных служб. Вместе с тем, отрадно отметить тот факт, что современная практика меняется к лучшему. Все больше теоретиков процессуалистов переосмысливают и по-новому подходят к данной проблеме. При этом они не предвзято разрабатывают теорию процессуального применения результатов оперативной деятельности. В данном случае необходимо отметить тот факт, что сущностное содержание определений «оперативное доказательство и «оперативное доказывание» не оспаривается и не подвергается сомнениям со стороны процессуалистов. По нашему мнению, сами авторы данных определений в какой-то мере ожидали негативной реакции от своих оппонентов, в связи с чем достаточно сгладили некоторые формулировки в определении и не настаивали на их исключительности [1, С. 182]. Но пока рано утверждать, что разработана обоснованная теория, способная решить имеющиеся вопросы в контексте организационного взаимодействия процессуальной и оперативной деятельности. А анализ существующих определений понятия «результаты оперативной деятельности» свидетельствует о его недостаточной разработанности. Но при этом все согласны с тем, что результаты оперативной деятельности имеют познавательное значение. Нам представляется, что именно так теоретически анализируется исследуемое понятие. Ну и, соответственно, без проведения такого анализа говорить о применении результатов оперативной деятельности в уголовном процессе не приходится. С точки зрения практики, применение результатов оперативной деятельности в уголовном процессе должно быть обеспечено более объемным теоретическим подтверждением и обоснованием. Это объясняется нейтральностью задач самой оперативной теории, генезисом понятия розыскного права, целями и задачами уголовного процесса и уголовно-розыскного права. Именно поэтому к решению данных вопросов необходимо подходить поэтапно и комплексно с охватом всех значимых аспектов.

Список использованных источников

1. Акматова А. Т. Профилактика и особенности расследования преступлений, сопутствующих автомобильным кражам // International Scientific Journal «Theoretical & Applied Science» Philadelphia, USA. № 10 (90). 2020.

2. Аюбаев М. А. Некоторые проблемы профилактики преступности в уголовно-исполнительной системе Казахстана // Актуальные научные исследования в современном мире. № 9 (41). 2018.
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т.1. М., 1997.
4. Бердалиев К. Ч. Методы выработки управленческих решений в правоохранительной сфере // Журнал правовых исследований. № 2. 2018.
5. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996.
6. Земскова А. В. Правовые проблемы использования результатов оперативно – розыскных мероприятий в уголовно – процессуальном доказывании» монография. Волгоград, 2000. 198.
7. Плэтт В. Стратегическая разведка. Основные принципы. М., 1997.
8. Сайфутдинов Т. И. Theoretical questions of the etymology of operational and investigative activities // International Scientific Journal «Theoretical & Applied Science» Philadelphia, USA. № 10 (90) 2020.
9. Сайфутдинов Т. И. Современные проблемы криминалистической методики расследования отдельных видов и групп преступлений // Известия вузов Кыргызстана. № 1. 2018.
10. Сурков К. В. Сущность оперативно-розыскного процесса и его соотношение с уголовно-процессуальной деятельностью // Законность ОРД и уголовный процесс: Материалы международной научно-практической конференции. СПб. 9-10 апреля 1998 г.
11. Токторов Э. С. Диний экстремизмди териштирүүдө тергөөчүнүн жана оперативдүү-издөө ишмердүүлүк субъектилеринин өз-ара аракеттенүүсүнүн маселелери // Наука новые технологии и инновации Кыргызстана. № 2. 2020.
12. Токторов Э. С. Кылмыштарды териштирүүдө оперативтик камсыздоону уюштуруунун көйгөйлүү суроолору // Наука новые технологии и инновации Кыргызстана. № 12. 2019.
13. Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России: монография. М., 1997.
14. Шумилов А. Ю. Краткая сыскная энциклопедия. М., 2000.

ПРАВДА И ДОСТОВЕРНОСТЬ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

В статье рассматривается понятие «правда» в его значении для уголовно-процессуального доказывания. Актуализируются отличия правдивости доказательственной информации от ее достоверности. Автор предлагает рассматривать собирание правдивой доказательственной информации в качестве одной из целей начальных уровней уголовно-процессуального доказывания, обеспечивающей достижение в ходе расследования уголовного дела таких целей, как формирование свойства достоверности доказательства и установление истины по делу в конечном итоге. Предлагается авторская концепция понимания правды в доказывании по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное познание; цели уголовно-процессуального доказывания; уровни уголовно-процессуального доказывания; правда; достоверность

Andrey I. Semenovskiy

Postgraduate student, Assistant of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Siberian Federal University

TRUTH AND CREDIBILITY IN CRIMINAL PROCEDURAL PROOF

The article deals with the term "truth" in its meaning for criminal procedural proof. The differences between the veracity of evidentiary information and its credibility are actualized. The author proposes to consider the collection of truthful evidentiary information as one of the goals of the initial levels of criminal procedural proof, which ensures the achievement of such goals during the investigation of criminal case as the formation of the quality of the credibility of evidence and the establishment of the truth in the case in the end. The author's concept of understanding the truth in proving in criminal cases is proposed, which contributes to the achievement of these goals.

Keywords: criminal procedure knowledge; purposes of criminal procedural proof; levels of criminal procedural proof; truth; credibility

1. Введение в проблему.

Несмотря на преобразования, произошедшие с конца XX – начала XXI века в российском уголовном судопроизводстве, доминирующим в нем остается публичное начало, как на досудебных, так и на судебных стадиях [3, с. 12-14; 23, с. 24].

По этой причине отечественная доказательственная деятельность сохраняет направленность на поиск «материальной (объективной) истины», как соответствующих действительности знаний о расследуемом событии [3, с. 12-14]. При этом некоторые исследователи утверждают, что именно за публичным началом, ориентированным на поиск материальной (объективной) истины, стоит дальнейшее развитие и совершенствование уголовно-процессуальной деятельности в том числе и в рамках мирового масштаба [7, с. 78].

Подобные взгляды относительно поиска истины в уголовном судопроизводстве в России аргументируются положениями уголовно-процессуального права, предъявляющими требования мотивированности и обоснованности процессуальных решений. Обоснование того, что российский уголовный процесс в своей сущности направлен на получение объективно-истинных сведений о расследуемом событии, развернуто дается в работах отечественных ученых, например, В. А. Азарова, З. Д. Еникеева, А. В. Пиюка, А. Г. Халиулина, Е. В. Брянской, и не является целью настоящей работы [4; 8; 11; 23; 27].

Отметим, в правоприменительной практике также имеется тенденция организовать работу, направленную на поиск материальной (объективной) истины. Так, например, в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывается, что суды должны неукоснительно выполнять требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела [1]. Аналогичные требования содержатся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъясняется необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания [2].

Достижение материальной (объективной) истины рассматривается в качестве цели уголовно-процессуального доказывания или же всего уголовного судопроизводства, а также упоминается в качестве принципа доказывания [18, с. 428]. В конечном итоге, рассмотрение «материальной (объективной) истины» в качестве некоторой цели уголовно-процессуального доказывания (всего судопроизводства) и в качестве некоторого принципа, выдвигает требования к суду, следователю (дознавателю), прокурору.

С позиции философии и психологии, понятие «цель» отвечает на вопрос, что должно быть получено по результатам действий [25, с. 56]. Цель рассматривается в виде некоторого осознаваемого идеального

результата деятельности. При таком понимании цели человеческой деятельности, с учетом того, что получение истины является требованием, которое должно выполняться, представляется оправданным понимать достижение объективно-истинных сведений о расследуемом событии как цель уголовно-процессуального доказывания.

Как отмечала в своих работах П. С. Элькин, в содержании норм уголовно-процессуального права отражаются его цели, соответственно, сами эти нормы устанавливаются законодателем для их достижения [29, с. 20]. Таким образом, если законодателю важно установление материальной (объективной) истины по уголовному делу, вполне обосновано в законе указано, что собираемые по уголовному делу доказательства должны быть достоверные и оцениваться с позиций их достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

Вместе с тем, в отечественном уголовно-процессуальном законе можно встретить использование понятия «правда», раскрывающее обязанность несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, не достигших возраста шестнадцати лет, говорить «правду» (ч. 2 ст. 191, ч. 5 ст. 280 УПК РФ). Данное понятие также используется при характеристике сведений, предоставленных обвиняемым при исполнении им обязательств в рамках заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.5 УПК РФ). С учетом использования понятия «сведения» законодателем в указанном контексте и в контексте определения содержательной стороны доказательств (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), допустимо считать, что под «сведениями» в ч. 3 ст. 317.5 УПК РФ подразумевается такая информация, предоставленная обвиняемым, которая в ходе производства по уголовному делу приобретает вид доказательства. При этом конкретный вид доказательств не определен. Исходя из буквального понимания, это могут быть любые доказательства, которые обвиняемый представляет по своей инициативе и которые от него получили в ходе проведения процессуальных действий.

Вместе с тем, каждое полученное доказательство по уголовному делу должно быть оценено с позиции относимости, допустимости и достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

В связи с этим, возникает проблема соотношения «правды» и «достоверности».

В правоприменительной практике оба понятия используются в близком значении. Так, согласно данным сайта Верховного Суда РФ, по состоянию на февраль 2022 года банк судебных актов суда высшей инстанции содержал порядка 665 определений и постановлений (за период с начала 2002 года) по уголовным делам, согласно которым

участники судопроизводства, среди прочего, оспаривали именно правдивость показаний [30]. При этом подход к определению правдивости показаний был различным.

Например, в одном из определений суд отмечал, что в ходе предварительного расследования свидетель давал правдивые показания, которые подтвердились в дальнейшем совокупностью доказательств и были правильно признаны достоверными [33].

В некоторых судебных актах суд указывал, что фактически сторонами оспаривается достоверность данных участниками судопроизводства показаний [34]. Стороны в жалобах использовали термин «правдивость» относительно данных ранее показаний тех или иных участников.

В целом, проведенный нами анализ актов Верховного Суда РФ, в которых оспаривается правдивость показаний, свидетельствует, с одной стороны, о разграничении судебной инстанцией «правды» и «достоверности» с указанием на то обстоятельство, что показания могут быть правдивы и в различной степени соответствовать действительности. Достоверными они могут быть признаны только при изучении всей совокупности доказательств по делу.

С другой стороны, в правоприменительной практике частично отождествляется сущность правдивых и достоверных показаний в том смысле, что заявляется их соответствие действительности.

Аналогичная ситуация существует в теории допроса. Понятие правдивых и достоверных показаний часто используются как синонимы, тем самым определяя их совпадающие сущности [24, с. 88].

2. Исследование проблемы.

Понятие «достоверность» – поле логики и философии. Оно рассматривается в качестве истины (в значении объективно соответствующего в действительности знания), обоснованного для субъекта познания определенным образом [21, с. 385-386]. Анализ доктрины свидетельствует о том, что подобным образом достоверность определяется и в контексте доказывания.

В науке уголовного процесса достоверность рассматривается и как объективное соответствие действительности, и как обоснованность доказательственного знания [6, с. 143; 22, с. 45-46]. Свойство достоверности доказательства формируется на протяжении всего процесса собирания доказательств, а фактически разрешается вопрос о достоверности в ходе совокупной оценки доказательств [22, с. 46].

Как уже было отмечено ранее, уголовно-процессуальный закон предъявляет требование оценки доказательств с позиций их достовер-

ности. Установление достоверности доказательств, таким образом, следует рассматривать в качестве одной из ряда соподчиненных целей уголовно-процессуального доказывания.

П. С. Элькинд отмечала, что для достижения общей цели уголовного судопроизводства существуют некоторые соподчиненные ей цели, решаемые в ходе отдельных процессуальных действий, отдельных стадий уголовного процесса [29, с. 41-45].

Согласно позиции ученого, законодатель должен выстраивать нормы закона именно таким образом, чтобы они способствовали достижению целей уголовного процесса, отражались в таких нормах, были из них выводимы [29, с. 16]. С учетом изложенной позиции П. С. Элькинд и подходов к сущности понятия «цель» в философии и психологии, получение достоверных доказательств по результатам процесса доказывания можно признавать одной из тех самых «промежуточных» целей данного процесса, которые должны способствовать установлению истины по делу.

Таким образом, нормативное закрепление законодателем требования к субъектам доказывания оценивать доказательства с позиций их достоверности отвечает цели более высокого порядка.

Указанный подход соотносится с правилами познания в классической философии, на основе которых по большей части строятся основы уголовно-процессуального познания, если включать доказывание в саму познавательную деятельность [15, с. 117]. Так, Л. А. Фейербах отмечал, что в рамках познания в «диалог» вступает получаемый опыт и мышление, в ходе которого свое вероятностное знание человек соотносит с познаваемой действительностью и сведениями из нового опыта, что переводит имеющиеся предположения в достоверные знания для познающего, то есть истинные на основе их обоснования определенным способом [26, с. 30].

При этом некоторые специалисты отмечают, что получаемые доказательства по уголовному делу, в первую очередь, должны быть относимы к предмету доказывания [7, с. 202]. Их достоверность будет установлена в ходе дальнейшего расследования. Доказательства, получаемые в ходе первоначальных следственных действий, на их взгляд, должны содержать в себе относимую к расследуемым обстоятельствам информацию.

Между тем, нельзя говорить, что следователь (дознатель) даже на начальных этапах расследования будет собирать исключительно все сведения, которые могут показаться относимыми.

Так, в ходе интервьюирования следователей Следственной части МУ МВД России «Красноярское», все они сошлись на следующей общей позиции. В ходе собирания доказательств, тем более личных доказательств в виде показаний, следователь не собирает вообще всю кажущуюся относимой информацию по уголовному делу в контексте ее реальной или предполагаемой связи с расследуемым событием, так как заинтересованные в негативном исходе дела лица, стремящиеся противостоять установлению объективных обстоятельств следствием, могут сообщать относимые, но ложные сведения. Это предопределяет тактику допроса, направленную на недопущение сообщения подобных сведений.

Принимая на счет также отмеченную практику Верховного Суда РФ, представляется верным предположение, что следователь (дознатель) должен стремиться получить в первую очередь правдивую доказательственную информацию, относящуюся к производству по делу, которой субъект доказывания имеет основания доверять, считает потенциально истинной, а если это личные доказательства, то и субъект их передачи должен стремиться сообщить их без искажений, имея целью донести, на его взгляд, информацию истинную.

Установка на получение достоверных личных доказательств в ходе эмпирического этапа уголовно-процессуального доказывания, в свете их понимания как объективно-истинных, обоснованных определенным образом, как указывают иностранные авторы, влечет ошибки в процессе сбора доказательств, а также к формированию в научной среде соответствующих приемов сбора доказательств, приводящих к подобным ошибкам.

К подобным результатам ведет допущение получения объективных, достоверных доказательств в ходе одного следственного действия, а также непонимание указанных выше двух подходов к правдивости в контексте воспринимаемой и передаваемой информации. Например, с учетом подобных воззрений, в США, Канаде, Великобритании получили распространения тактики допроса, направленные не на сбор правдивых показаний, а фактически на получение показаний, соответствующих сугубо позиции следствия, что в перспективе ведет к ошибкам доказывания и даже к назначению наказания объективно невиновным лицам [31; 32].

Исследователи в области истории и политологии утверждают, что в термин правда в российской традиции вкладывали совокупность представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости [17, с. 184].

Н. М. Золотухина в своем специальном исследовании полагает, что на сегодняшний день понятие «правда» употребляется в том же значении, как и в эпоху Средневековья в российском государстве. Данный термин включает в себя понимание истины, справедливости, общественной нравственности и личной ответственности за происходящее [13, с. 106].

На понятие «правда» с его характерными особенностями для русского мировоззрения обращали свое внимание философы, которые пытались определить, как правда соотносится с истинной. В учебных изданиях последних лет по «философии философии» авторского коллектива МГУ им. М. В. Ломоносова, правда характеризуется как знание проблемное, но в той или иной степени соответствующее истине (так называемая «правдивость»), а также как убежденность в истинности того или иного знания, основанного на эмоциональных началах, предшествующем жизненном опыте [5, с. 203]. Д. И. Дубровский отмечал, что «правда» и «истина» понятия синонимичные, однако «правда» к «истине» не сводится в полном объеме, так как включает в себя уверенность, убеждения в истинности [10, с. 355]. Позднее, А. Д. Александров писал, что понятие «правда» охватывает моральную правоту и объективную истину [20, с. 32].

В работах по психологии «правду» рассматривают как характеристику процесса передачи соответствующих сведений.

Согласно позиции В. В. Знакова, говорить о правде возможно в том случае, когда адресант считает информацию соответствующей действительности, не имеет намерения ее исказить при передаче, передаваемая информация действительно соответствует реальному положению дел [12, с. 251-252].

Анализ работ, в которых используется понятие «правда», в контексте процесса доказывания, свидетельствует об отсутствии фундаментального исследования данного явления в доказательственной деятельности по уголовному делу.

Понятие правды в работах специалистов в области уголовного процесса и криминалистики либо не раскрывается, либо рассматривается в качестве синонима достоверности и истины или рассматривалось как чуждое цели истины явление.

Так, например, В. А. Линовский писал, что целью уголовного судопроизводства является установление правды и справедливости, привлечение к ответственности лиц, совершивших преступление [19, с. 216]. Однако им не раскрывалась сущность понятия «правда», а с проведением реформы уголовного судопроизводства в 1864 году в

УУС Российской империи (ст. 613) и в юридической науке целью уголовно-процессуального доказывания стала рассматриваться истина. Можно лишь предположить, что В. А. Линовский отождествлял «правду» и «истину».

А. Я. Вышинский понятие «правда» рассматривал в контексте даваемых свидетелем показаний, отмечая, что правдивые показания могут отчасти быть соответствующими действительности знаниями, но никогда полностью не будут соответствовать ей в силу субъективных особенностей лица [9, с. 188-190]. И. Ф. Крылов фактически различал правду и достоверность в том ключе, что правда – это вера в объективность того, что лицо воспринимает, а достоверность – это объективное соответствие знания предмету познания [16, с. 353]. Ученый отрицал какое-либо значение правдивой доказательственной информации и ее роль в установлении обстоятельств расследуемого события [16, с. 354].

В криминалистике, в контексте цели допроса, некоторые авторы видели ее в получении правдивых показаний, но либо соотносили их с «правдивыми, объективно соответствующими действительности», либо не раскрывали смысл используемого понятия, очевидно, считая его общепонятным [14, с. 3; 24, с. 88].

3. Выводы.

С учетом изложенных позиций относительно понятия «правда» в различных отраслях научного знания, а также уголовно-процессуальных и философских воззрений относительно термина «достоверность», в контексте уголовно-процессуального доказывания можно предложить следующие методологические основы рассмотрения понятия «правда» в теоретической и практической плоскостях.

1. В контексте уголовно-процессуального доказывания понятие «правда» может рассматриваться как в качестве характеристики собираемой доказательственной информации субъектом уголовно-процессуального познания вообще, так и в качестве характеристики личностной информации, поступающей ему.

С одной стороны, допустимо говорить о правдивой информации, когда субъект доказывания убежден на основе своего предшествующего опыта / на эмоциональных началах в истинности получаемой информации, у него имеются основания верить в соответствие истине такой информации.

С позиции лица, транслирующего доказательственную информацию, о ее правдивости допустимо говорить тогда, когда лицо полагает, что передает сведения, соответствующие действительности, и не желает их умышленно исказить. Полагаем, допустимо считать, что

такая информация на момент ее транслирования должна соответствовать действительности, однако такое соответствие проблемно, «частично» и лишь предположительно на начальном этапе познания.

2. Получение правдивой информации следует рассматривать в качестве цели, предшествующей получению достоверной доказательственной информации.

Следователь, в свою очередь, должен создавать условия, побуждающие лицо, передающего информацию, предоставить ему именно правдивую информацию, в вышеуказанном ее понимании, когда получает личные доказательства.

3. Получение правдивой информации выступает основой, целью эмпирического этапа уголовно-процессуального познания, когда собираются сведения о расследуемом событии на основе чувственного опыта.

Получение правдивых сведений является условием формирования свойства достоверности у доказательств, так как изначально правдивое знание о событии зачастую становится достоверным через череду удостоверительных и оценочных операций.

Отдельно отметим, что «правдивость» характеризует именно проблемное знание, получаемое на чувственном уровне познания, то есть на самом начальном уровне доказывания, если проводить аналогию между ним и гносеологией познания вообще. Для получения в дальнейшем знаний истинных, на чувственном уровне необходимо закрепить результаты познания именно так, как они фактически восприняты, без искажений содержания воспринятого. Представляется, это условие также характеризует именно правдивую информацию – она должна передаваться без искажений, ровно так, как была воспринята, что повышает ее степень соответствия действительности. И чем больше такая информация действительности соответствует, тем более реальным представляется получить из нее достоверное знание.

Список использованных источников

1. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ, 1999, № 3.
2. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2011, № 2.
3. Азаренок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург. 2021.

4. Азаров В. А., Пелих И. А. Взаимосвязь объективной истины и пределом доказывания по уголовному делу // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право», 2015, № 2.
5. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М. 2020.
6. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М. 1964.
7. Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005.
8. Брянская Е. В. Сила доказательств и тактика аргументации в процессе доказывания по уголовному делу. М., 2023.
9. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941.
10. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М. 2002.
11. Еникеев З. Д. Совершенствование законов и эффективность их применения как важные условия борьбы с преступностью // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: материалы Всероссийской науч.-практич. конференции. Уфа. 2004, Ч. 1.
12. Знаков В. В. Индивидуальные различия понимания обмана в малом бизнесе // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 6.
13. Золотухина Н. М. Средневековые мыслители России о правде, законе, справедливости, истине и благодати // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2.
14. Карнеева Л. М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. Волгоград. 1976.
15. Корнев Г. П. Методологические проблемы познания и доказывания в российском уголовном процессе. М. 2021.
16. Криминалистика / отв. ред. И.Ф. Крылов. М. 1976.
17. Кузнецов О. В., Лотарев К. А. Две «правды»: Ярослав Мудрый и Павел Пестель: к вопросу поиска и утверждения политико-исторических смыслов правды и закона в политической истории России // Власть. 2021. № 2.
18. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. 2017.
19. Линовский В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849.
20. Наука и ценности / отв. ред. А.Н. Кочергин. Новосибирск, 1987.
21. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. / науч. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. М., 2010.
22. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М., 1995.
23. Пилюк А.В. Роль суда в доказывании обстоятельств уголовного дела в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации. М., 2020.

24. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Мн., 1978.
25. Смирнов С. Д. Психология и педагогика в высшей школе. М., 2023.
26. Фейербах Л.А. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1955.
27. Халиулин А.Г. Истина в уголовном процессе. Событие. Комментарии экспертов // Закон, 2012, № 6. С. 17–28.
28. Шрамченко В. П. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената. СПб., 1911.
29. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976.
30. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vsrf.ru/>. Дата обращения: 02.02.2023.
31. Loney D.M. Coercive interrogation of eyewitness can produce false accusation // Journal of police and criminal psychology. 2016. № 31.
32. Reid S. Confessions of a criminal psychopath: an analysis of the Robert Pickton cell-plant // Journal of police and criminal psychology. 2018. № 33.
33. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2004 по уголовному делу № 57-О04-22 [Электронный ресурс] // Тексты судебных актов Верховного суда РФ. Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=104392/ (дата обращения: 02.02.2023).
34. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2004 по уголовному делу № 80-УД22-11-А4 [Электронный ресурс] // Тексты судебных актов Верховного суда РФ. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2184554/ (дата обращения: 02.02.2023).

Дарья Александровна Сенькина

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕДНАМЕРЕННЫХ БАНКРОТСТВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Настоящее исследование посвящено обстоятельствам, подлежащим доказыванию при расследовании преднамеренных банкротств юридических лиц. Рекомендуется производить установление и исследование данных обстоятельств с использованием структурно-аналитической формулы Г. А. Густова и уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Представленный в настоящем исследовании подход должен способствовать эффективному расследованию преднамеренных банкротств.

Ключевые слова: структурно-аналитическая формула Г.А. Густов, обстоятельства, подлежащие доказыванию, преднамеренное банкротство юридических лиц.

Daria A. Senkina

Graduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
St. Petersburg State University

THE CIRCUMSTANCES TO BE PROVED IN THE INVESTIGATION OF DELIBERATE BANKRUPTCIES OF LEGAL ENTITIES

This study is devoted to the circumstances to be proven in the investigation of deliberate bankruptcies of legal entities. It is recommended to establish and study these circumstances using the structural-analytical formula of G.A. Gustov and criminal and criminal procedural legislation. The approach presented in this study should contribute to the effective investigation of deliberate bankruptcies.

Keywords: structural-analytical formula of G. A. Gustov, circumstances to be proved, deliberate bankruptcy of legal entities.

В настоящее время наблюдается тенденция использования института несостоятельности (банкротства) недобросовестными участниками гражданского оборота в противоправных целях. В связи с вышеизложенным, согласно «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», утверждённой Указом Президента Российской Федерации № 208 от 13.05.2017, одной из основных задач по обеспечению безопасности экономической деятельности является предотвращение преднамеренных банкротств.

Согласно диспозиции статьи 196 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – «УК РФ») преднамеренное банкротство представляет собой совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица в полном объёме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб. Диспозиция статьи является бланкетной и подлежит применению с учётом положений Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Сложности при выявлении преднамеренных банкротств во многом обусловлены высоким уровнем латентности и делящимся характером данного преступления, а также отсутствием необходимого научно-методического обеспечения деятельности по расследованию преднамеренных банкротств в целом и методических рекомендаций по разграничению противоправных действий и законных гражданско-правовых практик ведения хозяйственной деятельности в частности.

Полагаем, что успешность уголовного преследования за совершение преднамеренных банкротств находится в прямой зависимости от уголовно-процессуального, поисково-познавательного и познавательно-аналитического потенциала следователя. Однако вынуждены констатировать, что при производстве расследования преднамеренного банкротства следователи зачастую испытывают трудности при анализе обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

В уголовно-процессуальном законодательстве перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, представлен в статье 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, по уголовному делу подлежат доказыванию событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица (форма вины и мотивы); обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления и так далее. Однако данный перечень является общим и не учитывает специфику конкретного преступления.

В рамках производства расследования преступления следователю необходимо также устанавливать и исследовать все обстоятельства события преступления, под которыми следует понимать системные элементы события происшествия, восстанавливаемые посредством ретроспективного анализа информации о специфической картине его отображения в материальных и идеальных следах.

В классических традициях петербургской школы уголовного процесса и криминалистики исследование обстоятельств события и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, рекомендуется производить с использованием структурно-аналитической формулы Г. А. Густова: СбтПр → [Сб х (ФзД → ПсхД → ФПсл) х Мст х Вр] ↔ Обст., состоящей из следующих элементов:

СбтПр. – событие преступления;

Сб – субъект (преступник), включая его личностную характеристику, а также должностное положение и полномочия;

ФзД – трёхэтапная деятельность преступника: действия до совершения преступления, система действий как способ преступного посягательства, система действий как способ преступного деяния, действия после совершения преступления;

ПсхД – психическая деятельность (мотив, цель, умысел);

ФПсл – факты-последствия – события, возникшие вследствие совершенного преступного деяния, или события на которые повлиял факт преступления;

Мст – место совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника;

Вр – время совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника;

Обст – обстановка: причины, способствовавшие преступной деятельности и условия, в которых событие преступления развивалось;

х – заменяет значение союза «и»;

→ – знак, заменяющий слова «если ..., то»;

↔ – знак прямой и обратной связи;

[] – скобки, означающие достаточность системы события преступления как целостного явления действительности [1, с. 431; 2, с. 88].

Субъектом преступления может являться физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет, являющееся руководителем, учредителем или участником компании-должника, а также контролирующим должника лицом либо руководителем контролирующего лица (п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ). Не смотря на то, что в диспозиции статьи 196 УК РФ отсутствует чёткое указание специального субъекта, полагаем, что исходя из содержания статьи не любой общий субъект может выполнить объективную сторону преступлений, указанных в диспозиции ст. 196 УК РФ, а только то лицо, которое фактически наделено в силу занимаемой должности соответствующими полномочиями, либо имеет законное основание для распоряжения имуществом либо реальную возможность совершать действия по сокрытию или отчуждению иму-

щества компании-должника. При исследовании субъекта преступления необходимо определить его статус и круг полномочий.

Кроме того, надлежит исследовать психическую деятельность, в частности, установить мотив, цель и умысел субъекта. Следует обратить внимание на то, что диспозиция статьи 196 УК РФ предусматривает совершение преступления с прямым конкретизированным умыслом.

Физическую деятельность субъекта надлежит исследовать ретроспективно, в частности, необходимо исследовать во-первых, деятельность до момента совершения противоправных действий; во-вторых, способ совершения преступления, в частности, то, какие действия были совершены в целях создания или увеличения неплатежеспособности компании; в-третьих, деятельность после совершения преступления. При анализе деятельности компании до момента совершения противоправных действий необходимо особое внимание уделить финансово-хозяйственной деятельности должника до момента совершения преступления. В рамках исследования способа совершения преступления необходимо учитывать, что диспозиция статьи 196 УК РФ предусматривает совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб. Под действиями, заведомо влекущими неспособность удовлетворить требования кредиторов, понимаются умышленное деяние, направленное на возникновение или увеличение неплатежеспособности юридического лица. Создание или увеличение неплатежеспособности должны повлечь за собой отсутствие возможности в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Способ совершения преступления не отражён в диспозиции статьи 196 УК РФ. В соответствии с разделом 3 Методических рекомендаций по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15.04.2013 № 04-4), способами совершения преднамеренного банкротства могут являться, во-первых, заключение сделок на условиях, не соответствующих рыночным и обычаям делового оборота, в частности, сделок по отчуждению имущества, по приобретению менее ликвидного имущества, купли-продажи имущества, без которого невозможна основная деятельность компании, сделок, связанных с возникновением обязательств, не обеспеченных имуществом, сделок по

замене одних обязательств другими, заключенными на заведомо невыгодных условиях; во-вторых, непринятие мер для взыскания дебиторской задолженности и так далее. Преступное поведение может заключаться в совершении действий (активном поведении виновного) и в бездействии (пассивном поведении), и должны привести к созданию или увеличению неплатежеспособности.

При анализе действий после совершения преступления следует учитывать, что в целях сокрытия своих противоправных действий преступники зачастую прибегают к использованию криминальных инсценировок путем утаивания, фальсификации, маскировки и (или) уничтожения информации о преступлении. В рамках проведения исследования физической деятельности необходимо провести анализ значений и динамики коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника, а также сделок компании-должника в различные темпоральные промежутки, в частности, до, во время и после совершения преступления.

При анализе фактов-последствий следует учитывать, что данное преступление является длящимся и имеет материальный состав, то есть считается оконченным с момента причинения ущерба в крупном размере, который в соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ в денежном эквиваленте должен превышать 2 250 000 рублей. Противоправные действия, направленные на создание или увеличение неплатежеспособности, нацелены на формирование финансового состояния, при котором должник будет лишён возможности исполнить обязательства в полном объёме перед контрагентами по гражданско-правовым обязательствам и перед государством по обязательным платежам.

Особое внимание следует уделить особенностям доказывания причинно-следственной связи между деянием и последствиями. В абзаце 3 пункта 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» обращено внимание на недопустимость использования теории ближайшей причины, в частности, указано, что единственной предпосылкой банкротства не может быть признана последняя сделка (операция) должника, которая привела к появлению признаков объективного банкротства, соответственно, надлежит проводить исследование совокупности сделок (операций) должника. Также требуется исключить определяющее или существенное влияние внешних факторов, таких как неблагоприятная конъюнктура рынка, финансовый кризис и так далее.

В рамках проведения анализа места совершения преступления необходимо учитывать отрасль и вид производства, территориальное расположение, юридический и фактический адрес юридического лица, головного офиса и обособленных структурных подразделений (представительств и филиалов), складов, архивов, производственных помещений компании.

При анализе времени совершения преступления необходимо комплексно изучить следующие темпоральные периоды: во-первых, период до совершения противоправных действий, образующих объективную сторону преднамеренного банкротства; во-вторых, время совершения противоправных действий, вплоть до момента признания должника несостоятельным (банкротом); в-третьих, период после признания должника арбитражным судом несостоятельным (банкротом).

В рамках исследования обстановки совершения преступления надлежит произвести анализ причин, способствовавших совершению преступления, и условий, в которых событие преступления развивалось.

Полагаем, что вышеуказанные рекомендации по установлению и исследованию обстоятельств события преступления, на основании структурно-аналитической формулы Г.А. Густова, а также положений уголовного и уголовно-процессуального права, будут способствовать эффективному расследованию преднамеренных банкротств и привлечению к уголовной ответственности виновных лиц.

Список использованных источников

1. Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Седовой, С. П. Кушниренко, В. Д. Пристанкова. М. 2019.
2. Пристанков В. Д. Событие преступления как объект криминалистического познания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. № 1.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета, 29.12.2017, № 297.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
5. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, № 20, ст. 2902.
6. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.

Наталья Александровна Сидорова,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

РЕВИЗИЯ И ПЕРЕСМОТР РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАК ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ФРАНЦИИ

Статья посвящена анализу отдельных экстраординарных видов производств по уголовным делам в уголовном процессе Франции – ревизии и пересмотру. Указанные производства по сути своей сходны с российским возобновлением уголовных дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Рассмотрены основания и процедура принятия решения по жалобам в рамках процедур.

Ключевые слова ревизия , пересмотр решений, вступивших в законную силу, экстраординарные производства, комиссия по ревизии и пересмотру, суд по ревизии и пересмотру

Nataliia Sidorova, PhD,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

REVISION AND REVISION OF DECISIONS IN CRIMINAL CASES AS EXTRAORDINARY PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCESS OF FRANCE

The article is devoted to the analysis of certain extraordinary types of criminal proceedings in the criminal process of France – revision and revision. These proceedings are essentially similar to the Russian resumption of criminal cases on new and newly discovered circumstances. The grounds and procedure for making a decision on complaints within the framework of the procedures are considered.

Keywords audit, revision of decisions that have entered into force, extraordinary proceedings, audit and revision commission, audit and revision court

В уголовном процессе Франции выделяют два вида пересмотра вынесенных решений: обычные процедуры (апелляция, оппозиция) и чрезвычайные средства правовой защиты (статьи 567-626-1 УПК Франции – далее УПК) [1, с. 143] К чрезвычайным средствам правовой защиты (ст. 567-626-1 УПК) относятся кассация, обжалование в интересах закона (статьи 620-621 УПК), ревизия, пересмотр решений суда на основании постановления ЕСПЧ [2; 3].

В уголовных делах, даже если последнее решение является окончательным, то есть оно больше не подлежит обжалованию в обычном порядке, это не обязательно конец уголовно-процессуальной деятельности вообще. Кроме того, существует процедура пересмотра в форме ревизии, с одной стороны, и процедура пересмотра на основании решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), с другой. Эти обе процедуры регламентируются нормами одной главы, они обе являются экстраординарными. По сути своей это формы, которые аналогичным российским уголовно-процессуальным производствам – возобновления дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам

Ревизия и пересмотр (réexamen) (ст. 622-626-1 УПК). Во французском уголовном судопроизводстве суд по ревизии и пересмотру формируется при Кассационном Суде Франции [4]. Суд по надзору и пересмотру является так называемым «чрезвычайным» судом, поскольку он заседает не постоянно и состоит из судей, представляющих все палаты Кассационного суда [5]. Состав суда по ревизии и пересмотру определен ст. 623 УПК. В рамках рассматриваемых процедур Кассационный суд действует в качестве суда по ревизии и пересмотру в составе восемнадцати судей. Суд по ревизии и пересмотру проводит заседания под председательством председателя уголовной палаты Кассационного суда. Остальные семнадцать магистратов назначаются Генеральной Ассамблеей Кассационного суда на трехлетний срок, который может быть продлен один раз. Каждая из палат кассационного суда представлена в нем тремя его членами. Суд по ревизии и пересмотру назначает в свой состав членов на трехлетний срок, этот срок может быть продлен один раз. Назначаются пять действующих магистратов и пять заместителей магистратов для формирования комиссии по предварительному рассмотрению ходатайств о ревизии и пересмотре. Последняя назначает в своем составе председателя. Не могут входить в состав комиссии или выполнять в ней функции государственного обвинителя судьи, которые по делу, переданному в суд по ревизии и пересмотру, в рамках других юрисдикций либо возбудили ранее уголовное дело, либо проводили расследование, либо участвовали в принятии решения по существу вопроса о виновности заявителя. Судьи, входящие в состав комиссии, и их заместители не могут входить в состав судебной коллегии суда по ревизии и пересмотру. Остальные тринадцать магистратов составляют суд по ревизии и пересмотру, который выносит решение по существу жалобы. Судебное заседание проводится под председательством председателя Палаты по уголовным делам. Генеральная прокуратура при Кассационном суде выполняет функции

прокуратуры при следственной комиссии и подготовке судебного решения.

Закон № 2014-640 от 20 июня 2014 года О процедурах ревизии и пересмотра окончательного обвинительного приговора по уголовному делу (база данных № L5294I3H) в корне изменил структуру этих двух средств правовой защиты, одновременно объединяя их процедуры и уточняя условия для начала пересмотра обвинительных приговоров по уголовным делам. Преследуемая цель этого новшества двойка: с одной стороны, уточнить и упростить эти процедуры; с другой стороны, разрешить рассматривать все ходатайства о пересмотре в высшей судебной инстанции. С этой целью создается единый суд по ревизии и пересмотру (вместо ранее действовавших комиссий по пересмотру уголовных приговоров, суда по пересмотру и Комиссии по пересмотру) [6].

Пересмотр уголовного дела – это процедура, которая редко завершается в пользу осужденного, поскольку трудно соблюсти условия приемлемости жалобы [7].

Ходатайство о пересмотре сначала направляется в комиссию по рассмотрению заявлений о ревизии и повторном рассмотрении, которая выносит решение о его приемлемости или неприемлемости:

в случае неприемлемости комиссия может отклонить жалобу мотивированным постановлением, не подлежащим обжалованию;

следственная комиссия принимает во внимание все новые факты или неизвестные элементы, на которых могли быть основаны одно или несколько ранее поданных ходатайств;

если в связи с новым фактом или элементом, неизвестным на момент судебного разбирательства, следственная комиссия считает, что жалоба приемлема, то она передается в суд по ревизии и пересмотру на основании мотивированного решения комиссии, не подлежащего обжалованию. По просьбе заявителя это решение может быть вынесено на открытом заседании.

Большинство дел не выходят за рамки этого первого этапа: так в 2020 году из 128 жалоб, рассмотренных следственной комиссией, 123 были признаны неприемлемыми. Большинство запросов касаются уголовных дел (кража, мошенничество, половые преступления и проч.) [8]. С 1945 года только одиннадцать осужденных были реабилитированы. Так, осужденный двадцать лет назад судом присяжных по делам несовершеннолетних за изнасилование и сексуальное насилие Фарид Эль Хайри стал двенадцатым реабилитированным в декабре 2022 года, поскольку потерпевшая признала ложь в заявлении, отправленном прокурору в 2017 году [9].

Ревизия окончательного решения по уголовному делу может быть инициирована в интересах любого лица, осужденного за преступление или проступок, когда после вынесения обвинительного приговора происходит новое событие или раскрывается неизвестный суду на день судебного разбирательства элемент, который может установить невиновность осужденного или вызвать сомнения в его виновности [10].

Пересмотр (reexamen) окончательного решения по уголовному делу может быть инициирован в интересах любого лица, признанного виновным в совершении преступления, если из решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) вытекает, что приговор был вынесен с нарушением положений Европейской конвенции о правах человека (далее – ЕКПЧ) или дополнительных протоколов к ней, если по своему характеру и серьезности установленные нарушения повлекли за собой для осужденного фундаментальные последствия, которые не могут быть устранены путем справедливой сатисфакции, предусмотренной в ст. 41 ЕКПЧ [11].

Институт пересмотра окончательного решения по уголовному делу уже давно известен французской судебной системой. Еще в 17 веке существовала подобная процедура, когда королевский совет мог направлять письма о пересмотре, эта возможность существовала до революции 1789 года и была восстановлена решением кассационного суда 1800 г. с изменениями 1808, 1813, 1867 и 1894 г.г. [12]. До 1989 года ходатайства о пересмотре рассматривались Управлением по уголовным делам и помилованиям Министерства юстиции, которое учреждало комиссию по пересмотру уголовных и исправительных процессов, в ее состав помимо возглавлявшего ее директора по уголовным делам и помилованиям, входили еще два директора министерства и трое судей Кассационного суда. Комиссия давала положительное или отрицательное заключение по ходатайству о пересмотре, а затем хранитель печати отклонял его письмом, адресованным адвокату, подавшему ходатайство, или давал указание генеральному прокурору при Кассационном суде передать дело в уголовную палату, которая, в свою очередь, рассматривала это дело. Затем суд отменял обвинительный приговор или отклонял ходатайство. Законом от 23 июня 1989 года о пересмотре уголовных приговоров была создана комиссия в составе пяти судей Кассационного суда, назначаемых Генеральной Ассамблеей этого суда. Проведя непосредственно или по судебному поручению все необходимые исследования, слушания, очные ставки и проверки и получив письменные или устные замечания заявителя и его адвоката, а также замечания прокуратуры, эта комиссия передавала в уголовную

палату, которая выносила решение в качестве суда по ревизии, запросы, которые, по ее мнению, могут быть рассмотрены [13]. Закон от 15 июня 2000 года, усиливающий защиту презумпции невиновности и прав жертв, ввел процедуру пересмотра [14].

Законом от 20 июня 2014 года в результате реформы процедур пересмотра окончательного приговора по уголовному делу был учрежден суд по ревизии и пересмотру, который заменяет предыдущие инстанции [15]. Пересмотр и повторная экспертиза могут быть запрошены:

Министром юстиции.

Генеральным прокурором при Кассационном суде.

Осужденным или в случае его недееспособности законным представителем.

После смерти или объявления осужденного отсутствующим - его супругом, партнером, связанным гражданским договором солидарности, его сожителем, его детьми, его родителями, его внуками или пра-внуками или его универсальными или универсальными наследниками.

Кроме того, пересмотр может быть запрошен генеральными прокурорами при апелляционных судах.

Комиссия по результатам рассмотрения обращения выносит решение о приемлемости ходатайства о пересмотре. Неприемлемые заявления отклоняются на основании мотивированного постановления без возможности обжалования. В случае необходимости комиссия может запросить дополнительную информацию, прежде чем принимать решение.

В тех случаях, когда ходатайство считается приемлемым, комиссия выносит постановление о приемлемости, которое не может быть обжаловано. Комиссия может распорядиться о предоставлении дополнительной информации, поручить это одному или нескольким членам комиссии с целью получения ее непосредственно или по судебному поручению, в формах, которые установлены УПК, путем проведения любого информационного действия, полезного для расследования запроса, за исключением заслушивания лица, в отношении которого существуют веские основания подозревать, что оно совершило или пыталось совершить преступление.

После получения письменных или устных замечаний заявителя или его адвоката, замечаний прокуратуры, а также, если она вмешивается в разбирательство, после их надлежащего уведомления, замечаний гражданского истца, участвующего в судебном разбирательстве, ревизия или пересмотр которого запрашивается, или его адвоката, заявителя или его адвоката. поскольку его адвокат выступает последним, ко-

миссия передает дело на рассмотрение суда по ревизии и пересмотру, если ходатайство представляется ей приемлемым.

Комиссия выносит мотивированное решение, которое не подлежит обжалованию. Это решение по ходатайству заявителя или его адвоката выносится на открытом заседании.

Когда комиссия по рассмотрению ходатайств о ревизии и повторном рассмотрении рассматривает ходатайство о пересмотре, ее председатель выносит постановление своим постановлением. Он обращается в суд для вынесения решения по ревизии и повторному рассмотрению жалоб, поданных в течение срока, указанного в ст. 622-1, в отношении которых он констатирует наличие решения Европейского суда по правам человека, устанавливающего нарушение Конвенции, применимой к осужденному.

Когда комиссия по рассмотрению ходатайств о ревизии и повторном рассмотрении рассматривает ходатайство о пересмотре в соответствии со статьей 622 УПК, она принимает во внимание все новые факты или неизвестные элементы, на которых могло быть основано одно или несколько ранее поданных ходатайств, и передает решение на утверждение суда о ревизии и повторном рассмотрении заявлений, в отношении которых, по ее мнению, появился новый факт или обнаружился неизвестный на момент судебного разбирательства элемент.

Когда появляются новые доказательства того, что третья сторона может быть причастна к совершению деяний, комиссия незамедлительно уведомляет об этом компетентного прокурора Республики, он проводит необходимые расследования и может начать судебное расследование, которое не может быть поручено магистрату, уже знакомому с делом. Прокурор республики или следственный судья не может обращаться с ходатайством к службе или сотруднику судебной полиции, участвовавшим в расследовании, которое послужило основанием для осуждения заявителя

Если суд по ревизии и пересмотру считает, что дело еще не находится в стадии рассмотрения, она дает указание предоставить дополнительную информацию, порученную одному или нескольким из ее членов, с целью продолжить, напрямую или по поручению суда, в формах, предусмотренных настоящим кодексом, к любому информационному акту, имеющему значение для расследования запроса, за исключением заслушивания любого лица, в отношении которого есть веские основания подозревать, что оно совершило или пыталось совершить преступление.

Когда дело принято к рассмотрению, суда рассматривает его по существу и выносит мотивированное решение, не подлежащее обжалованию, после открытого слушания, в ходе которого собираются устные или письменные замечания заявителя или его адвоката, а также замечания прокуратуры что, если она вмешается в разбирательство, после того как она будет должным образом уведомлена об этом, то это сделает гражданский истец, участвующий в судебном разбирательстве, пересмотр или пересмотр которого запрашивается, или ее адвокат. Заявитель или его адвокат выступают последними.

Председатель суда может в ходе прений ходатайствовать о заслушивании любого лица, имеющего отношение к рассмотрению ходатайства.

В соответствии с УПК заявитель представлен адвокатом в судебном разбирательстве и ему оказывает помощь в ходе прений выбранный им адвокат или, по его просьбе, назначенный *ex officio*. Если ходатайство о ревизии или повторном рассмотрении не было признано явно неприемлемым в соответствии со абз. 2 ст. 624 УПК и заявитель не имеет адвоката, председатель комиссии назначает ему адвоката *ex officio*. Потерпевшее лицо может быть также представлено в ходе разбирательства и ему может оказывать помощь в ходе судебного разбирательства выбранный им адвокат или, по его просьбе, назначенный адвокат.

Заявитель может в ходе рассмотрения своего заявления может обратиться в комиссию о ревизии и пересмотре с письменным и мотивированным ходатайством о проведении любых действий, которые он считает необходимыми для расследования своего заявления. Комиссия по заявлению выносит мотивированное и не подлежащее обжалованию решение в течение трех месяцев с момента получения заявления

Заявителю и гражданскому истцу могут быть предоставлены копии всех или части документов и актов по делу. Если досье было отсканировано, эта копия должна быть восстановлена в оцифрованном виде, если это необходимо, с помощью средств телекоммуникации в порядке, предусмотренном в ст. 803-1 УПК. Выдача первой копии каждого документа или акта по делу осуществляется бесплатно. Выдача этой копии должна произойти в течение месяца с момента подачи заявки на ее выдачу.

Судебная коллегия по ревизии и пересмотру отклоняет ходатайство, если считает его необоснованным. Если суд считает ходатайство обоснованным, он отменяет вынесенный приговор, за исключением

случаев, когда удовлетворяется ходатайство о пересмотре апелляции осужденного. (ст. 624-7 УПК)

Если возможно провести дальнейшие состязательные слушания, суд по ревизии и пересмотру решений направляет заявителя в суд того же порядка и той же степени, но иной, чем суд, из которого было вынесено отмененное решение. Однако в случае подачи ходатайства о пересмотре, если повторное рассмотрение жалобы осужденного на условиях, соответствующих ЕКПЧ, способно устранить нарушение, установленное ЕСПЧ, он возвращает заявителя в пленарное заседание кассационного суда.

Если невозможно приступить к дальнейшему обсуждению жалобы, в частности, в случае амнистии, смерти, заочного осуждения или неявки одного или нескольких осужденных, в случае истечения срока давности иска или наказания, после того как суд прямо констатирует это, выносится решение по существу в присутствии гражданских истцов, если таковые имеются в суде, и правопреемников умерших участников процесса ; в этом случае суд отменяет только те приговоры, которые кажутся необоснованными. Если невозможность проведения дальнейших слушаний обнаруживается только после решения суда по ревизии и пересмотру, отменяющего приговор или обвинительное заключение и выносящего постановление о передаче дела, суд по ходатайству прокуратуры сообщает о том, в какой суд передается дело и определяет конкретный суд. Отмена обвинительного приговора влечет за собой исключение записи о судимости, и, возможно, упоминаний из досье судебной полиции.

Из 3172 решений, вынесенных комиссией по пересмотру в период с 1990 по 2014 год, последняя передала в суд по пересмотру только 85 уголовных и исправительных дел : суд по пересмотру отклонил 33 из них и вынес только 52 решения об отмене (или 1,6% от общего числа), 19 из которых сопровождалось исправительными работами. передачи в другой суд, когда были возможны дальнейшие прения, и 33 без передачи, когда дальнейшие прения были невозможны или когда у осужденного не осталось ничего, что могло бы быть квалифицировано в уголовном суде[12]. В период с 2014 по 2021 год в суд было подано восемь исков, три из которых были отклонены, суд вынес пять решений об отмене, три из которых сопровождалось передачей в другую юрисдикцию [16].

Некоторые дела, рассмотренные в рамках анализируемой процедуры, получили широкую огласку: Дело Шарля Бодлера (1857), дело

Ги Мовиллена (1982), дело Рида Даалуша (1999), дело Омара Раддада (2022), дело Фарида Эль Хайри (2022) и др.

В период с 2000 по 2014 год было подано всего 55 заявлений: 16 не прошли первую стадию рассмотрения – вопрос о приемлемости, 7 были отклонены, а 31 дело было рассмотрено повторно, что составляет 82% от всех приемлемых заявлений [12]. В период с 2014 по 2021 год в суд были поданы два ходатайства, в результате которых дело было пересмотрено.

Список использованных источников

1. Шестакова С. Д. Уголовный процесс зарубежных государств. Лекция // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 3.
2. Барабанов П. К. Уголовный процесс Франции. М., 2016.
3. Заксон А. Ю Экстраординарные способы обжалования в уголовном процессе Франции как функция уголовного правосудия: автореф. дисс. ... кандидата юридических наук: Москва, 2011.
4. Article L451-1 du code de l'organisation judiciaire // https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071164?etatTexte=VIGUEUR&etatTexte=VIGUEUR_DIFF (дата обращения 3.08.2023).
5. Requête en révision: saisine de la formation de jugement! <https://www.david-avocat.com/requete-en-revision-saisine-de-la-formation-de-jugement/>
6. Le Quotidien du 24 juin 2014: Procédure pénale. <https://www.lexbase.fr/article-juridique/17714292-brevesrevisiontreexamendunecondamnationpenaledefinitivenouvellesdispositionslegales> (дата обращения 3.08.2023).
7. Claire Selvi, master de droit pénal et politiques criminelles, Université Paris-Nanterre: Affaire Omar Raddad: éclairage sur la procédure de révision pénale. LES SURLIGNEURS, 17 octobre 2022// <https://www.lessurligneurs.eu/affaire-omar-raddad-eclairage-sur-la-procedure-de-revision-penale/>(дата обращения 3.08.2023).
8. Justice: la demande de révision, une procédure qui aboutit rarement. <https://www.la-croix.com/France/Justice-demande-revision-procedure-aboutit-rarement-2022-12-08-1201245628>(дата обращения 3.08.2023).
9. Justice: la demande de révision, une procédure qui aboutit rarement. <https://www.la-croix.com/France/Justice-demande-revision-procedure-aboutit-rarement-2022-12-08-1201245628>;
10. Article 622 du code de procédure pénale // Code de procédure pénale // https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154?etatTexte=VIGUEUR&etatTexte=VIGUEUR_DIFF (дата обращения 3.08.2023)
11. Article 622-1 du code de procédure pénale// Code de procédure pénale //

- https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154?etatTexte=VIGUEUR&etatTexte=VIGUEUR_DIFF (дата обращения 3.08.2023)
12. Rapport fait au nom de la commission des lois constitutionnelles, de la législation et
 13. de l'administration Générale de la République, sur la proposition de loi (n° 1700) relative à la réforme des procédures de révision et de réexamen d'une condamnation pénale définitive, par M. Alain TOURRET, Député.<https://www.assemblee-nationale.fr/14/rapports/r1807.asp> (дата обращения 03.08.2023)
 14. Loi n°89-431 du 23 juin 1989 RELATIVE A LA REVISION DES CONDAMNATIONS PENALES// <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000321873>; (дата обращения 03.08.2023)
 15. Loi n° 2000-516 du 15 juin 2000 renforçant la protection de la présomption d'innocence et les droits des victims/NOR: JUSX9800048L, <https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2000/6/15/JUSX9800048L/jo/texte>
 16. LOI n° 2014-640 du 20 juin 2014 relative à la réforme des procédures de révision et de réexamen d'une condamnation pénale définitive (1) NOR: JUSX1405215L ELI: <https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2014/6/20/JUSX1405215L/jo/texte> (дата обращения 03.08.2023)
 17. « Décisions de la Cour de révision et de réexamen (CRR) ». <https://www.courdecassation.fr/acces-rapide-judilibre/autres-juridictions/decisions-de-la-cour-de-revision-et-de-reexamen-crr> (дата обращения 03.08.2023)

Максим Александрович Смирнов

заместитель руководителя первого контрольно-следственного отдела
следственного управления Следственного комитета Российской Федерации
по Чувашской Республике

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена актуальным аспектам психологического обеспечения деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации. Акцентировано внимание на проводимых в настоящее время ведомственных преобразованиях психологического сопровождения расследования и в первую очередь преступлений с участием несовершеннолетних. Их реализация в конечном итоге должна повысить качественный уровень предварительного следствия.

Ключевые слова: психологическое сопровождение следствия, психолог, специалист, криминалистика, несовершеннолетний, уголовный процесс, Следственный комитет Российской Федерации.

Maxim A. Smirnov

Deputy Head of the First Control and Investigation Department of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Chuvash Republic, Cheboksary, Russia

ON TOPICAL QUESTIONS OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT IN THE INVESTIGATION OF CRIMES WITH PARTICIPATION OF MINORS

The article is devoted to topical aspects of psychological support for the activities of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation. Attention is focused on the current departmental transformations of the psychological support of the investigation and, first of all, crimes involving minors. Their implementation should ultimately improve the quality of the preliminary investigation.

Keywords: psychological support of the investigation, psychologist, specialist, criminology, juvenile, criminal procedure, Investigative Committee of the Russian Federation.

Деятельность следственных органов испытывает объективную необходимость в использовании психологических знаний для расширения возможностей установления специфических обстоятельств по уголовным делам, в том числе с участием несовершеннолетних, имеющим существенные особенности и усложненный порядок производства.

Следственным комитетом Российской Федерации (далее – СК России) особое внимание уделяется вопросу сопровождения расследования преступлений специалистами, обладающими знаниями в области психологии, как важной гарантией соблюдения законных интересов несовершеннолетних.

Председателем СК России А. И. Бастрыкиным 17 ноября 2022 г. проведено межведомственное совещание. На нем в целях совершенствования деятельности психологических служб ведомства определено: провести разработки для включения в учебные пособия по криминалистике специального раздела – «криминалистическая психология»; организовать стажировки для психологов, окончивших учебные заведения вневедомственного звена; нарастить научный потенциал с ведущими ВУЗами выпускающими психологов, запланированы и другие мероприятия [1, с. 3-4].

Эффективное использование психологических знаний в расследования преступлений в практике некоторых государств, послужило основанием для создания в них ведомственных систем психологического сопровождения. В нашей стране проводимые разработки в области юридической психологии не повлекли создание подобных служб, вплоть до введения в 2008 году в штат СК России психологов [2, с. 3-4].

До 2023 года большинство региональных управлений СК России испытывало нехватку в специалистах, обеспечивающих психологического сопровождение предварительного расследования, сотрудником одного из них является автор. Специалисты-психологи, осуществлявшие психологическое сопровождение следствия с участием несовершеннолетних, имелись в 8 территориальных следственных органах.

Так, в 2021-2022 гг. в следственное управление СК России по Чувашской Республике (далее – следственное управление) поступило 321 сообщение о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, и 695 сообщений о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, по результатам рассмотрения которых возбуждено 181 и 337 уголовных дел соответственно (Ведомственная статистическая информация следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Чувашской Республике «О работе следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних» за 2021 г. и 2022 г.).

Проблема, систематически возникавшая в работе следователей следственного управления, заключалась в недостаточном количестве штатных единиц психологов, обслуживающих несовершеннолетнее

население республики. В 401 общеобразовательной организации Чувашии в 2022 году обучалось 148 404 учащихся. Общее количество педагогов-психологов составляло 224. Таким образом, не все общеобразовательные организации обеспечены психологами. Такая проблема актуальна и на сегодняшний день.

Поиск специалиста существенно усложняет выполнение поставленных перед следователем задач, особенно в нерабочее время. Возникают серьезные трудности с привлечением специалиста в области судебной психологии.

В настоящее время проводится реформирование психологического обеспечения деятельности следственных органов СК России, в том числе направленное на расширение штатов психологов в региональных следственных управлениях СК России.

Так, после введения в 2023 году в отдел криминалистики следственного управления должности штатного психолога проблематика экстренного поиска специалиста и обеспечения его оперативного участия в следственных действиях, в том числе в нерабочее время, значительно снижена.

Одним из свидетельств активных и перспективных преобразований является создание в 2023 году Экспертного совета Следственного комитета Российской Федерации по организации психологической деятельности (Приказом Следственного комитета Российской Федерации от 26 июня 2023 г. № 77 «Об образовании Экспертного совета Следственного комитета Российской Федерации по организации психологической деятельности» утверждено положение об одноименном совещательном органе). В его состав включены как сотрудники СК России, так и федеральных органов власти, обеспечивающих, в том числе психологическое сопровождение граждан в различных жизненных ситуациях, а также работники ведущих образовательных организаций высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку психологов. На него возложены функции по разработке предложений, рекомендаций по решению проблемных вопросов психологического обеспечения предварительного расследования и служебной деятельности, психологического обеспечения учебного процесса в образовательных организациях, а также по совершенствованию взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, иными органами и организациями в сфере психологического обеспечения населения; рассмотрению вопросов, связанных с участием СК России в реализации национальных планов и проектов по вопросам психологической защиты и помощи населению и другие.

Межведомственные рабочие группы по организации психологической деятельности со схожими полномочиями образованы в территориальных следственных органах СК России (Созданы во исполнение приказа СК России от 26 июня 2023 г. № 78 «О формировании в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации межведомственных рабочих групп по организации психологической деятельности»).

В настоящее время в следственной практике автора к участию в следственных действиях, помимо штатного психолога, привлекаются педагоги и психологи общеобразовательных организаций, расположенных вблизи от места производства предварительного следствия, либо психологи социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, которые не обладают специальной для этого подготовкой.

В этой связи сотрудниками отдела криминалистики и контрольно-следственного отдела следственного управления подготовлен обучающий семинар для педагогов и психологов образовательных организаций, центров социального и психологического сопровождения региональных и муниципальных органов власти, которые наиболее часто привлекаются следователями в порядке, установленном статьями 191 и 425 УПК РФ, в следственных действиях, проводимых с несовершеннолетними потерпевшими, свидетелями, обвиняемыми (подозреваемыми). Целью данного мероприятия является повышение квалификации указанных специалистов в аспекте их информирования о процессуальных и криминалистических, в том числе психологических, особенностях проведения процессуальных действий с участием несовершеннолетних.

В данное время нами проводится изучение проблемных вопросов участия психологов и педагогов в досудебном уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних и возможности применения их знаний в доказывании. Одной из целей исследования является изучение особенностей участия психолога и педагога при расследовании таких дел. В связи с этим в качестве одной из задач ставится сравнение специфики участия педагогов, вневедомственных и штатных психологов СК России. По результатам обобщения планируется выработать предложения и рекомендации по совершенствованию деятельности этих субъектов в уголовном процессе.

Также полагаем, что проводимые в системе СК России упомянутые преобразования позволят решить проблему организации и проведения психологического сопровождения следствия, что позитивно отразится на качественном уровне производства по уголовным делам.

Список использованных источников

1. Состоялось совещание о перспективах развития психологической службы в Следственном комитете России. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sledcom.ru/news/item/1741220/> – 5 с.
2. О некоторых методах прикладной психологии, применяемых в расследовании преступлений: методические рекомендации / Е. Г. Дозорцева, С. Н. Зерин, И. И. Каменев, Ю. А. Михайлова / под ред. И.А. Стрельцова. М., 2016.

Николай Геннадьевич Стойко

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики СПбГУ

Илья Александрович Васильев

кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права СПбГУ

Наталья Александровна Сидорова

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики СПбГУ

Наталья В. Платонова

ассистент кафедры гражданского процесса СПбГУ

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ И ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

Статья посвящена презумпции невиновности как принципу уголовного процесса и конституционному праву. Авторы ставят вопрос о пределах действия презумпции невиновности в контексте с прекращением уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Они приходят к заключению, что ни обвинительные выводы, содержащиеся в соответствующем постановлении, ни обосновывающие их доказательства не могут использоваться для каких-либо правоограничений лица, в отношении которого было прекращено дело.

Ключевые слова: презумпция невиновности, уголовный процесс, принцип, конституционное право, прекращение дела.

Nikolay G. Stoyko

DSci. in Law, Prof., Department
of the Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

Iliya A. Vasiliev

PhD in Law, Associate Prof.,
Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg State University

Nataliya A. Sidorova

PhD in Law, Associate Prof.,
Department of the Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

Nataliya V. Platonova

Assitant Prof.
Department of the Civil Procedure,
St. Petersburg State University

PRESUMPTION OF INNOCENCE AND DISMISSAL OF A CRIMINAL CASE OR CRIMINAL PROSECUTION ON NON-REHABILITATIVE GROUNDS

The article is devoted to the presumption of innocence as a principle of criminal procedure and constitutional law. The authors raise the question of the limits of the presumption of innocence in the context of the termination of criminal cases on non-rehabilitative grounds. They conclude that neither the decisions contained in the relevant document nor the evidence supporting them can be used to impose any legal restrictions on the person against whom the case has been dismissed.

Keywords: presumption of innocence, criminal procedure, principle, constitutional law, dismissal of the case.

Презумпция невиновности относится к числу широко признаваемых положений, имеющих фундаментальный характер: каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49 Конституции РФ).

Это конституционно-правовое положение имеет непосредственное уголовно-процессуальное выражение и почти дословно воспроизводится в ст. 14 УПК РФ [1, с. 75-105; 3, с. 229-232; и др.]. Общий смысл данного положения заключается в недопустимости отождествления государством и обществом обвиняемого (подозреваемого) лица с преступником [10, с. 148; 13, с. 47-48; и др.]. Однако речь идет не только об обвиняемом. Судебная защита прав и свобод гарантирована каждому (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Никто (ни один человек вне зависимости от его статуса) не может быть лишен права на рассмотрение его дела в суде (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ), а также быть признанным виновным в совершении преступления и подвергнуться уголовному наказанию иначе как по приговору суда (ч. 2 ст. 8 УПК РФ). Именно поэтому каждый (а не только обвиняемый) имеет право на такое отно-

шение к себе со стороны государства и общества (организаций, учреждений, их представителей), которое не было бы равнозначным возложению на него уголовной ответственности [8, с. 239-241; 12, с. 236-238; и др.]. Лицо могут официально подозревать в совершении преступления (задерживать, возбуждать уголовное дела, избирать меру пресечения), утверждать, что оно совершило преступление (привлекать в качестве обвиняемого, составлять обвинительное постановление, обвинительный акт или обвинительное заключение, выдвигать и поддерживать обвинение перед судом), но не могут считать его виновным в уголовно-правовом смысле, то есть относиться к нему как к преступнику. Право государства на подобное отношение доказывается на протяжении всего производства по уголовному делу, провозглашается в приговоре суда и реализуется после вступления его в законную силу. Иначе говоря, лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, объективно невиновно до тех пор, пока иное не будет установлено приговором суда (ч. 1 ст. 14 УПК). Поэтому оно может (и должно) претерпевать лишь уголовно-процессуальные последствия своего положения, которые не могут быть сопоставимы по степени тяжести с уголовным наказанием [6]. Отсюда следует распространенная в юридической литературе характеристика презумпции невиновности как объективного правового положения: обвиняемый считается, а не предполагается невиновным [11, с. 93; и др.]. Только по приговору суда, вступившему в законную силу, к нему можно будет относиться как к преступнику, то есть ограничить его общеправовой гражданский статус, частью которого является право на презумпцию невиновности.

Вот почему никакое иное процессуальное решение, кроме приговора суда, в котором делается вывод о виновности конкретного лица, не может служить основанием для каких-либо правоограничений обвиняемого (опровергнуть презумпцию невиновности) [1, с. 85-88; 4, с. 299-300; и др.], вне зависимости от степени доказанности этого вывода (законности, обоснованности и мотивированности решения).

Сказанное относится и к такому решению как постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по не реабилитирующему основанию.

Постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по не реабилитирующему основанию содержит вывод о виновности лица в совершении преступления. Оно может быть вынесено до рассмотрения дела судом по существу в стадии предварительного расследования (ст. 212 УПК РФ) или на предварительном слушании (239 УПК РФ). При этом его вынесение имеет целью освобождение от

уголовной ответственности до и без постановления приговора (ст. 75, 76, 76¹, 76², 78, 84, 90 УК РФ) [2, с. 234-246, 266-267, 275-276]. Другими словами, установление виновности обвиняемого в этом случае выступает в качестве необходимой предпосылки решения двух вопросов: о завершении производства по делу и/или уголовного преследования конкретного лица, а также об его освобождении от уголовной ответственности. Для достижения первой цели требуется подтверждение виновности лица в совершении преступления, для достижения второй – установление специфических обстоятельств, свидетельствующих о позитивном посткриминальном поведении обвиняемого, утрате им общественной опасности и т.п. Совершенно очевидно, что при назначении наказания подобного рода обстоятельства учитываются судом и выводы об их наличии должны быть мотивированы в приговоре (п. 4 ст. 307 УПК РФ). Более того, суд может назначить наказание и освободить от его отбывания или вообще постановить обвинительный приговор без назначения наказания (п. 2, 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ). Причем в первом случае (п. 1 ч. 6 ст. 302 УПК РФ) речь идет об издании акта амнистии, освобождающего от применения уже назначенного наказания, а во втором (ч. 8 ст. 302 УПК РФ) – об обнаружении в ходе судебного разбирательства оснований прекращения дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (истечение сроков давности уголовного преследования) и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (вследствие акта амнистии). Однако (даже при идеальном совпадении оснований) здесь не может быть и речи о приравнивании выводов о виновности в приговоре суда с выводами о виновности в постановлении о прекращении дела. Как указал Конституционный Суд РФ, «решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, который устанавливает виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации» [5]. Дело заключается в том, что в отличие от приговора, фактом вынесения постановления о прекращении дела лицо не осуждается от имени государства за совершение преступления (не имеет судимости в смысле ст. 86 УК РФ), не ограничивается в свободе выбора профессии (не может быть уволенным со службы или лишен права заниматься определенным видом деятельности либо подвергнуться иным ограничениям). Единственное право, которого он лишен – это право на реабилитацию (ст. 133 УПК РФ) [9, С. 89-90]. Ведь в конституционно-правовом смысле такое лицо может считаться лишь привлекавшимся к участию в уголовном судопроизводстве на соответствующей стадии ввиду движения против него подозрения или обвинения [7].

Значит, постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по не реабилитирующему основанию, не ограничивает действия презумпции невиновности, то есть не может в принципе влечь за собой каких-либо негативных последствий в смысле, вытекающем из ст. 49 Конституции РФ.

Конечно, очевидно, что постановление о прекращении уголовного дела само по себе не порождает (не вызывает, не предполагает) наложения на обвиняемого санкций, равных по силе (соразмерных) уголовно-правовым. Более того, отсюда следует, что не только обвинительные выводы, но и обосновывающие их доказательства (какими бы убедительными они не были), не могут быть положены в основу какого-либо правоограничительного решения без их исследования в уголовном суде.

Вместе с тем, сделанный нами вывод не столь однозначен. Во всяком случае возникает ряд вопросов, требующих разъяснения или дополнительного пояснения:

1. подразумевает ли прекращение уголовного дела по не реабилитирующему основанию в отношении обвиняемого только лишь его освобождение от уголовной ответственности, не исключающее возложения на него других видов ответственности?

2. правомерно ли в таком случае говорить о привлечении, к примеру, к дисциплинарной ответственности за преступление, факт совершения которого констатирован в постановлении о прекращении уголовного дела?

3. будут ли доказательства данного факта иметь преюдициальное значение в дисциплинарном (или ином) производств и служить фактическим основанием для принятия итогового решения в нем?

4. правильно ли постановление прекращение уголовного дела по не реабилитирующему основанию считать юридическим основанием для возбуждения дисциплинарного производства?

5. возможно ли при вышеуказанных обстоятельствах наложение дисциплинарной санкции, соразмерной или даже более суровой, нежели уголовное наказание?

Сформулированные выше вопросы приобретают особо острое звучание в свете существующей в различных профессиональных сообществах (государственных и негосударственных) практики лишения права заниматься профессиональной деятельностью в связи с прекращением уголовных дел по не реабилитирующим основаниям.

Список использованных источников

1. Вилкова Т. Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы. М., 2023.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / ответственный редактор В. М. Лебедев. М., 2023.
3. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / Отв. ред. Ю. А. Дмитриев. М., 2007.
4. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М., 2021.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28101996-n/?ysclid=loleh59a1y348149019>
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06122011-n/?ysclid=lolecyqpf960468600>
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 3511 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision135892.pdf>
8. Принципы современного российского уголовного судопроизводства / Науч. ред. И. В. Смолькова; отв. ред. Р. В. Мазюк. М., 2015.
9. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный. М., 2007.
10. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Том I : Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968.
11. Уголовный процесс России: Общая часть / Под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004.
12. Уголовный процесс. Проблемные лекции / Под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013.
13. Уголовный процесс: учебник Ростов н/Д, 2015 / Под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова.

Станислав Владимирович Тетюев

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного процесса, криминалистики
и судебной экспертизы, Южно-Уральский
государственный университет

ДОПРОС ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВАХ: ЗНАЧЕНИЕ И НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию допроса эксперта по уголовным и гражданским делам как способа исследования (проверки) и оценки ранее данного им заключения. Проведен историко-правовой и сравнительно-правовой анализ процессуального законодательства, регламентирующего допрос эксперта в уголовном и гражданском судопроизводствах. Исходя из того, что целью допроса эксперта является разъяснение или дополнение его заключения, в статье предлагается уточнить цель данного действия в УПК РФ. Также автор приходит к выводам о том, что перед допросом эксперта необходимо предупреждать об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний; показания эксперта должны быть самостоятельным видом доказательств во всех видах судопроизводства.

Ключевые слова: судебная экспертиза, доказательства, заключение эксперта, допрос эксперта, показания эксперта.

Stanislav V. Tetyuev

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics
and Forensic Examination, South Ural State University

INTERROGATION OF AN EXPERT IN CRIMINAL AND CIVIL PROCEEDINGS: SIGNIFICANCE AND REGULATORY REGULATION

The article is devoted to the study of the interrogation of an expert in criminal and civil cases as a method of investigation (verification) and evaluation of the conclusion previously given by him. The historical-legal and comparative-legal analysis of the procedural legislation regulating the interrogation of an expert in criminal and civil proceedings is carried out. Based on the fact that the purpose of the expert's interrogation is to clarify or supplement his conclusion, the article proposes to clarify the purpose of this action in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author also comes to the conclusion that before questioning an expert, it is necessary to warn about criminal liability for giving deliberately false testimony; expert testimony should be an independent type of evidence in all types of legal proceedings.

Keywords: forensic examination, evidence, expert opinion, expert interrogation, expert testimony.

Общеизвестно, что судебная экспертиза по уголовному или гражданскому делу назначается в тех случаях, когда для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, необходимо проведение исследований с использованием специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Заключение эксперта, являясь самостоятельным доказательством, не имеет для суда заранее установленной силы, оно подлежит оценке наряду с иными собранными по делу доказательствами и при наличии оснований может быть отвергнуто судом.

Вопросы оценки заключения эксперта достаточно подробно освещены в юридической литературе [1, с. 51-57; 2, с. 186-195; 3, с. 337-378; 7, с. 206-208].

В уголовном судопроизводстве одним из способов исследования заключения эксперта, способствующих его правильной оценке, является допрос эксперта, который проводил судебную экспертизу. Из положений ст. 205, 282 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) следует, что допрос эксперта возможен только после завершения экспертизы и представления заключения эксперта лицу (органу), ее назначившему. В п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» дополнительно подчеркивается, что замена производства экспертизы, если имеются основания для ее производства, допросом эксперта не допускается.

В соответствии с УПК РФ допрос эксперта является самостоятельным следственным (судебным) действием, посредством которого собираются показания эксперта. Данный вид доказательств впервые появился в системе доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве с 1 июля 2002 г., в то время как предложения о расширении перечня доказательств за счет показаний эксперта высказывались еще в науке советского уголовно-процессуального права [4, с. 42].

Согласно ч. 2 ст. 80 УПК РФ показания эксперта – это сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения. Следовательно, предмет показаний эксперта произведен от проведенного им исследования. Вместе с тем в ч. 2 ст. 205 УПК РФ содержится запрет на допрос эксперта по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной судебной экспертизы. Представляется, что такое

ограничение предмета допроса эксперта обусловлено недопустимостью подмены судебной экспертизы допросом эксперта.

В ч. 1 ст. 205 УПК РФ, регламентирующей допрос эксперта в судебном производстве, его цель обозначена как разъяснение заключения (без уточнения), а в силу ч. 1 ст. 282 УПК РФ допрос эксперта в суде проводится для разъяснения или дополнения заключения, данного им в ходе предварительного расследования. Анализ положений ст. 282 и ч. 3, 4 ст. 283 УПК РФ позволяет заключить, что допрос эксперта допускается и после проведения экспертизы, которая была назначена судом. Однако почему законодатель по-разному (используя различную терминологию) определяет цель допроса эксперта в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, на которой он проводится (следуя букве закона в суде допрашиваемый эксперт может дополнить свое заключение, в стадии предварительного расследования – нет), нам остается лишь догадываться, и где та тонкая грань между правом эксперта дополнить заключение и обязанностью суда назначить дополнительную экспертизу?

Цель допроса эксперта необходимо определять исходя из оснований назначения дополнительной и повторной экспертиз (ст. 207, ч. 4 ст. 283 УПК РФ), а также разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, изложенных в п. 13-15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Представляется, что допрос эксперта может быть проведен для устранения недостаточной ясности (то есть для разъяснения) его заключения либо для преодоления сомнений в обоснованности заключения эксперта или противоречий в выводах нескольких экспертов, то есть для дополнения заключения. Очевидно, что восполнить неполноту заключения эксперта, не содержащего, например, ответ на один из вопросов, поставленных перед экспертом следователем или судом, посредством допроса эксперта нельзя, как и нельзя получить от эксперта ответ на новый вопрос в отношении ранее исследованных объектов без назначения дополнительной экспертизы. С учетом сказанного в ч. 2 ст. 80 и ч. 1 ст. 205 УПК РФ необходимо уточнить цель допроса эксперта – для разъяснения или дополнения данного им заключения (по аналогии с ч. 1 ст. 282 УПК РФ).

Тем не менее следует признать, что современная регламентация допроса эксперта в уголовном процессе по сравнению с кодифицированными актами второй половины XIX – XX вв. претерпела существенные улучшения.

Так, ст. 695 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. закрепляла, что после представления сведущими людьми заключений им с разрешения председателя могут быть предложены вопросы как судьями и присяжными заседателями, так и сторонами. Указаний на проведение допроса в этом случае Устав не содержал.

В ст. 64 Декрета ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» упоминался допрос экспертов в суде, но конкретная его регламентация отсутствовала.

УПК РСФСР 1922 г., УПК РСФСР 1923 г. и УПК РСФСР 1960 г. предусматривали допрос эксперта, однако его показания не относили к числу доказательств по уголовному делу. В частности, согласно ст. 192, 289 УПК РСФСР 1960 г. эксперт мог быть допрошен следователем или судом для разъяснения и дополнения своего заключения. Согласно ст. 264 УПК РСФСР 1960 г. в протоколе судебного заседания подлежали указанию вопросы, заданные эксперту, и его ответы. При этом в ст. 69 данного кодекса «Доказательства» показания эксперта не назывались, в ст. 87 «Протоколы следственных и судебных действий» допрос эксперта не упоминался, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний эксперт не предупреждался, поскольку уголовным законодательством запрещалось лишь заведомо ложное заключение эксперта, вследствие чего возникал вопрос о допустимости и достоверности показаний эксперта. Вероятно, поэтому (ввиду несовершенства правового регулирования) в науке уголовного процесса высказывалось мнение о том, что показания эксперта являются дополнением, продолжением его заключения, выступают как его составная часть [5, с. 46-47].

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ввел уголовную ответственность за заведомо ложные показания эксперта, однако в ст. 57 УПК РФ до сих пор отсутствуют нормы о том, что эксперт не вправе давать заведомо ложные показания и несет ответственность за дачу таких показаний. К указанной статье отсылает и ст. 269 УПК РФ, которая возлагает на председательствующего в подготовительной части судебного заседания разъяснение эксперту его прав и ответственности. Буквальное толкование положений УПК РФ позволяет заключить, что при допросе в ходе судебного следствия эксперт не несет ответственность за дачу заведомо ложных показаний. Но разве это допустимо? Ответ очевиден. Предупреждение эксперта об уголов-

ной ответственности за дачу заведомо ложных показаний – одна из гарантий достоверности данного доказательства.

Несмотря на обозначенные недостатки ст. 57 УПК РФ, надо признать, что нормы, регламентирующие досудебное производство, позволяют предупреждать эксперта об уголовной ответственности по ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в полном объеме, а не только за дачу заведомо ложного заключения, как указано в ч. 5 ст. 57 УПК РФ. Прежде всего речь идет о ст. 164 УПК РФ, закрепившей общие правила производства следственных действий: если в производстве следственного действия участвует эксперт, то он предупреждается об ответственности, предусмотренной ст. 307 УК РФ.

Менее повезло допросу эксперта в гражданском судопроизводстве и других видах юридического процесса, относящихся к цивилистическому типу (арбитражное, административное судопроизводства).

Статья 158 ГПК РСФСР 1923 г. закрепляла право суда потребовать от эксперта дополнительных объяснений в случае необходимости дополнить исследование или разъяснить его заключение. Аналогичные нормы содержались в ст. 526 Устава гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. Разъяснение и дополнение заключения эксперта посредством его допроса предусматривал ГПК РСФСР 1964 г. (ст. 180), не наделяя показания эксперта статусом самостоятельного доказательства. Таким образом, регламентация допроса эксперта в уголовном и гражданском судопроизводствах во второй половине XIX – XX вв. принципиально ничем не отличалась.

Однако если для УПК РФ характерно усовершенствование правового регулирования допроса эксперта (пусть и при наличии отмеченных выше недостатков), то с принятием ГПК РФ ситуация не улучшилась.

Согласно ч. 1 ст. 187 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) в целях разъяснения и дополнения заключения эксперту могут быть заданы вопросы. Первым задает вопросы лицо, по заявлению которого назначена экспертиза, его представитель, а затем задают вопросы другие лица, участвующие в деле, их представители. В случае, если экспертиза назначена по инициативе суда, первым задает вопросы эксперту истец, его представитель. Судьи вправе задавать вопросы эксперту в любой момент его допроса.

Содержащаяся в ГПК РСФСР 1964 г. ст. 180 «Допрос экспертов» трансформировалась в ст. 187 ГПК РФ «Исследование заключения эксперта. Назначение дополнительной или повторной экспертизы», в

которой процессуальная форма получения ответов эксперта на вопросы сторон и суда (допрос) как бы отошла на второй план.

Показания эксперта в числе доказательств по гражданскому делу в ч. 1 ст. 55, ч. 1 ст. 157 ГПК РФ, в отличие от УПК РФ, не названы, однако в протоколе судебного заседания должны быть указаны разъяснения экспертами своих заключений (наряду с показаниями свидетелей, консультациями и пояснениями специалистов) (п. 9 ч. 1 ст. 229 ГПК РФ).

Аналогичная ситуация наблюдается в административном судопроизводстве (ст. 59, ч. 7 ст. 82, ч. 1 ст. 168, п. 11 ч. 3 ст. 205 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)).

Согласно ч. 3 ст. 86 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) эксперт после оглашения его заключения вправе дать по нему необходимые пояснения, а также обязан ответить на дополнительные вопросы лиц, участвующих в деле, и суда. Ответы эксперта на дополнительные вопросы заносятся в протокол судебного заседания. Указание на то, что эксперт в арбитражном процессе дает пояснения и отвечает на вопросы по данному им заключению в рамках допроса, в АПК РФ отсутствует. Пояснения эксперта к доказательствам также не отнесены (ч. 2 ст. 64 АПК РФ).

ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ не предусматривают предупреждение эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (пояснений, разъяснений). Поэтому суды при исследовании заключения эксперта с его участием вынуждены повторно предупреждать эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

С учетом изложенного в науке господствует мнение о том, что показания эксперта в гражданском и арбитражном судопроизводствах (да и в административном тоже) «являются как бы продолжением заключения и поэтому имеют доказательственное значение» [6, с. 324].

Однако согласно ч. 1 ст. 86 ГПК РФ, ч. 1 ст. 86 АПК РФ, ч. 1 ст. 82 КАС РФ заключение дается в письменной форме (в административном судопроизводстве также предусмотрена возможность дачи устного заключения, если экспертиза проводится в судебном заседании), и считать разъяснение заключения, ответы эксперта на вопросы суда и сторон по проведенному исследованию составной частью письменного заключения эксперта вряд ли правильно. Мы согласны с Ю.К. Орловым, применительно к уголовному процессу полагавшим, что допрос эксперта не может быть продолжением экспертизы, поскольку он осу-

ществляется в другой процессуальной форме; «показания эксперта не обязательно являются лишь комментарием заключения, его разъяснением, они могут устанавливать новые факты, имеющие самостоятельное доказательственное значение» [4, с. 41].

Таким образом, ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ необходимо дополнить нормами о допросе эксперта (по аналогии со ст. 180 ГПК РСФСР 1964 г.) и признании показаний эксперта доказательством по делу.

Кроме того, в УПК РФ наряду с вышеуказанными кодексами в целях совершенствования процессуального положения эксперта следует предусмотреть, что эксперт несет ответственность за дачу заведомо ложных показаний в соответствии со ст. 307 УК РФ. Указанные меры будут способствовать обеспечению допустимости и достоверности показаний эксперта. Несмотря на то, что данное доказательство по сути производно от заключения эксперта, но его показания должны являться самостоятельным видом доказательств во всех видах судопроизводства, подлежит обсуждению также вопрос о расширении перечня вновь открывшихся обстоятельств, влекущих возобновление производства по делу, за счет установленной вступившим в законную силу приговором суда заведомой ложности не только заключения эксперта, но и его показаний (п. 1 ч. 3 ст. 413 УПК РФ, п. 2 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ, п. 2 ч. 2 ст. 350 КАС РФ, п. 2 ч. 2 ст. 311 АПК РФ).

Разумеется, допросы экспертов не требуется проводить для исследования и оценки всех данных ими заключений. Какое-либо значение формальный допрос будет иметь едва ли. Однако при наличии оснований для назначения дополнительной или повторной экспертизы допрос эксперта, по заключению которого у суда и/или сторон возникли вопросы и сомнения, крайне желателен, а в уголовном процессе в некоторых случаях необходим. Приведем пример из судебной практики в период действия УПК РСФСР 1960 г. Определением суда Ханты-Мансийского автономного округа от 27 февраля 2002 г. по ходатайству государственного обвинителя была назначена дополнительная стационарная судебно-психиатрическая экспертиза Х. По жалобе его защитника Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила определение и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав в числе нарушений уголовно-процессуального закона на то, что суд, назначивший дополнительную экспертизу, не вызвал в судебное заседание эксперта, проводившего первичную экспертизу, не иссле-

довал с его участием заключение эксперта (определение Верховного Суда РФ от 14 июня 2002 г. № 69-о02-30).

Данный пример актуален и в настоящее время, поскольку согласно ч. 4 ст. 283 УПК РФ суд назначает повторную либо дополнительную судебную экспертизу при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов; при недостаточной ясности заключения эксперта допускается назначение дополнительной экспертизы, если эти недостатки невозможно устранить путем допроса в судебном заседании эксперта, производившего экспертизу (п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»). Значит, перед назначением новой экспертизы по уголовному делу в отдельных случаях обязательен допрос эксперта. При этом не стоит забывать про процессуальную экономию и не назначать последующие экспертизы в тех случаях, когда вполне достаточно допроса эксперта, как и не допрашивать его при наличии «безусловных» оснований для проведения повторной экспертизы (например, в случае нарушения процессуальных прав участников судебного разбирательства при назначении экспертизы, которые повлияли или могли повлиять на содержание выводов экспертов).

Посредством допроса эксперта могут быть устранены допущенные в его заключении опiski. Как показывает практика, в таких случаях возможно приобщение к делу исправленного заключения эксперта по завершении его допроса в судебном заседании.

Допрос эксперта не допускается вместо производства дополнительной или повторной экспертизы, для назначения которой имеются основания (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»).

Подтвердим сказанное показательным примером из судебной практики. По уголовному делу в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, была проведена судебно-медицинская экспертиза тяжести вреда здоровью, причиненного потерпевшей К. Эксперт в своем заключении сделал вывод о том, что имеющаяся у потерпевшей травма относится к повреждениям, причиняющим тяжкий вред здоровью. Между тем, сделав вывод о характере и тяжести причиненных потерпевшей телесных повреждений, эксперт в нарушение п. 9, 10 ч. 1 ст. 204 УПК РФ в исследовательской части заключения не указал примененные им методы, научно

обоснованные методики и не отразил содержание, ход и результаты исследований по данному вопросу, что лишило суд возможность проверить сделанные экспертом выводы. Исходя из отсутствия указания экспертом в заключении конкретных критериев, на основании которых им был сделан вывод о причинении потерпевшей тяжкого вреда здоровью, в суде апелляционной инстанции на допрос был вызван эксперт, давший вместо разъяснения заключения подробные показания относительно методик, медицинских критериев и иных клинических признаков, руководствуясь которыми он сделал вывод о наличии у потерпевшей тяжких телесных повреждений и которые отсутствовали в исследовательской части его заключения. Суд апелляционной инстанции, ссылаясь на показания эксперта, отказал в удовлетворении ходатайства стороны защиты о проведении повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы, которая бы в полной мере устранила сомнения в обоснованности заключения эксперта и отразила бы медицинские критерии и основания для определения тяжести вреда здоровью потерпевшей. Однако кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 марта 2022 г. № 7-УД22-1-К2 состоявшиеся по делу судебные акты были отменены с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. При этом Верховный Суд РФ отметил: из заключения эксперта должно быть понятно, как получены и на чем основываются сделанные экспертом выводы, а также должна быть понятна примененная им методика, приведенные в заключении эксперта научно обоснованные методики исследования не должны вызывать никаких сомнений у суда при разрешении уголовного дела.

В заключение подведем итоги. Допрос эксперта – это способ исследования (проверки) и оценки ранее данного им заключения; в определенных случаях без допроса эксперта нельзя назначить дополнительную или повторную судебную экспертизу. Допрос эксперта не может заменить собой первичную, дополнительную и повторную экспертизы, если для их назначения имеются основания. Целью допроса эксперта является разъяснение или дополнение его заключения, в связи с чем следует привести в соответствие друг другу положения ч. 2 ст. 80, ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 282 УПК РФ (для унификации цели допроса эксперта). Перед допросом эксперта необходимо предупреждать об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Показания эксперта должны быть самостоятельным видом доказательств во всех видах судопроизводства.

Список использованных источников

1. Аминев Ф. Г. Судебная экспертиза: курс лекций. Уфа, 2008.
2. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: учебник. М., 2002.
3. Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России: монография. Челябинск, 2001.
4. Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе: учебное пособие. М., 1982.
5. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964.
6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2009.
7. Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 2004.

Александр Геннадьевич Трофимик

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юридический институт Сибирского федерального университета

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ И КАССАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ГЕРМАНИИ: КРАТКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В статье с использованием сравнительно-правовой методологии анализируются апелляционное и кассационное производства в уголовном процессе Германии с позиции эффективности моделей контрольно-проверочных стадий для выявления и исправления судебных ошибок. Рассмотрены порядки, в которых реализуются апелляционный пересмотр и кассационная проверка (in iure). Выявлены существенные особенности и различия апелляции и кассации в Германии, изложены цели, задачи и значение приведённых контрольно-проверочных производств в системе уголовного судопроизводства Германии.

Ключевые слова: апелляция, кассация, контрольно-проверочные стадии уголовного судопроизводства, судебное следствие, судебные ошибки, уголовный процесс Германии, доказывание в апелляции, новые доказательства, правосудие, пересмотр дела, устранение судебных ошибок.

A. G. Trofimik

Candidate of Legal Sciences,
Assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics,
Law Institute of the Siberian Federal University

APPEALS AND CASSATION IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS IN GERMANY: ANALYTICAL REVIEW

Using comparative legal methodology, the article analyzes the appeal and cassation proceedings in the German criminal process from the standpoint of the effectiveness of models of control and verification stages for identifying and correcting judicial errors. The procedures of the appeals and cassation are considered. The essential features and differences of the appeal and cassation in Germany are revealed, the goals, objectives and significance of the above control and verification proceedings in the German criminal justice system are outlined.

Keywords: appeal, cassation, control and verification stages of criminal proceedings, judicial investigation, judicial errors, German criminal process, evidence in an appeal, new evidence, justice, review of a case, elimination of judicial errors.

I. Апелляционное производство в Германии

Апелляционное производство в уголовном процессе Германии (Berufung) – это пересмотр приговоров суда первой инстанции по су-

шеству, оправданный необходимостью достижения истины по делу. Апелляция также именуется правовым средством защиты – *Rechtsmittel*.

Апелляционный суд в Германии является второй полной инстанцией по фактическим обстоятельствам (*zweite Tatsacheninstanz*) [1; 14, Rn. 29, 875; 24, § 323; Rn. 4]. Сказанное означает, что апелляция по терминологии уголовно-процессуального права ФРГ может быть направлена против приговоров участкового суда (AG) и рассмотрена *в правовом и фактическом отношениях*, то есть вопросам права и факта (*Tat- und Rechtsfrage*) [13, Rn. 433; 19, S. 220. Rn. 1203; 29, S. 462. Rn. 1]. По этой причине согласно § 323 III Уголовно-процессуального кодекса Германии (далее – StPO) в апелляции «новые доказательства допустимы» [32; 33, с. 78-79]. Ограничения по представлению и исследованию новых доказательств в законе не установлены.

По поводу регулирования, предусмотренного § 323 III StPO, в научно-практических комментариях отмечается, что, поскольку апелляция имеет статус второй инстанции по фактическим обстоятельствам, *исследование новых доказательств составляет одну из существенных задач апелляционного производства*. Без этого положения теряется эффект дополнительной гарантии апелляционного решения.

Как способ обжалования апелляция обладает суспензивным (отлагательным) и девальвативным эффектами [11, s. 373. Rn. 841; 20, S. 653. Rn. 1015; 19, s. 220. Rn. 1201-1202].

Законодательным отражением девальвативного эффекта можно считать § 312 StPO. Согласно названному параграфу, *приговоры участкового суда (Amtsgericht) подлежат апелляционному обжалованию в вышестоящем суде*.

В силу дословного текста § 312 StPO апелляция допустима в отношении приговоров судьи по уголовным делам (*Strafrichter*), вынесенных единолично, или приговоров суда шёффенов (то есть коллегии участкового суда, состоящей из одного профессионального судьи и двух судебных заседателей). Из приведённого вытекает также следующее: 1) обжалованию подлежат только приговоры; 2) приговор, должен быть вынесен участковым судом.

Решение в форме апелляционного приговора по апелляционной жалобе принимает окружной суд (§ 74 III GVG) или дословно «суд земли» (*Landgericht*). Уполномочены в этом отношении Малая палата по уголовным делам, которая состоит из апелляционного судьи и двух шёффенов (§ 76 GVG) [10]. В отдельных случаях состав малой палаты

по уголовным делам окружного суда может быть расширен – расширенная коллегия суда.

Примечательным является то, что для некоторой категории дел апелляционное обжалование не предусмотрено. Так, в отношении приговоров окружного суда (а именно: большой палаты по уголовным делам, а также суда присяжных) или Верховного суда земли (OLG) не закреплено такого средства защиты как апелляция. Иными словами, возможность апелляционного обжалования по отдельным делам полностью отсутствует: они могут быть обжалованы только в кассации.

Средства защиты, включая апелляцию, могут быть использованы, когда кто-либо, особенно это касается подсудимого, претерпел на себе негативные правовые последствия. То есть процессуальное решение, действие или бездействие посягнули на права, свободы или законные интересы. В этих случаях, используя терминологию уголовно-процессуального права Германии, наличествует – *Beschwer* (вред, ущерб) [29, s. 455. Rn. 11].

Для прокуратуры в Германии действуют следующие руководящие положения. Она как беспристрастный субъект, не отстаивающий позицию ни одной из сторон (*unparteiisch*), кроме как надзора за исполнением закона и соблюдением Конституции Германии (GG), в каждом случае нарушения [закона], считается «затронутой в правах». Поэтому и в случае несправедливого оправдания, и в случае незаконного осуждения, назначения неправильного или чрезмерно сурового наказания она обязана заявить апелляцию [29, s. 455-456. Rn. 12-13]. Наличие негативных правовых последствий определяется только на основе резолютивной части приговора.

Уполномоченными на подачу жалобы лицами являются подсудимый, явно выразивший на это свою волю, его защитник или иной законный представитель. В отдельных случаях представители обвиняемого (подсудимого) вправе обжаловать решение суда помимо или вопреки воле подсудимого [9, s. 1594-1596. Rn. 11-15]. К другим лицам, обладающим правом обжалования относятся частный обвинитель и прокуратура. В § 296 II StPO специально подчёркивается, что прокуратура вправе обращаться в суд для защиты подсудимого на любых стадиях процесса.

Адресатом правового средства защиты в каждом случае является суд, вынесший решение (*ius iudex a quo*), в который и направляется жалоба.

Независимо от вида апелляции срок для реализации права на апелляционное обжалование составляет всего семь дней. Течение сро-

ка начинается с момента провозглашения приговора. Если осуждённый не присутствовал при этом, то срок начинает течь с момента вручения приговора.

Срок для обжалования не может быть продлён. При этом закон не исключает возможности его восстановления.

Уголовно-процессуальный закон определяет, что апелляция приносится *путём направления в письменной форме или занесения её в протокол канцелярии суда.*

Обоснование апелляционной жалобы не является обязательным. От использования этого права зависит объем исследования. Если апелляционная жалоба содержит основания для отмены приговора суда первой инстанции, считается, что приговор оспорен в соответствующей части при наличии для этого правовой возможности разделения обжалуемых и не обжалуемых частей [27, s. 806. Rn. 2]. Если же обоснование отсутствует, то приговор первой инстанции считается оспоренным полностью по § 318 StPO.

Возможность не обосновывать свою жалобу есть только у подсудимого и его защитника [23, s. 1276. Rn. 1]. Прокуратура в силу ст. 156 RiStBV в каждом случае обращения обязана изложить надлежащее обоснование.

Таким образом, апелляционное производство есть использование выработанного уголовно-процессуального механизма рассмотрения дела судом первой инстанции. Поэтому от того, насколько эффективно работает процессуальная форма в первой инстанции, какие качества и характеристики ей заданы законодателем, тем эффективнее должно быть повторное рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу в рамках апелляционного производства, если оно аналогично производству в судей первой инстанции.

Судебное разбирательство суда апелляционной инстанции открывается объявлением, какое уголовное дело подлежит рассмотрению [23, S. 1276. Rn. 1]. После чего устанавливается явка. Явившимся разъясняются их права по § 57 StPO. Затем свидетели покидают зал.

Судьи суда апелляционной инстанции вправе уточнить, какие цели преследует заявитель, если это необходимо.

В отсутствие свидетелей судьи излагает доклад о результатах судопроизводства в суде первой инстанции. При этом должен быть зачитан приговор, если это может иметь значение для апелляционного рассмотрения уголовного дела.

Приговор германского суда несколько отличается от российского как структурно, так и содержательно. В Германии приговоры ха-

рактируются преимущественно лаконичностью изложения в сравнении с российскими и визуально более четкой структурой. Так, выделяется такой элемент приговора, как основания приговора (Urteilsgründe), аналогичный мотивировочной части российского приговора.

Основания приговора могут не зачитываться полностью или в части, если прокуратура, защитник и подсудимый от этого отказываются.

Правовое регулирование изложения доклада судьей и оглашения приговора на практике привело, как ни странно, к проблемам. Так, отдельными юристами поднимался вопрос о том, может ли доклад судьи, включающий также элементы приговора суда первой инстанции, иметь доказательственное или иное схожее значение как дополнительный письменный материал особого рода.

Только после выступления судьи-докладчика начинается судебное следствие. Согласно тексту § 324 II StPO первым проводится допрос подсудимого, а затем происходит исследование доказательств.

Судебное следствие, оценка доказательств осуществляются полностью заново за исключением отдельных послаблений, исключений. Например, это может касаться допроса свидетелей. Допускается оглашение их предыдущих показаний без вызова в суд. При этом приглашение допрошенных ранее свидетелей и экспертов в судебное заседание суда апелляционной инстанции только тогда может быть оставлено без внимания, когда очевидно, что повторный допрос не приведет к разъяснению установленных или выяснению новых обстоятельств дела. Вместе с этим, если свидетель, а тем более свидетель защиты, явился в судебное заседание суда апелляционной инстанции, он должен быть допрошен.

Приглашение допрошенных в первой инстанции свидетелей и экспертов может быть не осуществлено только тогда, когда повторный допрос не представляется необходимым для разъяснения обстоятельств дела. Иными словами, по общему правилу предполагается вызов свидетелей в апелляцию для их допроса, так как суд должен непосредственно исследовать все доказательства.

При исследовании и оценке доказательств § 244 II StPO (принцип материальной истины) действует в апелляции без каких-либо ограничений. На любой этап апелляционного производства также распространяется § 261 StPO о свободной судебской оценке доказательств, основанной на полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела. Примечательно, что в случае отступления от

приведённых правовых позиций, приговор содержит основания для отмены или изменения.

Окончание судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции претворяют заключительные речи (прения или Plädoyer). На этом этапе могут быть заявлены и ходатайства как защитой, так и обвинением по § 326 I StPO.

Если ходатайств нет, первым с заключительной речью выступает лицо, направившее апелляцию. Подсудимому предоставляется последнее слово.

Хотя прения являются неотъемлемым элементом процессуальной формы, нарушение законоположения § 326 I StPO, регулирующего этот аспект, не является подлежащим обжалованию (irreversible) [23, s. 1295].

Пересмотру судом подлежит приговор, в той мере какой он обжалуется. Это устанавливает § 327 StPO. Норму можно прочитать иначе: приговор подлежит проверке (Prüfung) постольку, поскольку он оспорен.

Пределы рассмотрения дела апелляционным судом могут быть установлены по § 318 StPO, только если это следует из апелляционной жалобы. Существенное отличие от кассации (ревизии) состоит в том, что проверяются не только правовые ошибки (Rechtsfehler), но и всё произошедшее рассматривается в фактическом и правовом отношениях [11, s. 383. Rn. 864].

В соответствии с § 318 StPO апелляция может быть ограничена только в силу отдельных оснований жалобы. Если их нет или полностью отсутствует обоснование, считается, что оспаривается всё содержание приговора.

Для целей частичного обжалования в Германии разработана теория разграничения доводов на те, которые могут быть рассмотрены обособленно и те, которые влекут обжалование всего приговора [1, S. 790-794; 29, s. 456-457. Rn. 15-18].

Основания для отмены или изменения приговора суда первой инстанции не закреплены в законе [17, § 328: Rn. 1-3]. Поэтому по общему правилу апелляционное производство завершается вынесением приговора. Согласно § 328 I StPO в той мере какой апелляция признана обоснованной, апелляционный суд, отменяет приговор по делу и выносит новый.

II. Кассационное производство в Германии

Кассация или ревизия (Revision) в Германии регулируется §§ 333-358 StPO. Также как и апелляция, она является *ординарным* пра-

вовым средством защиты, обладающим суспензивным и девальютивным эффектами [16, s. 27-29; 18, s. 1-11; 5, s. 585-593; 28, Rn. 2080; 24, § 333: Rn. 1].

Для кассации характерно *приостановление законной силы приговора нижестоящего суда*. В силу уголовно-процессуального закона Германии по § 343 StPO посредством своевременного принесения кассации законная сила приговора приостанавливается в той мере, какой он обжалован.

Правовое регулирование приостановления законной силы объясняется как историческим генезисом института, так в целом представлениями об обжаловании.

Логика при этом соблюдается следующая: если лицо оспаривает судебный акт, то заявитель жалобы не должен претерпевать на себе негативные правовые последствия, поскольку до момента пересмотра или проверки судебного постановления вышестоящими судами, сохраняется вероятность ошибочности принятого акта правоприменения.

Законодательное отражение применимости кассации в качестве средства защиты по уголовным делам содержится в § 333 StPO, согласно которому она установлена в отношении приговоров обеих уголовных палат (Strafkammern) и суда присяжных (Schwurgericht), а также в равной мере в отношении вынесенных Верховными судами земель (Oberlandsgericht) в качестве судов первой инстанции приговоров.

Соответственно, подлежат кассационному обжалованию следующие судебные постановления:

- 1) приговор Верховного суда земли (рассмотревший дело в качестве суда первой инстанции);
- 2) приговор суда присяжных;
- 3) приговор Большой палаты по уголовным делам (рассмотревшей дело в качестве суда первой инстанции);
- 4) апелляционный приговор Малой палаты по уголовным делам;
- 5) приговоры участкового (уголовного) суда и суда шёффенов.

Могут быть обжалованы только приговоры указанных судов. Вместе с приговором обжалуются все вынесенные нижестоящими судами процессуальные решения. § 336 StPO содержит условие, при котором такие судебные постановления будут проверены. Рассмотрению кассационного суда подлежат решения, которые предшествовали приговору, если он на них основывается. Исключение составляют реше-

ния, прямо обозначенные как не подлежащие обжалованию или подлежащие оспариванию посредством принесения срочной жалобы.

Само нарушение прав или законных интересов, выраженное в резолютивной части приговора, как и в случае с апелляцией, должно быть допущено в отношении лица, подающего жалобу, что является общей предпосылкой для допустимости правового средства защиты [12, s. 25-30; 7, s. 17-19]. В силу чего оправданный не вправе подавать кассационную жалобу.

Приведённое правило не распространяется на прокуратуру. Она вправе обжаловать приговор в каждом случае нарушения закона [29, s. 455-456. Rn. 12-13].

Уполномоченными на подачу кассационной жалобы по смыслу уголовно-процессуального закона Германии являются § 296 StPO и последующим соответствующего раздела закона: осужденный, защитник, законный представитель, прокуратура, частный обвинитель и частный «сообвинитель» (потерпевший).

Система правовых средств защиты предоставляет заявителям жалобы широкую свободу выбора варианта обжалования. Механизм предполагает возможность принесения непосредственно как апелляции, так и кассации.

Для устранения потенциальной судебной ошибки правового характера (Rechtsfehler), включая безусловные основания для отмены, как правило, подается кассация. Если судебная ошибка связана с неправильным установлением фактических обстоятельств, то уместно апелляционное обжалование.

Без исчерпания средств защиты может быть заявлена кассация по выбору (Sprungrevision). В силу § 335 I StPO приговор, в отношении которого допустима апелляция, может быть обжалован непосредственно в суде кассационной инстанции [23, § 335: Rn. 1-14].

Подача кассационной жалобы допускается в семидневный срок со дня провозглашения или доставления приговора.

В силу § 341 I StPO кассационное обжалование должно быть заявлено в суд, приговор которого обжалуется, в течение одной недели после провозглашения приговора путём занесения в протокол, составляемый в канцелярии суда, или в письменной форме.

Соответственно, правовое регулирование формы и срока подачи апелляционной и кассационной жалоб в Германии одинаковое. Примечательно, что таким образом с провозглашения приговора одновременно начинают течь сразу два срока для принесения средства защиты.

Несоблюдение формальных требований к кассации влечет признание её недопустимой судом, вынесшим приговор [14, Rn. 923-924; 9, § 346: Rn. 7, 8; 27, § 346: Rn. 1, 2]. Содержательно на предмет соответствия законности на этом этапе поданные процессуальные документы не исследуются.

Причём поданная кассация может быть в апелляцию и наоборот. Заявитель сам определяет, какое производство ему необходимо – ограниченное или полное. Если средство защиты не поименовано, то по общему правилу должно быть открыто апелляционное производство. Апелляция имеет безусловный *приоритет* перед кассацией, поскольку гарантирует больше возможности воздействовать на процесс и не исключает в дальнейшем подачу кассационной жалобы. Если разными лицами поданы кассация и апелляция, то производство по делу будет апелляционным [28, Rn. 2104-2107].

Ограниченность предмета кассации правовыми вопросами определяет жесткие требования к кассационной жалобе в части её обоснования. Так, в соответствии с § 344 I StPO лицо должно обосновать свою жалобу и чётко выразить, в какой мере оно оспаривает приговор.

Из обоснования должно следовать, оспаривается ли приговор в силу нарушения процессуальной или другой нормы права. В случае нарушения процессуальных норм должны быть названы факты, указывающие на это [3 S. 977-983; 4, S. 691; 21, S. 719].

На практике механизм реализуется следующим образом. Сначала в течение семи дней направляется правовое средство защиты. Если заявитель решил выбрать кассацию для проверки приговора на предмет правовых ошибок, то с момента истечения срока для подачи средства защиты начинает течь новый срок, предоставляемый для подготовки надлежащего обоснования.

По § 345 I StPO кассационные ходатайства и их обоснование должны быть направлены в течение одного месяца после истечения срока для подачи правового средства защиты в суд, приговор которого оспаривается. Если к этому времени приговор не был вручен, течение срока начинается с момента вручения приговора.

Суд первой инстанции проверяет форму кассации и своевременность принесения. Если это не соблюдено, то решением (определением) она возвращается как недопустимая. После направления допустимой жалобы в кассационный суд, он ещё раз проверяет допустимость (§ 349 I StPO). Также решением (определением) кассационный

суд может возвратить жалобу как недопустимую без устного разбирательства.

В Германии есть два варианта дальнейшего течения кассационного производства после принятия жалобы.

Первый вариант осуществляется без рассмотрения в судебном заседании суда. Если кассационный суд установит несоответствие предписаний о подаче жалобы или о заявлении ревизионных ходатайств, то он может путем вынесения постановления объявить правовое средство защиты недопустимым (§ 349 StPO).

Постановление о недопустимости кассации выносится не единолично, а коллегиально в составе суда кассационной инстанции без проведения судебного заседания.

Кроме того, в Германии кассация в пользу подсудимого даже единогласно объявленная недопустимой, может быть поддержана или не поддержана прокуратурой по её обоснованному ходатайству. На практике, однако, такая гарантия прав заявителя жалобы не имеет реального действия. Соответственно, данный механизм перерос в формальность.

Второй вариант – это проведение основного судебного разбирательства. Подсудимый и его защитник извещаются о дате и времени проведения судебного заседания. Судебное разбирательство в кассации начинается с доклада одного из судей, ответственного за подготовку дела к заседанию. Затем заслушиваются речи прокуратуры и защиты, разрешаются заявленные ходатайства. Сначала слово предоставляется лицу, заявившему обжалование. У подсудимого есть право на последнее слово.

Предмет кассации и основания для кассационного обжалования сформулированы в § 337 StPO. Считается, что в этом параграфе отражается сущность кассации как средства защиты [24, § 333: Rn. 1-3, 66. § 337: Rn. 1-3; 7, s. 3-5; 12, s. 9-16; 16, s. 27, 28; 22, § 337: Rn. 1].

В силу § 337 I StPO кассация может быть обоснована лишь тем, что приговор *основывается на нарушении закона*. Это означает, что предмет кассации ограничивается проверкой законности вынесенного приговора *в обжалуемой части*.

Основанием для отмены или изменения приговора является допущенная судом правовая ошибка (Rechtsfehler) [26, s. 1.]. Для кассации выработана концепция правовых ошибок как кассационных оснований.

Считается, что правовая ошибка допущена судом в тех случаях, если норма права не применена или применена неверно. В доктрине

кратко это описывается формулировкой «вопросы права» [25, s. 387-402; 31, s. 299-320]. Именно поэтому разграничение вопросов права и факта является извечным вопросом, остающимся без четкого ответа для немецкой системы уголовного процесса [16, s. 19].

Ограничение по предмету оспаривания, по меткому выражению профессора Хамма, никогда не придавало кассации звание «народного средства» [12, Rn. 1]. Действительно, кассация исторически сформирована по типу сугубо юридической проверки, которой чуждо обыденное восприятие справедливости.

Суд кассационной инстанции осуществляет контроль за соблюдением принципа истины нижестоящими судами [8, s. 255-262; 15, s. 27-46].

Профессоры Роксин и Шунеманн полагают, что сформированная в законе современная модель кассации в большей степени должна гарантировать реалистичную правовую защиту. То есть такую, при которой суду кассационной инстанции для проверки предоставляется лишь неизменная с течением времени часть, позволяющая сформулировать обоснованные выводы. А поскольку вопросы факта в широком смысле всегда зависят от течения времени, кассационный суд отвечает только за проверку нарушений закона по § 337 StPO [29, s. 473. Rn. 8-10].

В действительности современная концепция кассации в её преломлении сквозь призму судебной практики несколько отошла от ранее действовавшего представления о границах юридической проверки приговора.

Модернизация классической немецкой кассации во многом связана с развитием дискуссии о целях кассационного производства и актуализацией гуманистических идей в праве.

Основы современной ревизии (кассации) Германии заложены еще в имперское время под влиянием французской модели кассации [12, Rn. 3-18; 29, s. 473. rn. 8-10; 16, s. 27-29].

Кассация (ревизия) в УПК Второго Рейха была концептуально построена в качестве крайне ограниченного правового средства [29, s. 471. Rn. 1]. Она должна была служить обеспечению дополнительной проверки приговора *in iure* (Nachprüfung).

Проверка по юридическим основаниям (*in iure*) предполагала, что положенные в основу приговора фактические обстоятельства считаются установленными и потому исследуются только на предмет допущенных нарушений процессуального и (или) материального права

на предмет неправильной квалификации [29, s. 473. nn. 8-10; 16, s. 27-29].

Казалось бы, при таком описании отличий от современной модели нет. Однако это представление было бы неправильным, поскольку ранее, если при правильной квалификации содеянного, исключалась и проверка назначения наказания в части его вида и размера, поскольку при отсутствии правовой ошибки суд вправе принимать решение по собственному усмотрению.

Законодательная направленность исторически легла в основу упомянутого § 337 StPO, являющегося центральным положением кассации.

Кассационное производство в противовес апелляции должно было по первоначальному замыслу представлять собой полностью купированный в части установления фактов процесс по *контролю за правоприменением* [28, Rn. 2085-2098].

После опубликования RStPO (УПК Германской империи) долгое время доминировала мысль, что лежащая в основе кассации цель видится в обеспечении единства судебной практики как основного вида правоприменения (*Rechtseinheitstheorie*) [16, s. 45].

В пользу такого понимания говорили следующие причины: для того чтобы преодолеть влияние партикулярного немецкого законодательства ранней эпохи становления правовой системы Германии, необходимо было создать условия для единообразного правоприменения, чему в свою очередь должен был способствовать Верховный суд. На этом поприще высший судебный орган должен был сыграть роль квази-законодателя.

На таком основании произросла идея кассации как контрольно-надзорного производства, гарантирующего единообразие судебной практики, основанной на непротиворечивом толковании и применении норм материального и процессуального права и в высшей степени обеспечивающего принцип правового государства [28, Rn. 2085-2098; 16, s. 46-55].

Концепция кассации, разделяемая судебной практикой времён Германского Рейха, хотя и была воспринята в современной Германии, всё же претерпела некоторые изменения в части отдельных возможностей вмешательства в вопросы факта. Например, согласно последним правовым позициям Верховного суда Германии введён контроль за убедительностью (мотивированностью и обоснованностью) установленных нижестоящим судом обстоятельств, осуществляемый путём

анализа мотивировочной части приговора и процессуальных документов [6, s. 57 und ff.].

Таким образом, для Германии исторически первой, фундаментальной целью кассации стало достижение правового единства и развития права (Rechtsfortbildung).

Идея о развитии права (Rechtsfortbildung) эксплицитно выражена в современном Законе «О судоустройстве». Согласно § 132 IV GVG Сенат (erkennende Senat) вправе поставить вопрос, имеющий основополагающее значение, для решения Большого Сената, если этот вопрос необходим для развития права и обеспечения единообразия судебной практики.

Однако с течением времени укрепилась идея о служении кассации интересам так называемой справедливости отдельного случая или выборочной справедливости (Einzelfallgerechtigkeit) [28, Rn. 2085-2098; 16, s. 43-48]. Эта идея нового времени по существу имманентна кассации, поскольку сама кассация как правовое средство защиты заключается в юридической проверке приговора хотя и осуществляемой на основе уже установленных фактических обстоятельств уголовного дела, но тем не менее способствующей выявлению судебных ошибок.

Развитие и укрепление позиции, согласно которой целью кассации в равной мере является справедливость, обусловлено актуализацией другого фундаментального течения в правовой эволюции всего человечества – защиты основных прав, свобод человека и гражданина.

Актуализация гуманистической идеи в праве расширила ряды сторонников теории справедливости отдельного случая. Поэтому до настоящего момента в Германии имеет место дискуссия о целях и значении кассации в системе уголовного процесса.

Как мы установили, одни учёные видят цель в поддержании *правового единства* (Rechtseinheit) и обеспечении развития права (Rechtsfortentwicklung), другие – в осуществлении справедливости для отдельного случая (Einzelfallgerechtigkeit).

Однако преобладающим мнением выступает теория объединения (Vereinigungstheorie), согласно которой целью кассации является комплексной (полицелевой характер), поэтому она объединяет обе названные позиции. Ведь в действительности одна позиция не противоречит другой. И обе цели в той или иной мере достигаются благодаря кассационному производству. Как заключает профессор Ранфт, кассация позволяет реализовать принцип правового государства, что в конечном счёте делает спор сторонников разных телеологических теорий несостоятельным [28, Rn. 2085-2098].

В основе вывода о дуализме целей кассации также лежит следующий постулат: если при конкретном фактическом составе высшими судами ранее уже установлено нарушение закона – *повторять правовую ошибку нижестоящим судам естественным образом не имеет смысла и противоречит правопорядку*: вынесенный судебный акт будет отменен. Это по итогу при разрешении уголовного дела с аналогичным фактическим составом служит в свою очередь эффективным барьером для потенциальных судебных ошибок даже несмотря на то, что технико-юридически кассационный инструментарий не позволяет вершить справедливость в чистом виде, как это происходит в апелляции.

Судебная практика высших судов в Германии имеет существенное значение для нижестоящих. Содержащиеся в решениях кассации правовые позиции подлежат обязательному соблюдению.

Тем не менее до сих пор дискуссия о целях не утихает, хотя серьёзного влияния на практику уже не оказывает. Дальнейшее обсуждение развивается в ключе определения того, каково действительное соотношение этих целей и как должен выглядеть их идеальный баланс.

Современная модель кассации, вобравшая в себя имперские постулаты о проверке законности (*in iure*), была развита Верховным судом Германии путём введения так называемого контроля за убедительностью (обоснованностью и мотивированностью) приговоров нижестоящих судов – *Plausibilitätskontrolle* [29, s. 473. rn. 10; 16, s. 46-55].

Актуальные правовые позиции органично дополнили классическое представление о кассации, не допустив при этом необоснованного расширения полномочий суда кассационной инстанции. Иными словами, современная кассация способна проверять соответствие выводов нижестоящего суда, изложенных в приговоре, обстоятельствам уголовного дела.

Например, суд по фактическим обстоятельствам не должен использовать возражения подсудимого для формирования внутреннего убеждения, если отсутствуют иные доказательства. Возражения должны быть проверены с позиции их аргументированности и убедительности, а уже потом встроены в общую картину фактических обстоятельств при постановлении приговора (BGH Beschluss vom 15. April 2010. 5 StR 75/10 (LG Berlin).

В дополнение к высказанной правовой позиции Сенат указал, что любой другой результат в рассматриваемом деле при правильной оценке доказательств кроме как установление умышленного поджога

попросту исключается логически. Однако, несмотря на очевидную ошибку суда первой инстанции в отношении установления фактических обстоятельств, оценка доказательств не входит в компетенцию кассационного суда, поэтому самостоятельно ревизия исправить ошибку не может.

В другом решении Верховный суд указал, что если косвенных доказательств не хватает для констатации объективной стороны преступления, то обвиняющие подсудимого выводы не могут основываться только устойчивом впечатлении судьи о том, что судья полностью убеждён. Если суд первой инстанции из множества возможных мотивов совершения преступления и субъективных представлений считает установленным именно то, которое обличает подсудимого, то такое установление не может быть основано на предположении. Обоснование в этом случае не может исчерпываться лишь простой ссылкой на правдоподобность (BGH Urteil vom 30. November 2005. 2 StR 557/04; BGH Beschluss vom 9. Oktober 2002. 2 StR 297/02).

Контроль возможен и в тех случаях, когда имеется множество отдельных разрозненных доказательств: недостаточно привести и рассмотреть каждое из них в отдельности. В большей степени необходимо дать им совокупную оценку, установив попутно наличие между доказательствами взаимосвязи, и построить полноценную картину произошедшего (BGH Urteil vom 12.09.2001. 2 StR 172/01).

Согласно другой правовой позиции Верховного Суда, оценка доказательств не в пользу подсудимого, осуществленная выборочно и не в полном объеме, также является ошибочной и подлежит исправлению судом по фактическим обстоятельствам (BGH Beschluss vom 07.06.2000. 3 StR 84/00).

Суд должен верифицируемо изложить, что убедительные, по его мнению, данные лица о соучастии подсудимого в совершении преступления находят своё подтверждение в силу других доказательств (BGH Beschluss vom 30.5.2000. 1 StR 610/99).

В силу используемого в судебной практике правила принцип «в случае сомнений – в пользу обвиняемого» (*in dubio pro reo*) относится не к отдельным доказательственным элементам, а применяется на заключительном этапе достижения внутреннего убеждения на основе всей доказательственной ситуации (BGH Beschluss vom 25.11.1998. 2 StR 496/98).

Требование к проверке соблюдения нижестоящими судами принципа истины относится и к исследованию письменных доказательств. Так, если содержание какого-либо документа имеет значение

для дела, он должен быть оглашён в судебном заседании (BGH Beschluss vom 13.4.1999. 1 StR 107/99).

Мотивировочная часть приговора должна позволять установить, что оценка доказательств основывается на прочном понятном и обозримом фактическом основании и что суд основывал свои выводы не на допущении или предположении (BGH Beschluss vom 15.9.1999. 2 StR 373/99).

Хотя суды кассационной инстанции в своей деятельности не руководствуются напрямую положениями §§ 244, 261 StPO о свободной оценке доказательств, основанной на полном, всестороннем, объективном исследовании и принципе истины, в кассации должно быть проверено их неукоснительное соблюдение нижестоящими судами.

Системное единство нормативного содержания § 244, 261 StPO формирует требование к качеству исследования обстоятельств в уголовном процессе на всех его стадиях (Erkenntnisverfahren). В этом, на наш взгляд, видится сущность контроля за обоснованностью, осуществляемого в кассационном производстве Германии.

Таким образом, кассация – это суспензивное и девальютивное ординарное правовое средство защиты, заключающееся в исключительно правовой проверке приговора, направленное на устранение правовых ошибок. Для кассационного производства разработана имеющая легальное отражение в УПК ФРГ концепция правовых ошибок (Rechtsfehler) как кассационных оснований.

В Германии кассация и апелляция сформированы на основе принципа разделения процессуальной работы и ответственности судов. Соответственно, суды первой и второй инстанций ответственны за рассмотрение дела по существу, а кассация ответственна за проверку законности.

Целями кассации в этой связи выступают достижение справедливости по отдельным делам, развитие права и обеспечение единообразия судебной практики. Последняя из обозначенных целей была исторически первой, что повлияло на формирование современной модели кассационного производства и определило его назначение.

По этой причине в Германии действует правило, по которому нижестоящие суды соблюдают правовые позиции, выработанные вышестоящими кассационными судами.

Современная модель немецкой кассации дополнена концепцией контроля за убедительностью (обоснованностью и мотивированностью) приговоров, во многом основанной на применении положений

§§ 244, 261 StPO, заключающейся в проверке соответствия выводов, изложенных в приговоре, обстоятельствам дела.

Список использованных источников

1. Altmann S. Die Teilanfechtung von Urteilen im Strafprozess // JuS. 2008.
2. Amelunxen C. Die Berufung in Strafsachen. 1982.
3. Barton S. Die Abgrenzung der Sach- von der Verfahrensrüge bei der klassischen und der erweiterten Revision in Strafsachen // Juristische Schulung. 2007.
4. Bick. Die Verfahrensrüge in der Revision in Strafsachen // Juristische Arbeitsblätter. 2001.
5. Bloy R. Die Ausgestaltung der Rechtsmittel im deutschen Strafprozessrecht // Juristische Schulung. 1986.
6. Dachs H. Die «Plausibilitätsrüge» / Hrsg. R. Michalke, W. Köberer, J. Pauly, Kirsch S. Festschrift für Rainer Hamm zum 65. Geburtstag am 24. Februar 2008. Berlin: de Walter Gruyter, 2008.
7. Dachs H. Die Revision im Strafprozess. 9. Aufl. C.H. Beck, 2017.
8. Geppert K. Amtsaufklärungspflicht (§ 244 Abs 2 StPO) und Aufklärungsrüge im Strafprozess // Jura. 2003.
9. Gercke/Julius/Temming/Zöllner. Strafprozeßordnung. C.F. Müller, 2019.
10. Gerichtsverfassungsgesetz in der letzten Fassung // BGBl.
11. Haller/Conzen. Das Strafverfahren. Eine systematische Darstellung mit Originalakten und Fallbeispielen. C.F. Müller, 2014.
12. Hamm R., Sarstedt W. Die Revision in Strafsachen. Walter de Gruyter Recht, 1998.
13. Heger M. Strafprozessrecht. 2013. Verlag W. Kohlhammer, 2013.
14. Hellmann U. Strafprozessrecht. Springer, 2006.
15. Herdegen G. Eingriffe des Revisionsgericht in die tatrichterlichen Beweiswürdigung. Nomos, 2000.
16. Karl C. Die Bedeutung der Abgrenzung von Tat und Rechtsfrage in der strafprozessualen Revision. Peter Lang GmbH, 2016.
17. Karlsruher Kommentar zur StPO / Hrsg. Hannich R. 6. Aufl. München; C.H. Beck, 2008.
18. Knauer C. Vom Wesen und Zweck der Revision // Neue Zeitschrift für Strafrecht. 2016.
19. Krey V. Deutsches Strafverfahrensrecht. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag. 2006.
20. Kühne H.-H. Strafprozessrecht. Strafprozessrecht. Eine systematische Darstellung des deutschen und europäischen Rechts. C.F. Müller, 2015.
21. Lips M. Die strafprozessuale Verfahrensrüge // Juristische Arbeitsblätter. 2006.
22. Löffelmann/Krekeler/Sommer. Strafprozeßordnung. Deutscher Anwalt Verlag, 2010.

23. Meyer-Goßner/Schmitt. Strafprozeßordnung: Kommentar. 55. Aufl. 2012.
24. Münchener Kommentar zur Strafprozeßordnung. 1. Aufl. München: Verlag C.H. Beck, 2016.
25. Neumann U. Die Abgrenzung von Rechtsfrage und Tatfrage und das Problem des revisionsgerichtlichen Augenscheinsbeweises // Goldammer's Archiv für Strafrecht. 1988.
26. Otto H. Möglichkeiten und Grenzen der Revision in Strafsachen // NJW. 1978.
27. Pfeiffer G. Strafprozeßordnung: Kommentar. 5. Aufl. München: Verlag C.H. Beck, 2005.
28. Ranft O. Strafprozessrecht. Systematische Lehrdarstellung für Studium und Praxis. Richard Boorberg Verlag, 2005.
29. Roxin/Schünemann. Strafverfahrensrecht. 29. Aufl. München: Verlag C. H. Beck, 2017.
30. Satzger/Schluckebier/Widmaier. Strafprozeßordnung mit GVG und EMRK: Kommentar. 1. Aufl. 2016.
31. Schünemann B. Zum Verhältnis von Norm und Sachverhalt bei der Rechtsanwendung, von Ober- und Untersatz im Justizsyllogismus und von Rechts- und Tatfrage im Prozessrecht / Festschrift für A. Kaufmann zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1993.
32. Strafprozeßordnung (StPO) in der letzten Fassung vom 3. März 2020 // BGBl. I. 7. April 1987. S. 1074, ber. S. 1319; BGBl.
33. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozeßordnung (StPO). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Университет Потсдама, 2012.

Екатерина Александровна Чеснокова

кандидат медицинских наук, магистр права, доцент,
кафедра организации здравоохранения и медицинского права,
Санкт-Петербургский государственный университет

АПЕЛЛЯЦИОННЫЙ ПОРЯДОК ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируется апелляционный порядок пересмотра судебных решений по уголовным делам в Италии. Исследование предваряется анализом общих положений и принципов пересмотра судебных решений в итальянском уголовном процессе. Раскрывается принцип обязательности, обращается внимание на его значимость как инструмента уголовно-процессуальной политики. Освящаются характеристики апелляционного пересмотра. Делается вывод о концептуальной противоречивости в законодательном регулировании первой и второй стадий судопроизводства по уголовным делам в Италии.

Ключевые слова: уголовный процесс, обжалование приговоров, пересмотр приговоров, апелляция, уголовное судопроизводство, уголовный процесс Италии.

Ekaterina A. Chesnokova,

PhD in Medicine, Master of Laws, Associate Professor,
Department of Health Care Management and Medical Law,
SPbSU, (Saint Petersburg)

THE APPEAL PROCEDURE IN REVIEWING SENTENCES IN ITALIAN CRIMINAL TRIAL.

The article analyzes the appeal procedure in criminal proceedings in Italy. The study is preceded by an analysis of the general provisions and principles of reviewing sentences in the Italian criminal process. The principle of obligation is revealed, attention is drawn to its significance as an instrument of criminal procedure policy. The characteristics of the appeal review are consecrated. The conclusion is made about the conceptual inconsistency in the legislative regulation of the first and second stages of legal proceedings in criminal cases in Italy

Keywords: criminal procedure, appeal of sentences, revision of sentences, appeal, criminal proceedings, Italian criminal trial

Анализ современных зарубежных систем проверочных производств, их развития и результатов их реформирования в контексте уголовно-процессуальной политики рассматриваемых государств, может быть использован в целях совершения отечественного уголовно-процессуального законодательства. В данной статье мы обратимся к опыту Италии, где с принятием нового уголовно-

процессуального кодекса в 1988 году произошло кардинальное изменение вектора развития уголовно-процессуальной системы в сторону состязательности и обеспечения прав личности в уголовном процессе, однако на протяжении последующих 35 лет Италия встретила с рядом существенных проблем в реализации нового УПК, а уголовно-процессуальное законодательство этой страны претерпело ряд реформ и контрреформ, направленных на решение системных проблем нормативного регулирования уголовного судопроизводства. При этом среди препятствий эффективному становлению состязательности в доктринальных источниках неизменно упоминается институт апелляции, имеющий в силу своей институциональной сущности консервативный и ригидный характер. Насущность и возможность реформирования нормативно-правового регулирования апелляции в уголовном судопроизводстве является предметом острых научных дискуссий итальянских правоведов. Поскольку для российской уголовно-процессуальной системы вопрос о необходимости апелляционной инстанции, её сущности и её регулировании на протяжении многих лет продолжает носить дискуссионный характер, опыт Италии в регулировании данного института представляется небезынтересным для отечественного законодателя.

Итальянский уголовно-процессуальный кодекс в части, регулирующей проверочные производства, содержит общие положения, применяемые ко всем средствам оспаривания, и особенные нормы, регулирующие отдельные его институты. В связи с этим для полноты понимания института апелляции представляется целесообразным первоначально остановиться на общем понимании итальянским законодателем системы пересмотра решений и принципах, заложенных в основу правового механизма. В итальянской доктрине оспаривание определяется как инструмент, применяемый участником уголовного процесса, с целью отмены или изменения невыгодного для данного участника и, предположительно, ошибочного судебного решения посредством инициирования проверки судьёй решения, вынесенного другим судьёй [19]. Из этого определения в итальянской уголовно-процессуальной науке выводится тезис о том, что к оспариванию должен быть отнесён любой институт, который конкретизируется в обжаловании неправильного процессуального решения судьи

или прокурора и подразумевает, что инициирование происходит по жалобе стороны (не по инициативе суда), а пересмотр осуществляется судом, даже если уголовно-процессуальным кодексом данный институт не отнесён к средствам оспаривания [20]. Тем не менее итальянский законодатель в Девятой книге Уголовно-процессуального кодекса Итальянской Республики (далее – УПК) [9], именуемой «Оспаривание», предусматривает средства пересмотра судебных решений: апелляцию, кассацию (в том числе чрезвычайную кассационную жалобу в связи с наличием материальной или фактической ошибки), ревизию и средства исполнения решений Европейского суда по правам человека.

В теории средства оспаривания судебных решений подразделяются, в зависимости от того, вступило ли оспариваемое решение в законную силу, на ординарные и экстраординарные. К ординарным средствам оспаривания относятся апелляция и кассация.

Общие условия оспаривания определяются ст. 568 УПК, устанавливающей под угрозой недопустимости принцип объективной и субъективной обязательности (*principio di tassatività*) при обжаловании (принцип объективной и субъективной обязательности в отечественной доктрине обозначается также как принцип категоричности [1]). Указанный принцип можно считать системообразующим для итальянской уголовно-процессуальной системы, и формирующим фундамент института пересмотра приговоров в Италии. Суть этого принципа заключается в том, что закон устанавливает строгие и чёткие границы, в которых может быть реализован механизм пересмотра в целом и отдельные средства обжалования в частности. Так, согласно ч. 1 ст. 568 УПК, закон определяет случаи, когда судебное решение может быть предметом обжалования, равно как и применяемые средства оспаривания (принцип объективной обязательности). При этом конституционный принцип гарантии проверки вышестоящим судом судебных актов, затрагивающих личную свободу, и окончательных решений по уголовному делу закрепляется ч. 2 ст. 568 УПК (Единственным исключением являются определения о компетенции, которые могут вызвать конфликт подведомственности или подсудности (ч. 2 ст. 568 УПК)., в которой законодатель предусматривает гарантии немедленного оспаривания судебных актов, затрагивающих личную свободу, устанавливая, что указанные акты всегда могут быть обжалованы в

кассационном порядке в случае, если они по закону не могут быть обжалованы иным образом. Отсюда следует, что в отсутствие прямого указания в законе судебное решение не подлежит обжалованию в апелляционном порядке [1; 18]. Как отмечается в доктринальных источниках, принцип объективной обязательности даёт в руки законодателя мощный инструмент уголовно-процессуальной политики, обеспечивающий ему значительную свободу маневрирования в свете постоянно меняющихся общественных потребностей, но используемый им в большинстве случаев в целях оптимизации уголовного судопроизводства [18].

Принцип обязательности не ограничивается категоричностью только по объективному признаку, то есть, в отношении предмета и средств обжалования. Так в соответствии с ч. 3 ст. 568 УПК, закон прямо перечисляет субъектов, наделённых правом оспаривания, ограничивая тем самым, относительно каждого способа обжалования и вида судебного решения, круг лиц, имеющих право инициировать последующие стадии пересмотра. Также в контексте допустимости обжалования по субъективному признаку итальянский законодатель наряду с критерием легитимации субъекта устанавливает критерий наличия интереса в пересмотре судебного решения (принцип субъективной обязательности) (ч. 4 ст. 568 УПК).

К субъектам, наделённым правом оспаривания, уголовно-процессуальный кодекс относит прокурора (ст. 570 УПК), подсудимого (ст. 571 УПК), гражданского ответчика, но только в части обжалования положений, касающихся ответственности обвиняемого, а также положений, возлагающих на него или на обвиняемого обязанность реституции, возмещения вреда или компенсации судебных издержек (ч. 1 ст. 575 УПК), лица, несущего обязанность по оплате возложенного на обвиняемого штрафа в случае несостоятельности последнего (ч.2 ст. 575 УПК), гражданского истца, но только в части положений приговора, касающихся гражданско-правовых последствий преступления, а также против приговора, постановленного в порядке сокращённого производства, когда он выразил согласие на рассмотрение дела в указанном порядке (ч.1 ст. 576 УПК), частного обвинителя против оправдательного решения, возлагающего на него обязанность по оплате понесённых государством процессуальных расходов, а также компенсации расходов и возмещении вреда обвиняемому и гражданскому ответчику

(ч.2 ст. 576 УПК). Потерпевший, гражданский истец, а также организации, наделённые полномочием защиты тех интересов, которые были нарушены в результате преступного деяния, вправе представить прокурору мотивированное ходатайство об обжаловании решения. В случае отказа прокурор обязан вынести мотивированный декрет, о котором заявитель должен быть уведомлен (ст. 572 УПК).

Несоблюдение указанных в уголовно-процессуальном законе требований в части оспаривания судебного решения, которое не подлежит пересмотру, равно как и подачи жалобы субъектом, не удовлетворяющим критериям легитимации и наличия интереса, влечёт недопустимость обжалования (пп. а, б ч. 1 ст. 591 УПК).

В то же время, в соответствии с устанавливаемым ч. 5 ст. 568 УПК принципом сохранения (*principio di conservazione*) неверное избрание средства оспаривания не делает обжалование недопустимым: когда сторона применяет средство обжалования отличное от дозволенного уголовно-процессуальным законом, суд *ore legis* изменяет квалификацию жалобы на предусмотренную законом. Относительно интерпретации ч. 5 ст. 568 УПК и, в частности, расширительного толкования устанавливаемого данной нормой принципа сохранения, см., например, решение Уголовного кассационного суда № 4001 от 29 января 2014г. (*Cassazione penale, Sez. I, sentenza n. 4001 del 29 gennaio 2014*). По данному делу на отказ трибунала в удовлетворении ходатайства относительно меры пресечения в виде ограничения свободы стороной ошибочно была подана кассационная жалоба. Суд *ore legis* изменяет квалификацию жалобы с кассационной на апелляционную [7]. Также не является недопустимой жалоба, поданная суду, не имеющему компетенции к её рассмотрению: в этом случае суд *ore legis* передаёт её по подсудности (ч. 5 ст. 568 УПК).

Что касается судебных решений, которые способны быть предметом апелляционного пересмотра, уголовно-процессуальный закон предусматривает два возможных варианта: субъект, наделённый правом апелляционного обжалования может использовать оба ординарных средства оспаривания, обратившись изначально с апелляционной, а затем с кассационной жалобой, но может действовать и *per saltum*, пропуская стадию апелляционного пересмотра и обжалуя решение суда первой инстанции в кассационном порядке (ч. 1 ст. 569 УПК). При этом следует отметить,

что Конституция Итальянской Республики в ст. 111 в части определения гарантий на обжалование судебных решений предусматривает исключительно кассационный порядок проверки по правовым основаниям приговора или промежуточного решения, ограничивающего персональную свободу [12]. Тот факт, что Основной закон государства не даёт участникам уголовного судопроизводства гарантий на апелляционный пересмотр судебного решения, обуславливает для итальянского законодателя относительную свободу в нормативном регулировании апелляции и позволяет в некоторой степени ограничивать возможности обращения с апелляционной жалобой, а также предусматривать различный порядок апелляции в зависимости от того, какой стороной апелляционный пересмотр инициируется.

В случае, если в отношении одного судебного решения применены разные средства оспаривания, суд, при соблюдении условия наличия соединения процессов, предусмотренных ст. 12 УПК. К таким условиям ст. 12 УПК относит следующие: а) преступление совершено при соучастии или сопричинении, или если независимые друг от друга деяния нескольких лиц повлекли наступление события; б) если обвиняемый одним деянием совершил несколько преступлений или если имеет место дпящееся преступление; в) если преступления совершены для сокрытия или облегчения совершения других преступлений), конвертирует кассационную жалобу в апелляционную (ст. 580 УПК).

Требования к форме и содержанию устанавливаются ст. 581 УПК, согласно которой жалоба подаётся в письменном виде и должна содержать указание на оспариваемое судебное решение, дату его вынесения и вынесший его суд, а также, под угрозой недопустимости, оспариваемые пункты решения, доказательства, которые были не приняты, не учтены или ошибочно оценены, просьбы лица, подающего жалобу, мотивы обжалования с указанием правовых оснований и фактических обстоятельств. Если законом не предусмотрено иное, жалоба подаётся в канцелярию суда, вынесшего оспариваемое решение, способом, предусмотренным ст. 111 bis УПК, то есть, посредством электронного документооборота (ч. 1 ст. 582 УПК). Однако ч. 1 bis ст. 582 УПК предусматривается, что частные стороны (к частным сторонам относятся обвиняемый (подсудимый), гражданский истец, гражданский ответчик, лицо,

несущее обязанность по оплате возложенного на обвиняемого штрафа в случае несостоятельности последнего) вправе подавать жалобу как посредством телематических средств, так и лично или через представителя. В последнем случае служащий суда регистрирует жалобу и выдаёт по требованию заявителя официальный документ, подтверждающий её получение. Передача поступившей жалобы прокурору и другим участникам судопроизводства осуществляется судом (ст. 584 УПК). Жалоба, оспариваемое решение и процессуальные акты судебного разбирательства без промедления передаются в суд, которому надлежит её рассмотрение (ст. 590 УПК).

Общий срок обжалования составляет 15 суток (п. а ч.1 ст. 585, ст. 127, ч. 1 ст. 544 УПК). В случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 544 УПК (при невозможности составления мотивированного решения в судебном заседании и применении пятнадцатидневного срока для его составления) срок обжалования увеличивается до 30 суток. Сроки исчисляются для присутствующих сторон со дня оглашения мотивированного решения, а в остальных случаях со дня вручения уведомления о вынесении мотивированного решения (ч. 2 ст. 544 УПК). В случаях, когда составление мотивированного решения представляется особенно сложным ввиду множества участников, количества и тяжести выдвинутых обвинений, суд может назначить срок для подготовки мотивированного решения, выходящий за пределы 15 суток, но не превышающий 90 суток с момента вынесения решения (ч. 3 ст. 544 УПК). В данной ситуации срок обжалования увеличивается до 45 суток.

Если приговор вынесен в отношении обвиняемого в его отсутствие, сроки оспаривания для обвиняемого (подсудимого) и для его защитника увеличиваются на 15 суток (ч. 1-bis, ч. 3 ст. 585 УПК). Новые доводы могут представляться в канцелярию суда, рассматривающего жалобу, в срок не позднее, чем за 15 суток до заседания (ч. 4 ст. 585 УПК). Жалоба, поданная с пропуском установленного срока, оставляется без рассмотрения (ч. 5 ст. 585 УПК).

УПК Италии наделяет лиц, имеющих право на оспаривание, правом на отказ от уже поданной жалобы в случае, если участник производства уже после её подачи утрачивает намерение ею воспользоваться. Так прокурор при суде, вынесшем оспариваемое решение, может отказаться от жалобы до начала судебного разбира-

тельства. В последующем вплоть до начала прений право отказа надлежит уже прокурору при суде проверочной инстанции, даже если жалоба была подана другим прокурором (ч. 1 ст. 589 УПК). Частные стороны могут отказаться от жалобы также и через представителя посредством передачи отказа способом, предусмотренным для подачи жалобы, а также в судебном разбирательстве до начала прений (ч. 2, 3 ст. 589 УПК). После начала прений отказ невозможен.

Причины недопустимости жалобы устанавливаются ст. 591 УПК. Помимо уже указанных выше нарушений принципа обязательности (обжалование судебного решения, которое не может быть оспорено, подача жалобы субъектом, не удовлетворяющим критериям легитимации и наличия интереса), причинами недопустимости являются нарушения установленных ст. 581, 582, 585, 586 УПК требований к форме, содержанию, срокам и способу

Апелляция

В полном соответствии с принципом субъективной обязательности итальянский уголовно-процессуальный закон чётко очерчивает круг субъектов апелляционного обжалования. Право обжалования приговора или иного решения суда по уголовному делу в апелляционном порядке принадлежит обвиняемому, прокурору, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, но с определёнными особенностями. Данное право, как указывалось выше, гарантируется только на уровне закона. Конституция Итальянской Республики гарантирует только право на кассационное обжалование (ст. 111).

Так, прокурор вправе оспаривать обвинительный приговор, главным образом, в рамках общего (ординарного) производства и только при условии, что суд либо переквалифицировал обвинение, исключил отягчающее обстоятельство либо назначил наказание, отличное от обычно назначаемого за данное преступление (ч. 1 ст. 593 УПК). Если же обвинительное решение было принято в сокращённой форме судебного разбирательства, то прокурор в отличии от подсудимого не может его обжаловать, за исключением тех случаев, когда судом была изменена квалификация (ст. 443 УПК).

Кроме того, согласно ч. 3 ст. 593 УПК, не подлежат апелляционному обжалованию решения, предусматривающие в качестве наказания только наложение штрафа или назначение общественно

полезных работ. Запрещено также обжалование в апелляционном порядке приговора, вынесенного по соглашению сторон, если только им не было заявлено несогласие с ходатайством обвиняемого (ст. 448 УПК). Не может быть обжалован приговор и лишь по вопросам мер безопасности без одновременного оспаривания судебного акта по иным пунктам в части уголовно-правовых последствий (ст. 579 УПК).

Оправдательный приговор, по общему правилу, может быть обжалован в апелляционном порядке прокурором (В Италии выделяют два вида приговоров: обвинительный (*sentenza di condanna*) и оправдательный (*sentenza di proscioglimento*). В свою очередь, оправдательные судебные решения подразделяются на два вида: 1) оправдание (*assoluzione*), постановляемое на основании исследования и оценки доказательств по делу; 2) прекращение производства по делу (*non luogo di procedure*), постановляемый по процессуальным основаниям, когда рассмотрение уголовного дела по существу не может быть продолжено.). Обвиняемый также наделён правом обжалования итогового решения, за исключением случаев, когда оправдательный приговор постановлен на основании отсутствия события преступления или непричастности обвиняемого к совершению преступления (ч. 2 ст. 593 УПК). Сторонам запрещено апелляционное обжалование оправдательного приговора по обвинению в совершении преступления, за которое могло быть назначено наказание только в виде штрафа или альтернативное наказание (ч. 3 ст. 593 УПК). Также не подлежит пересмотру в апелляционном порядке решение о прекращении производства по делу, принятое судом при отсутствии возражений прокурора и обвиняемого на стадии подготовительных действий до начала судебного разбирательства (ч. 1 ст. 469 УПК), равно как и решение о прекращении производства по делу, принятое на этапе предварительного заседания (ст. 428 УПК). Кроме того, согласно ч. 1 ст. 443 УПК, сторонам запрещается обжаловать в апелляционном порядке оправдательные решения, принятые по результатам сокращённого судебного разбирательства. Вместе с тем, обвиняемому не запрещается апеллировать оправдательный приговор, постановленный на основании установления его невиновности в связи с состоянием полной невменяемости [10].

Гражданский истец наделён правом апелляционного обжалования приговора только в части гражданско-правовых последствий совершенного преступления (ст. 573 УПК). В тоже время гражданский ответчик вправе обжаловать обвинительное решение ещё и в части уголовно-правовой ответственности обвиняемого и может оспаривать оправдательное решение в части заявленных требований о возмещении ущерба и компенсации судебных издержек (ч. 3 ст. 573 УПК). Причем процедура обжалования для названных участников уголовного судопроизводства аналогична той, которая предусмотрена для подсудимого (ч.1 ст. 573 УПК).

Таким образом, права прокурора на апелляционное обжалование судебного решения в Италии значительно ограничены в сравнении с правами, предоставленными обвиняемому. Интересно отметить, что ранее эти ограничения относились, в основном, к решениям, постановленным в сокращённом судебном разбирательстве, но проведённая в 2018 году реформа уголовного судопроизводства [13], получившая название реформы Орландо, внесла изменения в 593 статью УПК, в определённой степени уравнила права прокурора в сокращенном и ординарном производстве по уголовному делу, ограничив возможности обжалования приговора ситуациями, когда суд значительно изменяет обвинение (изменение квалификации, исключение значимогоотягчающего обстоятельства, назначение нетипичного наказания). В процессуальной доктрине отмечается, что данные нововведения имеют своей целью упрощение уголовной процедуры и разгрузку судебных органов [16]. Однако очевидное неравенство сторон обвинения и защиты в праве на пересмотр не вступившего в силу судебного решения вызвало активную дискуссию в профессиональном сообществе. В 2019 году апелляционным судом Мессины перед Конституционным судом был поставлен вопрос о соответствии Конституции новой редакции статьи 593 УПК в части, ограничивающей право прокурора на апелляционное обжалование обвинительного решения. В частности, на рассмотрение Конституционного суда был вынесен вопрос о соответствии указанной нормы конституционно гарантированным принципам равенства сторон (ст. 3, 11 Конституции), воспитательной цели наказания (ст. 27 Конституции) и нормальной деятельности государственных органов (ст. 97 Конституции). Кроме того, апелляционный суд обра-

тился к сформированной ранее правовой позиции Конституционного суда, согласно которой принцип равенства сторон распространяется также на доступ к апелляционному производству, хотя это не означает, что должно быть полное соответствие между полномочиями прокурора и полномочиями обвиняемого, но требует разумного обоснования установленных законом различий (решение № 26 от 2007 г.). В данном же случае, по мнению апелляционных судей, не усматривается достаточно веских оснований для обоснования установленного законодателем неравенства, так как ограничение прав прокурора на апелляционное обжалование не сможет способствовать ни разгрузке судов, учитывая, что апелляционные жалобы прокурора составляют крайне небольшое количество в общей массе рассматриваемых ежегодно апелляций, ни разумному ограничению оснований для проверки решения в вышестоящих судебных органах. Конституционный суд в решении № 34 от 26.02.2020г. [10] признал оспариваемые положения не противоречащими Конституции. В частности, конституционные судьи указали на то, что в соответствии с сформированной ранее правовой позицией различия в регулировании прав сторон является допустимым при условии, что большие ограничения для государственного обвинителя оправданы его институциональной ролью или потребностями правильного отправления уголовного правосудия. В связи с этим оспариваемые положения являются разумными в свете необходимости сбалансировать неравенство сторон, имеющее место в фазе расследования. Кроме того, суд напомнил, что у обвинения всегда имеется возможность оспорить решение в кассационном порядке, в том числе, приводя доводы об отсутствии, противоречивости или явной нелогичности мотивации решения в части вида или размера назначенного наказания.

Апелляционный пересмотр судебных решений в Италии осуществляется судами общей юрисдикции, вышестоящими по отношению к судам, вынесшим оспариваемые решения, то есть судами второй инстанции. Жалобы рассматриваются на решения: мирового судьи – трибуналом административного округа (по территориальной подсудности) в единоличном составе (ст. 39 Декрета); трибуналов – апелляционными судами (в пределах юрисдикционного округа) коллегиально в составе трех судей (ч. 1 ст. 596 УПК); суда ассизов – апелляционными судами ассизов в составе двух

профессиональных судей и шестерых заседателей (ч. 2 ст. 596 УПК); наблюдательного судьи – наблюдательным судом (трибуналом по надзору, в Италии трибунал по надзору – это специальный судебный орган, осуществляющий контроль за исполнением приговора. Трибунал действует коллегиально в составе двух профессиональных судей и двух непрофессиональных судей, обладающих специальными знаниями в области психологии, социальных служб, образования, психиатрии и клинической криминологии) (ст. 680 УПК); судьи по контролю над предварительным расследованием – апелляционным судом или апелляционным судом ассизов (в зависимости от того, к компетенции какого судебного органа относится рассмотрение уголовного дела по первой инстанции) (ч. 3 ст. 596 УПК)⁴. Подсудимый, если им не была подана основная апелляционная жалоба, вправе подать встречную апелляционную жалобу в течение 15 суток с момента уведомления (ч. 1 ст. 595 УПК). Другие участники судебного разбирательства такой возможностью не располагают.

Встречная апелляционная жалоба утрачивает силу в случаях недопустимости основной апелляционной жалобы или отказа от неё (ч. 34 ст. 595 УПК).

В вопросах установления полномочий апелляционных судей итальянский законодатель придерживается классической континентальной модели, для которой характерен принцип *tantum devolutum quantum appellatum* (в переводе с латыни – «сколько жалобы, столько и решения» или «дело настолько движется вверх по инстанциям, насколько я апеллирую»). Согласно ч. 1 ст. 597 УПК, в апелляционной инстанции судебное разбирательство проводится в пределах тех пунктов обжалуемого решения, которые оспариваются апеллянтом. При этом границы прав суда апелляционной инстанции различаются в зависимости от того, какой стороной была подана апелляционная жалоба.

Апелляционный суд обладает большими полномочиями в случаях, если пересмотр проводится по жалобе прокурора. Если обжалуется обвинительный приговор, вышестоящий суд может,

⁴ Об итальянской системе судов общей юрисдикции, включая суды второй инстанции, осуществляющие пересмотр решений судов первой инстанции см. подробнее: [5, с. 528-532].

действуя в пределах компетенции первой инстанции, дать фактическим обстоятельствам более серьёзную квалификацию, изменить вид и размер назначенного наказания, применить меры безопасности и любые иные предусмотренные законом меры, и т.п. Если производится пересмотр оправдательного приговора (решения о прекращении производства по делу), суд второй инстанции вправе вынести обвинительный приговор или решение о прекращении производства по делу по основаниям, отличным от оснований решения суда первой инстанции. Во всех случаях, когда суд апелляционной инстанции оставляет обжалуемое прокурором решение без изменения, суд наделён правом в предусмотренных законом случаях назначать, изменять или отменять дополнительные виды наказания и меры безопасности (ч. 2 ст. 597 УПК).

Если апелляционная жалоба подана только обвиняемым, действует принцип *non reformatio in melius* (запрет поворота к худшему). Суд не может увеличить размер наказания, назначить более строгое наказание, применить меры безопасности или изменить уже назначенные меры на более строгие, изменить основание решения о прекращении производства по делу на менее благоприятное, и т.п. (ч. 3 ст. 597 УПК). Тем не менее, суд вправе, оставаясь в пределах доводов апелляционной жалобы и компетенции постановившего оспариваемое решение судьи первой инстанции, изменить квалификацию деяния на более строгую (ч. 3 ст. 597 УПК).

УПК Италии предусматривает отдельные исключения из принципа *tantum devolutum quantum appellatum*. В частности, итальянский законодатель наделяет суд апелляционной инстанции правом по своей инициативе назначить отсрочку исполнения наказания, не упоминать об осуждении в соответствующей справке, а также применить смягчающие обстоятельства. Кроме того, суд при необходимости устанавливает баланс или преобладание отягчающих или смягчающих обстоятельств и принимает соответствующее решение об их применении (ч. 5 ст. 597 УПК).

При поступлении апелляционной жалобы президент апелляционного суда назначает дату заседания и обеспечивает направление повесток обвиняемому, подавшему жалобу, а также не подававшему жалобу обвиняемому в случае, если решение обжалуется прокурором или если жалоба имеет расширительное действие в силу ст. 587 УПК (ч. 1 ст. 601 УПК). Также во всех случаях повестка

направляется гражданскому ответчику и гражданскому истцу, в том числе и когда апелляционная жалоба подана только обвиняемым, и обжалуется решение о прекращении производства по делу. Защитники должны быть уведомлены не менее, чем за 40 суток до заседания (ч. 5 ст. 601 УПК).

В случае, если судом апелляционной инстанции было принято решение о рассмотрении дела в заседании с участием сторон, это должно быть указано в направляемой повестке. Также в уведомлении должно быть указано, в открытом или в закрытом заседании будет рассматриваться дело (ч. 2 ст. 601 УПК). Следует отметить, что приводимые положения были введены в УПК реформой Картабиа, новая редакция вступила в силу 1 января 2023 года [14]. Потребность во включении в УПК обязанности суда извещать стороны об участии сторон и открытом или закрытом заседании была обусловлена необходимостью гарантировать права участников уголовного судопроизводства в связи с проведёнными реформой Картабиа изменениями в регламентации процедуры рассмотрения дела в апелляционной инстанции [6]. В частности, реформой устанавливается новое общее правило, согласно которому во второй инстанции дело рассматривается в закрытом заседании и, если не указано иное, в отступлении от предусмотренного ст. 127 УПК (Ст. 127 УПК предусматривает проведение закрытого заседания с участием сторон.), без участия сторон (ч. 1 ст. 598 bis УПК). У апелланта и, в любом случае, у обвиняемого и его защитника сохраняется право ходатайствовать об участии в заседании. Участие сторон также может быть инициировано прокурором. Также о проведении судебного разбирательства с участием сторон могут заявить гражданский истец и гражданский ответчик, но, в отличие от обвиняемого, только через своих представителей. Ходатайство должно быть подано в пятнадцатидневный срок с момента уведомления и в дальнейшем не может быть отозвано. При пропуске срока ходатайство остаётся без рассмотрения. Если ходатайство принято, суд выносит определение о рассмотрении дела с участием сторон и указывает, будет ли дело рассматриваться в открытом заседании, либо же будет закрытое заседание по правилам ст. 127 УПК с последующим уведомлением Генерального прокурора и защитников (ч.2 ст. 598 bis УПК). Суд может принять решение о проведении заседания с участием сторон по своей инициативе ввиду

важности поставленных на рассмотрение суда вопросов (ч.3 ст. 598 bis УПК). Обязанность проведения заседания с участием сторон возникает у суда в случае повторного исследования доказательств в апелляционной инстанции (ч. 4 ст. 598 bis УПК). Законодательная новелла, устанавливающая за правило разбирательство дела в закрытом судебном заседании без участия сторон, отчасти повторяет действовавшие до конца 2022 года положения статьи 23-bis Законодательного декрета № 137/2020, регламентировавшей процедуру разбирательства в суде апелляционной инстанции в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Как следует из положений ст. 598 УПК, в апелляционной инстанции дело рассматривается по правилам суда первой инстанции, насколько они применимы и с учётом особенностей, предусмотренных нормами раздела II книги IX УПК Италии.

Стороны могут заявить в апелляции о достижении полного или частичного соглашения относительно доводов заявленной жалобы. Если принятие доводов влечёт изменение назначенного наказания, прокурор, обвиняемый и гражданский ответчик указывают суду наказание, с которым они согласны (ч. 1 ст. 599 УПК).

Если разбирательство в апелляционной инстанции проходит с участием сторон, то, согласно ч. 1 ст. 602 УПК, дело рассматривается в открытом заседании. Закрытое заседание проводится в случаях, предусмотренных ст. 599 УПК, в частности, при обжаловании судебного решения, вынесенного в сокращённом порядке и оспаривании только вида или размера назначенного наказания.

Разбирательство начинается с краткого изложения предмета одним из судей, участвующих в рассмотрении уголовного дела апелляционной инстанции (ч. 1 ст. 602 УПК). Суд заслушивает стороны и переходит к проверке доказательств. Прения проводятся по правилам суда первой инстанции (ч. 4 ст. 602 УПК). Последнее слово предоставляется обвиняемому и его защитнику.

Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции регламентируется положениями статьи 603 УПК.

Исследование имеющихся в деле доказательств, а также принятие новых доказательств может быть предписано судом второй инстанции по инициативе апелланта (ч. 1 ст. 603 УПК), ввиду появления новых или вновь открывшихся обстоятельств (ч. 2 ст. 603 УПК), а также по инициативе суда, когда суд посчитает это абсо-

лютно необходимым (ч. 3 ст. 603 УПК). При этом принятое судом решение о проведении или непроведении судебного следствия может быть оспорено в кассационном порядке только по основанию его немотивированности.

В результате рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке суд либо оставляет решение без изменения, либо отменяет решение и принимает новое решение или изменяет решение. В отдельных случаях, указанных в ст. 604 УПК (Ст. 604 УПК содержит положения, регламентирующие недействительность судебного решения.), суд апелляционной инстанции отменяет решение и возвращает дело в суд первой инстанции для нового рассмотрения. Это происходит, если суд устанавливает абсолютную недействительность решения ввиду наличия не устранимых (не saniруемых) нарушений. К подобного рода нарушениям относятся, например, такие случаи: судья не имел права рассматривать дело; при коллегиальном рассмотрении дела суд действовал в ненадлежащем составе; обвиняемый не был должным образом уведомлен о судебном разбирательстве; адвокат обвиняемого отсутствовал, когда его присутствие было обязательным. Однако и в случае совершения saniруемых нарушений возвращение на новое рассмотрение также возможно при условии, что они не были установлены и исправлены до вынесения судом первой инстанции итогового решения (ч. 4 ст. 604 УПК).

В случаях, когда судебное разбирательство в первой инстанции проходило в отсутствие обвиняемого, при наличии доказательств того, что рассмотрение имело место в отсутствие условий, допускающих разбирательство в его отсутствие (ч. 1, 2, 3 ст. 420 bis УПК), судья апелляционной инстанции объявляет приговор недействительным и предписывает передачу дела в суд первой инстанции. Недействительность приговора устраняется, если она не была заявлена в апелляционной жалобе. В любом случае недействительность не может быть установлена или заявлена, если выяснится, что обвиняемый знал о предстоящем судебном разбирательстве и имел возможность явиться в суд до вынесения оспариваемого приговора (ч. 5 bis ст. 604 УПК). Кроме того, дело возвращается в первую инстанцию (если только подсудимый не заявит ходатайство о возобновлении судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции) в случаях, когда обвиняемый: не реали-

зовал какое-либо из своих процессуальных прав по причине своего отсутствия; предоставил доказательства того, что он не имел возможности явиться, равно как и своевременно заявить об уважительных причинах своего отсутствия, или же доказательства того, что он не был осведомлён о разбирательстве не по своей вине (ч. 5-ter, 5-quater ст. 604 УПК).

Если в апелляции суд устанавливает, что обвиняемый был осуждён за совершение нового преступления или за конкурирующее преступление, то он признаёт соответствующий пункт приговора недействительным, отменяет наказание за него и предписывает передачу информации прокурору для принятия им соответствующих мер (ч. 3 ст. 604 УПК). В других ситуациях установления недействительности судебного решения суд второй инстанции при необходимости возобновляет судебное расследование и рассматривает дело по существу.

Согласно ст. 605 УПК, тогда, когда отсутствуют основания признания судебного решения полностью или в части недействительным, суд апелляционной инстанции выносит приговор, подтверждающий или изменяющий обжалуемое решение. Решения суда второй инстанции в части гражданско-правовых последствий подлежат немедленному исполнению. Если после принятия апелляционного решения не будет подана кассационная жалоба, а его исполнение входит в компетенцию судьи первой инстанции, то ему должны быть без промедления переданы все имеющиеся материалы дела.

Заключение.

В основу уголовно-процессуальной реформы в Италии положен принцип состязательности в доказывании, сущность которого заключается в обеспечении возможности сторон участвовать не только в оценке доказательств, но и в их собирании [4]. Данный принцип нашёл своё закрепление в ч. 3 ст. 111 Конституции Итальянской Республики. В соответствии с указанным принципом УПК Италии предусматривает, что формирование доказательств происходит в судебном следствии в диалектическом взаимодействии сторон в условиях устности, равенства и состязательности. При этом доказательства, собранные на несостязательных досудебных стадиях без непосредственного участия сторон, по общему правилу остаются неизвестными суду, разрешающему дело по су-

шеству [17]. По мнению итальянских правоведов, состязательность неизбежно будет «заражена» инквизиционными элементами, если не будет обеспечено жёсткое разделение стадий уголовного судопроизводства, так как в состязательном процессе необходимо не допустить возможность вынесения судом решения на основе тех доказательств, которые были получены в стадии предварительного расследования без диалектического участия сторон и не были повторены в судебном следствии [21]. Данные положения составляют «сердце» итальянской уголовно-процессуальной реформы. Этим и объясняется пристальное внимание итальянских правоведов к процедуре повторного судебного следствия в апелляции. Ведь, как было отмечено в доктрине, переход от инквизиционного процесса к состязательному в Италии так и не завершился, так как берущий свои истоки в континентальной традиции апелляционный пересмотр продолжает оставаться «Средиземьем» между первой инстанцией, где доказательства собираются в состязательном процессе, и кассацией, где происходит пересмотр решения исключительно по правовым основаниям [15]. И действительно, проведённое исследование наглядно демонстрирует, что апелляционные суды осуществляют проверку в несостязательном процессе, имея при этом полномочие изменить или отменить решение, вынесенное в первой инстанции в условиях состязательности. Как отмечается в доктрине, порядок пересмотра во второй инстанции, построенный на основе гибридной модели апелляции, дезавуирует и по сути своей нейтрализует принцип состязательности в доказывании, так как придаёт большее гносеологическое достоинство бумажному судебному разбирательству, по актам, уже сформированным другим судьёй, что вступает в противоречие с сущностью справедливого судебного разбирательства [8].

Следует отметить и другие характеристики института апелляции, в определённой степени нивелирующие продекларированные авторами реформы гарантии соблюдения прав и свобод участников уголовного процесса, включая закреплённое в международных актах право на рассмотрение в двух инстанциях. Уголовно-процессуальной науке известно, что право на повторное рассмотрение уголовного дела означает в уголовном процессе не только возможность обжалования постановленного приговора по любому основанию, но и право на повторное судебное следствие [3]. Одна-

ко в итальянском апелляционном производстве решение о повторном исследовании доказательств или о принятии новых доказательств остаётся на усмотрение суда. При этом принятое судом решение о проведении или непроведении судебного следствия может быть оспорено в кассационном порядке только по основанию его немотивированности. Кроме того, следует особо подчеркнуть, что суд второй инстанции может не только отказать апеллянту в повторном исследовании доказательств, но и провести исследование доказательств *ex officio*, что, очевидно, вступает в диссонанс с характерным для состязательного процесса пониманием роли судьи как пассивного арбитра по делу.

Таким образом, идеологизация итальянского уголовного процесса по англосаксонской модели демонстрирует свою неполноту и незавершённость. Ряд важнейших институтов уголовного судопроизводства, к которым относится и институт апелляционного пересмотра приговоров, в силу своих институциональных особенностей сохраняют инквизиционный характер, что, с одной стороны, позволяет говорить об итальянском уголовном процессе как смешанном, а, с другой стороны, является катализатором непрекращающихся дискуссий и попыток его дальнейшего реформирования.

С учётом того, что в развитии современного уголовно-процессуального законодательства в России и в Италии прослеживается ряд параллелей, и, в частности, того, что уголовно-процессуальный кодекс РФ в авторитетной доктрине попрекается именно за наличие концептуальных противоречий, блокирующих возможность его дальнейшего развития и совершенствования [2], анализ опыта Италии, где на протяжении уже 35 лет продолжают попытки по имплементации англосаксонской модели, представляет для отечественных научно-правовых исследований особую ценность.

Список использованных источников.

1. Барабанов П. К. Уголовный процесс Италии. М., 2019.
2. Головки Л. В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. №1 (1).
3. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.

4. Михеенкова М. А. Обновленная модель доказательственного права в уголовном процессе италии: результаты реформ 1988–2001 годов // Государство и право. 2017. № 8.
5. Правоохранительные органы: учебник для вузов / Н. Г. Стойко [и др.]; под редакцией Н. Г. Стойко, Н. П. Кирилловой, И. И. Лодыженской. 6-е изд., перераб. и доп. Москва, 2023.
6. Biondi G. Il giudizio di apello penale dopo la «riforma Cartabia» (e dopo il d.l. n. 162/2022 convertito, con modifiche, dalla Legge 30 dicembre 2022, n.199): appendice di aggiornamento // Giurisprudenza Penale Web, 2023. № 1. URL: https://www.giurisprudenzapenale.com/wp-content/uploads/2022/12/Biondi_gp_2022_12.pdf (дата обращения: 31 августа 2023).
7. Cassazione penale, Sez. I, sentenza n. 4001 del 29 gennaio 2014). URL: <https://www.avvocato.it/massimario-30729/> (Дата обращения 01 сентября 2023 г.).
8. Chinnici D., Giudizio penale di seconda istanza e giusto processo, Torino, 2009.
9. Codice di procedura penale (D.P.R. 22 settembre 1988, n. 477) Текст УПК Италии с последними поправками, внесёнными D.lgs. n. 150 del 2022 ("Riforma Cartabia"). URL: <https://www.brocardi.it/codice-di-procedura-penale/> (Дата обращения 31 августа 2023 г.).
10. Corte cost., sent. 26 febbraio 2020, n. 34. URL: <https://www.giurcost.org/decisioni/2020/0034s-20.html> (дата обращения: 31 августа 2023).
11. Corte cost., sent. 29 ottobre 2020, n. 274. URL: <https://www.federalismi.it/nv14/articolo-documento.cfm?artid=14325> (дата обращения: 06 сентября 2023).
12. Costituzione della Repubblica Italiana URL: <https://www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione.pdf> (Дата обращения 31 августа 2023 г.)
13. Decreto Legislativo n. 11/2018, опубликован 19.02.2018 в Gazz. Uff., n. 41). URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2018/02/19/18G00031/sg> (Дата обращения 30 августа 2023 г.).
14. Decreto legislativo n.150 от 10.10.2022 (так называемая "Riforma Cartabia") (опубликовано в G.U. n. 243 17.10.2022). URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2022-10-10;150> (дата обращения: 31 августа 2023).
15. Deganello M., Ripensare al grado di appello nel processo penale: osservazioni a margine di recenti disegni di riforma// Riv. it. dir. proc. pen, 2010.
16. Gialuz M. , Cabiale A., Della Torre J. Riforma Orlando: le modifiche attinenti al processo penale, tra codificazione della giurisprudenza, riforme attese da tempo e confuse innovazioni// Diritto Penale Contemporaneo, 2017. № 3. URL: <https://www.penalecontemporaneo.it/upload/2791-gialuzdpctrim317.pdf> (дата обращения: 31 августа 2023).

17. Grande E. Italian Criminal Justice: Borrowing and Resistance //The American Journal of Comparative Law, Vol. 48, No. 2 (Spring, 2000), pp. 227-259 URL: <http://www.jstor.org/stable/840971>
18. Suraci L. Il sistema delle impugnazioni nel processo penale. Pisa: Pacini Giuridica. 2020.
19. Tonini P. Manuale di procedura penale. Giuffrè, 2014.
20. Tranchina G., Impugnazione (dir. proc. pen.), in AA.Vv., Enciclopedia del diritto, XX, Giuffrè, 7 , p. 746
21. Ubertis G, Sistema di procedura penale, I, Principi generali. Milano, 2017.
22. URL: <https://www.avvocato.it/massimario-30729/> (Дата обращения 31 августа 2023 г.).

Виктор Сергеевич Шадрин

доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры управления следственной деятельностью
(Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

ПРИЗНАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Рассматривая обращение к научным трудам профессора П. С. Элькинд как повод для анализа особенностей обеспечения допустимости доказательств в российском уголовном процессе в советскую эпоху и сейчас, предпринимается попытка с авторских позиций объяснить введение в отечественное уголовно-процессуальное законодательство термина «недопустимые доказательства», показать связанные с этим проблемы теории и практики современного уголовного судопроизводства, а также существующие и возможные подходы к их решению.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, законность, допустимость и недопустимость доказательств, судебная практика.

V. S. Shadrin

Doctor of Law, Professor
Professor of the Department of Investigative Management
(Higher academic courses) St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation

RECOGNITION OF EVIDENCE AS INADMISSIBLE: PROBLEMS AND TRENDS OF LAW ENFORCEMENT

Considering the appeal to the scientific works of Professor P.S. Elkind as a reason for analyzing the features of ensuring the admissibility of evidence in Russian criminal proceedings in the Soviet era and now, an attempt is made from the author's point of view to explain the introduction of the term "inadmissible evidence" into the domestic criminal procedure legislation, to show the related problems of theory and practice of modern criminal proceedings, as well as existing and possible approaches to their solution.

Keywords: criminal proceedings, legality, admissibility and inadmissibility of evidence, judicial practice.

Понятие «недопустимые доказательства», а также правила признания доказательств недопустимыми появились в российской уголовно-процессуальном законодательстве в соответствии с Законом РФ от 16 июля 1993 г., которым в УПК РСФСР был введен раздел 10 «Производство в суде присяжных», где предусматривалось, что судья по результатам предварительного слушания исключает из разбирательства дела в суде присяжных доказательства, полученные с нарушением за-

кона либо недопустимые по иным основаниям (ч. 2 ст. 433 УПК РСФСР). Одновременно ст. 69 УПК РСФСР была дополнена ч. 3, согласно которой доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 68 настоящего Кодекса (См.: Закон РФ от 16.07.1993 N 5451-1 "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях" // "Российские вести", № 157, 17.08.1993).

Поскольку в названном УПК отсутствовали какие-либо указания о возможности признания доказательств недопустимыми в досудебном производстве и при осуществлении судьей подготовительных действий для проведения судебного заседания в общем порядке судебного разбирательства, в юридической литературе появились разъяснения, воспринятые практическими работниками правоохранительных органов и суда как заслуживающие внимания, о том, что, «опираясь на ст. 50 Конституции Российской Федерации и ч. 3 ст. 69 УПК РСФСР, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, судья, суд вправе своим постановлением или определением по своей инициативе или по ходатайству обвиняемого, его защитника или законного представителя, потерпевшего исключить из числа доказательств те из них, которые получены с нарушением закона» [3, с. 130].

В УПК РФ эти положения получили дальнейшее развитие и в несколько измененном виде отражены в ряде статей, в том числе ст. 75 «Недопустимые доказательства», уже неоднократно в настоящее время подвергнутой корректировке для закрепления в ней все новых и новых оснований признания доказательств недопустимыми.

Феномену недопустимости доказательств с момента его появления в сфере науки отечественного уголовного процесса уделено огромное внимание в диссертациях, монографиях, многочисленных научных статьях. Сегодня, в 30-летний юбилей данного феномена, оглядываясь назад, ко времени научного творчества профессора Элькинд П. С. и других выдающихся ученых-процессуалистов советской эпохи, когда словосочетание «недопустимые доказательства» не только не фигурировало в уголовно-процессуальном законе, но никто в науке уголовного процесса и не предлагал придать ему значение термина законодательства, невольно задаешься вопросом: как же правовое регулирование доказывания по уголовным делам тогда без него обходилось, чем было обусловлено и что дало его введение в терминологический обо-

рот отечественного уголовного судопроизводства, какие за собой повлекло положительные или не совсем положительные последствия?

Еще ныне здравствующие ветераны науки отечественного уголовного процесса и юристы, осуществлявшие в тот период времени практическую деятельность по уголовным делам, могут вспомнить, что допустимости доказательств, – под которой понималось ранее и понимается сейчас осуществление установленных законом правил получения доказательств, – и тогда придавалось большое значение. Только в качестве средства, обеспечивающего исполнение указанных правил, выступало «строжайшее соблюдение социалистической законности», означающее требование неукоснительного соблюдения требований закона должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, в том числе или даже прежде всего в доказывании. И под такое отношение дознавателей, следователей, прокуроров и судей к работе с доказательствами советскими учеными-процессуалистами подводилась серьезная научная база.

Так, П. С. Элькинд в своей монографии, подготовленной на основе материалов ранее защищенной ею докторской диссертации, выдвигала и утверждала идеи о том, что средства и способы, применяемые для достижения целей уголовного процесса, должны быть законными и применяться строго в установленной законом форме. Она подчеркивала: «Нормы уголовно-процессуального права достигают цели, для которых они созданы государством, лишь при условии их точного и безусловного осуществления» [9, с. 137]. «Требование законности в применении норм уголовно-процессуального права означает, что указанные нормы компетентные органы государства и их представители могут применять лишь в точных пределах представленных им полномочий в соответствии с содержанием этих норм» [9, с. 153]. В отношении фактических данных, используемых для выяснения обстоятельства совершения преступления, П. С. Элькинд конкретно указывала, что «как бы они не были важны по своему содержанию, не могут использоваться в качестве уголовно-судебных доказательств, если они получены из источника, прямо не предусмотренного законом или получены вне нормативно-регламентированного порядка уголовного судопроизводства» (10, с. 62). При этом особого внимания заслуживают суждения П.С. Элькинд, полностью сохраняющие свое значение в настоящее время, о значимости соблюдения законности для обеспечения прав личности, вовлекаемой в производство по уголовным делам, при использовании в доказывании по уголовным делам в рамках уголовно-процессуальных норм криминалистических средств раскрытия и рас-

следования преступлений: «точное соблюдение уголовно-процессуальных норм и, в частности, системы процессуальных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве составляет важнейшее условие социалистической законности в криминалистической практике» (1, с. 52).

Указанные теоретические позиции применительно к требованиям, предъявляемым к доказательствам, получили последовательное развитие в опубликованной примерно в то же время, что и научные труды П.С. Элькинд, фундаментальной коллективной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Характерно, что авторы этой монографии, исходя из понятия допустимости как пригодности доказательства с точки зрения законности источников, методов и приемов получения сведений, указывают, что «формулируя правила допустимости, законодатель осуществляет это прежде всего в **позитивной** форме с тем, чтобы направлять самый процесс доказывания» (6, с. 232). И такой подход не только считался приемлемым, но и реально являлся оправданным и вполне продуктивным на протяжении многих десятилетий.

Почему же 30 лет назад позитивный подход в определении допустимости доказательств по уголовным делам сменился на негативный, вследствие чего на первый план в изложении в законе требований, предъявляемых к доказательствам, вышли санкции за неисполнение требований закона при осуществлении доказывания? Как можно догадываться – в связи с переходом России в статус демократического правового государства и провозглашением в ст. 2 Конституции Российской Федерации человека, его прав и свобод высшей ценностью. В чем, очевидно, сыграл свою роль опыт ранее уже ориентированных на указанные ценности государств, который давно привлекал внимание наших соотечественников, правда, как правило, с позиций критического анализа. Так, еще в 1961 г. была опубликована книга И. Б. Михайловской о положении личности в англо-американском уголовном процессе, из которой следует, что непризнание доказательствами сведений о преступлении, добытых с нарушением правил их получения, является важнейшим средством обеспечения прав личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство, прежде всего в качестве подозреваемого, обвиняемого (4). В указанной книге автор, между прочим, приводит мнение английского ученого Ноукса, в известной мере объясняющее, как наряду с допустимостью доказательств в уголовном судопроизводстве может признаваться существование и недопустимости: «Д о п у с т и м о с т ь (admissibility) есть термин, которым обозначается один ас-

пект представляемого доказательства, а именно, что оно должно быть принято судом; но так как такое содержание вызывает соображение о том, что доказательство может быть и не принято, то с тем же основанием может быть введен термин *недопустимость* (inadmissibility)» (4, с. 8).

Если подобный опыт благоприятен для обеспечения прав личности и в нашем современном государстве, то что ж, почему бы его не использовать. Ведь, по сути, при оперировании понятиями «допустимость доказательств» и «недопустимость доказательств» речь идет об одном и том же явлении, рассматриваемом лишь с разных позиций. Недопустимость, это та же допустимость, только, как говорят математики, с противоположным знаком, то есть со знаком «минус» (8, с. 42). Подобную корректировку используемой в уголовно-процессуальном законе терминологии, возможно, следовало бы лишь приветствовать как более отвечающую «духу времени», если бы ее применение не сопровождалось установлением таких требований к получению доказательств, которые можно вполне можно назвать ригористическими. Как известно, ригоризм – это требование к полному и абсолютному подчинению определенным правилам. Иногда даже вопреки здравому смыслу, целесообразности и логике, что на деле приводит к превращению достоинств, ожидаемых от установления столь строгих правил, наоборот в недостатки, создающие серьезные проблемы в любой, в том числе правовой практической деятельности

Излагаемые в настоящее время в ст. 75 УПК РФ условия определения доказательств как недопустимых сформулированы таким образом, что предполагают возможность признания любого доказательства недопустимым при любом нарушении закона, связанном с его получением, даже реально не оказывающем какого-либо отрицательного влияния на ценность получаемой доказательственной информации. В результате соблюдение предусмотренных законом правил получения доказательств, не допускающее вообще никакой возможности от их отступления, превращается из средства обеспечения прав вовлекаемой в уголовное судопроизводство личности и достоверности содержащейся в доказательстве информации о преступлении в самоцель, соблюдение закона ради соблюдения закона.

Видимо, осознание данного парадокса с учетом возникающих в этой связи проблем в правоприменительной практике уголовного судопроизводства привело законодателя в 2007 г. к решению исключить из УПК РФ главу 57 «Перечень бланков процессуальных документов». Поскольку, как показала реальная практика уголовного судопроизвод-

ства, любое отклонение от правил (форм) заполнения граф соответствующих процессуальных документов, наделенных в силу размещения их непосредственно в уголовно-процессуальном законе силой данного закона, приводило к сомнению в их законности и, как следствие, к возможному решению о недопустимости использования в доказывании по уголовным делам. Тем самым совершенно необходимое в уголовном судопроизводстве требование неукоснительного соблюдения процессуальной формы превращалось порой в формализм, абсурд, фактически в свою противоположность.

В теории и практике современного российского уголовного судопроизводства с самого начала введения правил признания доказательств недопустимыми обозначились противоположные тенденции – как строжайшего, бескомпромиссного исключения из материалов уголовного дела доказательств, полученных с нарушениями закона (2, с. 68-72), так и признания возможности их полного или частичного использования при определенных обстоятельствах, в зависимости от значимости допущенных нарушений закона, а также значения для установления истины по конкретному уголовному делу (7, с. 45).

При этом с течением времени обозначилось преобладание последней из указанных тенденций. Как показали результаты проведенного А. В. Пилюком анкетирования судей судов ХМАО – Югры, ЯНАО, Московской и Тюменской областей, все опрошенные судьи сталкивались в процессе своей деятельности с нарушениями процессуальной формы. При этом около 93% судей указали, что они никогда не выносили оправдательных приговоров в отношении подсудимых, по делу которых обвинителям предъявлялись не вполне безупречные доказательства, если внутренне были убеждены в виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Причем чем выше была общественная опасность и резонансность преступления, тем менее суды склонны были становиться на сторону подсудимого (5, с. 40).

Позиция судей заслуживает внимания и понимания. Ведь судьи оценивают в настоящее время доказательства, согласно ст. 17 УПК РФ, руководствуясь законом и совестью, а совесть, очевидно, не позволяет им выносить несправедливые приговоры, когда они убеждены в виновности осуждаемого при том, что допущенные в досудебном производстве нарушения закона при собирании доказательств являлись лишь формальными и не способными реально повлиять на достоверность содержащийся в доказательствах информации. Как верно указывала П. С. Элькинд, «наряду с правовыми отношениями в уголовном процессе

возможны отношения неправовые (например, собственно моральные» (10, с. 28).

Видимо, отдавая себе отчет в этом, верховная судебная власть испытывает стремление смягчить жесткость критериев признания доказательств недопустимыми. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок уголовного судопроизводства)» указал, что доказательства признаются недопустимыми, в частности, «если были допущены **существенные** нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами» (п. 13).

Определение существенности допущенных при получении доказательств нарушений уголовно-процессуального закона предполагает выяснение степени их влияния на достоверность доказательственной информации и обеспечение прав вовлекаемой в производство по уголовному делу личности, что связано с необходимостью формирования в практике производства по уголовным делам относительно устойчивых критериев для констатации наличия допустимости–недопустимости того или иного доказательства в каждом конкретном случае. И в данной ситуации не будет лишним обращение к опыту обеспечения законности в работе следователей и судей с доказательствами, отраженному в научно-практических источниках времен развития творчества П. С. Элькинд и ее коллег в науке советского уголовного процесса, когда при всей важности соблюдения требований закона придавалось также должное значение наличию хотя бы частичного сохранения юридической силы доказательств, при получении которых в силу неопытности или недостаточной ответственности правоприменителя оказались не в полной мере исполнены требования уголовно-процессуального закона. Например, в ситуации, когда обыск проводился без участия понятых до (после) определенного момента и часть объектов обнаруживалась в присутствии понятых, считалось возможным признавать легитимность их обнаружения и использования в доказывании по уголовному делу, «поскольку «дефектная» и «недефектная» информация в содержании доказательства могут быть разделены» (6, с. 243).

Список использованных источников

1. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
2. Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Дону, 1999.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / А. В. Агутин, А. С. Александров, Л. Б. Алексеева и др.; науч. ред. В.Т. Тomin. М., 1996.
4. Михайловская И. Б. О положении личности в англо-американском уголовном процессе. М., 1961.
5. Пюк А. В. Роль внутреннего убеждения судьи в решении вопросов допустимости уголовно-процессуальных доказательств // Российская юстиция. 2012. № 4..
6. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н. В. Жогин, изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1973.
7. Филин Д. В. Дифференциация доказательственной информации // Законность. 2002. № 2.
8. Шадрин В.С. Криминалисть. 2011. № 1 (8).
9. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963.
10. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976.

2. ВЫСТУПЛЕНИЯ И СООБЩЕНИЯ УЧАСТНИКОВ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ

Динмухамед Адилев

студент бакалавриата
юридического факультета СПбГУ
Научный руководитель: д.ю.н., профессор, А. Д. Назаров

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (ЭКСПЕРТ, СПЕЦИАЛИСТ)

В статье рассмотрено понятие формы привлечения и использования специальных знаний разных авторов. В уголовном судопроизводстве знания, полученные в процессе профессионального обучения, могут признаваться специальными лишь в том случае, когда они соответствуют современному состоянию науки, техники, искусства и ремесла. С помощью специальных знаний субъекты доказывания формируют такие виды доказательств, как заключения и показания специалиста и эксперта.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; специальные знания; заключение эксперта; заключение специалиста; виды доказательств.

Dinmukhamed Adilov

Bachelor's student,
Faculty of Law,
St. Petersburg State University
Scientific Adviser: Dr. Sci. in Law, professor, Aleksandr D. Nazarov

SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS (EXPERT, SPECIALIST)

The article considers the concept of the form of attraction and use of special knowledge of different authors. In criminal proceedings, knowledge acquired in the process of vocational training can be recognized as special only if it corresponds to the current state of science, technology, art and craft. With the help of special knowledge, the subjects of proof form such types of evidence as the conclusions and testimony of a specialist and an expert.

Key words: criminal proceedings; special knowledge; expert opinion; expert opinion; types of evidence.

В уголовно-процессуальном законе указывается, что специалист – это лицо, обладающее, как и эксперт, специальными знаниями (ч. 1 ст. 58 УПК). В то же время понятие специальных знаний в законе не приводится. Это отмечается и в теории уголовного судопроизводства. Так, Е. Р. Россинская, называя специальными знаниями совре-

менные достижения естественных, технических, экономических и других наук, пишет: “Закон не дает определения понятия «специальные знания». Традиционно в юридической литературе под этим термином понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского судопроизводства. Причем к специальным обычно не относят общеизвестные, а также юридические знания” [4, с. 7].

Заметим, что в данном определении специальная подготовка и профессиональный опыт употребляются не как составные части единого понятия, а как самостоятельные критерии специальных знаний. Это, очевидно, должно означать, что наличие профессионального опыта без соответствующей теоретической подготовки вполне подходит под определение специальных знаний [2, с. 208].

В другой своей научной работе Е. Р. Россинская отмечает, что “в каждом конкретном случае необходимо проанализировать характер требуемых знаний и решить вопрос, являются ли они специальными. Здесь лучше не опираться только на житейский опыт и здравый смысл, ибо то, что кажется простым и обыденным, на самом деле является сложным и требует внимания специалиста” [5, с. 196]. В. В. Степанов и Л. Г. Шапиро предлагают следующее определение специальных знаний в уголовном судопроизводстве: “Специальные знания – это не являющиеся правовыми знания в различных областях деятельности, полученные в рамках высшего профессионального образования, включающие знания теории, навыки и умения, и используемые сторонами (обвинения и защиты), а также судом в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом” [6, с. 15]. Включение в данное определение навыков и умений позволяет судить о том, что в данном случае, по мнению авторов, полученные в рамках высшего профессионального образования теоретические знания невозможно использовать без наличия у конкретного субъекта соответствующих умений и навыков, то есть опыта практического применения имеющихся теоретических знаний. Напротив, А. Н. Петрухина полагает недопустимым включение понятия «умения и навыки» в содержание понятия «специальные знания», поскольку навыки и умения присущи любому, в том числе и специальному знанию. В этой связи, рассуждает она, “специальными знаниями при назначении и производстве экспертизы являют-

ся профессиональные знания в науке, искусстве, технике и ремесле (за исключением профессиональных знаний следователей и судей), не являющиеся общедоступными и общеизвестными, которые используются в случаях и порядке, установленных уголовно-процессуальным законом, с целью получения такого вида доказательства, как заключение эксперта”**Ошибка! Закладка не определена.** Как видно из приведенных определений, специальными знаниями в юридической литературе, как правило, называются профессиональные, то есть не легко доступные и общеизвестные знания, которые получают в процессе специального обучения [3, с. 29].

В сфере уголовного судопроизводства специальные знания, то есть органичный сплав профессиональных теоретических знаний в определенной сфере познавательной деятельности и не менее профессионального опыта, имеют огромное значение. Уместно в данном случае привести соответствующее суждение Е. П. Гришиной, представляющееся вполне справедливым: “Исключительная значимость привлечения так называемых сведущих лиц в процесс производства по уголовному делу обусловлена по крайней мере тремя обстоятельствами. Во-первых, своевременным освоением экспертами, специалистами и иными сведущими лицами новейших достижений науки и техники. Во-вторых, способностью целенаправленно и высокопрофессионально использовать эти знания, что само по себе открывает неограниченные возможности для получения достоверных доказательств и, в конечном итоге, установления истины по уголовному делу. В-третьих, незаменимостью обладателей этих знаний как в информационном (удостоверительном) плане, так и процессуальном” [1, с. 13].

Применение специальных знаний происходит в процессе осуществления названных функций и в их нормативных границах, однако оно имеет субсидиарный, а не самостоятельный характер. Кроме того, отличается своеобразием и правовая ответственность сведущих лиц в уголовном судопроизводстве. Она ни при каких условиях не может возлагаться на следователя, суд или защитника, поскольку персонифицирована применительно к таким участникам уголовного судопроизводства, как эксперт и специалист. Кроме того, формирование доказательства посредством применения специальных знаний сведущего лица означает дальнейшую возможность проверки такого доказательства с перспективой придания ему соответствующей юридической силы либо признания негодным средством доказывания вследствие содержания в нем недостоверной фактической информации. В целом, свидетельствует о необходимости и целесообразности привлечения к фор-

мированию доказательств посредством специальных знаний соответствующих сведущих лиц, и, с другой стороны, о нецелесообразности такого формирования доказательств непосредственно самим субъектом доказывания в тех случаях, когда он обладает такими знаниями.

Заключение эксперта – это один из классических видов доказательств, который является результатом не менее классического следственного (судебно-следственного) действия: производства судебной экспертизы. Данный вид доказательства представляет собой сделанные на основе исследования выводы эксперта, т.е. лица, которое обладает специальными познаниями (в науке, технике, искусстве или ремесле), никак не связано с расследуемыми событиями и привлечено для дачи заключения специальным решением дознавателя, следователя или суда. Иначе говоря, когда установление того или иного факта выходит за пределы компетенции органа расследования или правосудия и требует специальных знаний, этот орган прибегает по своей инициативе (*ex officio*) или по просьбе сторон к помощи эксперта для дачи заключения по поставленным вопросам [7, с. 501].

Экспертиза, всегда отражая новейшие научные достижения, перманентно развивается и с содержательной точки зрения трансформируется, что приводит к появлению новейших видов экспертиз и т.д. [7, с. 502].

В уголовно-процессуальном понятии заключения эксперта следует отличать друг от друга материальную (сущностную) и формальную стороны, причем заключение эксперта представляет собой неразрывный симбиоз (единство) этих двух сторон. В материальном смысле заключение эксперта представляет собой выводы лица, обладающего специальными знаниями. Здесь упор делается на содержательную сторону заключения, которое должно исходить от компетентного в соответствующих вопросах человека, обладающего особой квалификацией. В формальном смысле заключение эксперта предстает результатом специального следственного действия, произведенного следователем, дознавателем и судом. Здесь упор делается на процессуальную форму, т.е. совокупность решений и действий, которые приводят к появлению заключения эксперта. Строго говоря, понятие заключения эксперта отражает на более конкретном уровне общее понятие доказательства как обязательного единства сведения и источника с тем лишь уточнением, что «сведения» в данном случае должны непременно содержать специальные знания, а «источник» представлять в виде сложного следственного действия судебной экспертизы [7, с. 502-503].

УПК РФ. Статья 57. ЭКСПЕРТ

1. Эксперт относится к числу субъектов, привлекаемых к участию в доказывании. Экспертом является любое компетентное в определенной сфере знаний сведущее лицо, лично незаинтересованное в исходе уголовного дела, назначенное для производства экспертизы путем исследования представленных материалов и дачи заключения, имеющего значение доказательства [8, с. 147].

Происходит от лат. expertus – опытный.

Фактическим основанием привлечения лица в качестве эксперта является наличие специальных, не входящих в круг общеизвестных, знаний в какой-либо отрасли (науке, технике, промышленном производстве, ремесле или искусстве). Сферу специальных знаний и категории экспертов закон не ограничивает. Вместе с тем эксперт должен обладать профессиональными познаниями, достаточными для проведения соответствующих исследований и дачи заключения по поставленным вопросам. На основании ч. 2 ст. 195 УПК эксперты подразделяются на государственных судебных экспертов и иных лиц, обладающих специальными знаниями [8, с. 147].

Процессуальным основанием является письменное решение должностного лица (органа), в чьем производстве находится дело, о привлечении его для производства экспертизы и дачи заключения по уголовному делу. Эксперт привлекается для выполнения самостоятельных экспертных исследований, т.е. проводит их вне рамок каких-либо других процессуальных действий. Эксперт может быть назначен из числа предложенных участником процесса лиц и приглашен сторонами. Экспертами могут быть только физические лица, даже в тех случаях, когда экспертиза проводится в экспертном учреждении.

Лицо приобретает процессуальный статус эксперта в связи с назначением экспертизы по конкретному уголовному делу. Нахождение лица на должности эксперта в государственном или ином экспертном учреждении означает лишь наличие специальной процессуальной дееспособности, определяющей возможность стать экспертом в уголовно-процессуальном смысле. Производство экспертизы может быть поручено любому компетентному специалисту независимо от его служебного положения и других обстоятельств, в том числе и частному лицу [8 с. 147].

Эксперт независим от должностных лиц и органов, производящих расследование по делу, а также суда. Не допускается воздействие на эксперта в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса [8 с. 147].

Эксперт не решает и не предрешает вопросов правового характера, связанных с юридическими понятиями, применением норм права, квалификацией преступления и т.п., так как эта профессиональная деятельность является прерогативой органов следствия и суда. Вместе с тем эксперт может быть вызван для дачи разъяснений по поводу проведенного им исследования по уголовному делу. Федеральным законом от 31 мая 2001 года N 73-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 года) "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" [8, с. 147-148].

УПК РФ. Статья 58. СПЕЦИАЛИСТ

1. Настоящая статья определяет процессуальное положение специалиста как иного субъекта уголовного судопроизводства, участвующего в процессе доказывания.

Специалист, как и эксперт, – это сведущее лицо, во-первых, обладающее достаточными специальными знаниями в определенной сфере, присущими различным видам профессиональной деятельности, во-вторых, независимое и не заинтересованное в исходе уголовного дела (не имеющее в нем личного процессуального интереса), в-третьих, закрепляющее результаты своей деятельности в виде доказательств. Эти обстоятельства являются общими для специалистов и экспертов, и закон не делает принципиальных различий в видах и объеме их специальных познаний. В связи с этим до начала следственного или иного процессуального действия следователь (дознатель) должен удостовериться не только в компетентности эксперта, но также выяснить его отношение к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему (ст.168 УПК) [8, с. 149].

*Происходит от лат. *specire* – видеть, *spy* – наблюдать.*

2. Установление уровня знаний и навыков эксперта, необходимых для проведения следственного или судебного действия, может осуществляться на основании документов о специальном образовании, стаже работы в данной области и т.п. Специалист должен обладать не только специальными знаниями в науке, технике, искусстве и ремесле, но также навыками и умениями их применения. В этой связи представляется важным указание в числе прав специалиста гарантированной возможности отказаться от участия в производстве по делу ввиду отсутствия соответствующих специальных знаний. В некоторых статьях УПК указывается профессия лица, специальные познания которого могут быть использованы в ходе проведения следственного действия. Так, в ст.178 УПК имеется прямое указание на то, что в наружном осмотре трупа участвует специалист в области судебной медицины

(судебно-медицинский эксперт), а при невозможности его участия – иной врач. В качестве специалистов могут привлекаться кинологи, взрывотехники и др. Следователь-криминалист не обладает уголовно-процессуальным статусом специалиста [8, с. 149].

3. Задачами специалиста в уголовном судопроизводстве следует считать, с одной стороны, оказание технической и консультативной помощи участникам уголовного судопроизводства, содействие в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, и применении технических средств, а также разъяснение вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. С другой стороны, специалист в определенных случаях выступает гарантом прав других участников судопроизводства, например, при реализации прав несовершеннолетнего на участие в его допросе педагога либо психолога (ст. 191 УПК) или при проведении освидетельствования врачом в случае, когда освидетельствуемый – другого пола по отношению к следователю (ст. 179 УПК) [8, с. 149].

4. В уголовно-процессуальном положении специалиста и эксперта имеются различия, главное из которых состоит в их процессуальном предназначении. Эксперт, используя специальные познания, проводит экспертное исследование, на основании которого формирует свое заключение, признаваемое законом в качестве одного из видов доказательств. Специалист, как и эксперт, проводит исследование, но эти исследования носят предварительный, ориентирующий характер, не отличаются особой глубиной, не требуют длительного времени и соответствуют эмпирическому уровню познания. Кроме того, в ч. 1 настоящей статьи закреплены четыре группы полномочий специалиста, которых нет у эксперта [8, с. 149].

Заключения и показания эксперта и специалиста могут противоречить друг другу. Высказанное специалистом мнение не заменяет заключения эксперта [8, с. 150].

Еще одним обстоятельством, характеризующим специалиста как процессуальную фигуру, является то, что для признания лица специалистом в процессуальном смысле этого слова необходимо его непосредственное участие в следственном действии. Деятельность специалиста является составной частью следственного действия, фактически одним из процессуальных и тактических средств его поведения. Привлечение эксперта в уголовный процесс отличается также процессуальным порядком. Для того чтобы эксперт получил свой процессуальный статус, необходимо постановление о назначении экспертизы. В отношении специалиста закон не предусматривает особой процессу-

альной формы, он может быть вызван повесткой, приглашен по различным средствам связи и т.п.

Заключение специалиста – это новейший вид доказательств, который в отличие от заключения эксперта не был известен российской уголовно-процессуальной системе до принятия Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, дополнившего ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Уже из его наименования видно, что речь здесь также идет об использовании в уголовном процессе специальных знаний. В чем смысл данного нововведения, какое место занимает заключение специалиста в системе отдельных видов доказательств и каково его соотношение с традиционным заключением эксперта? Эти вопросы немедленно возникли как в теории, так и на практике. Но ответ на них оказался крайне непросто, породив ряд научных дискуссий. Не будет преувеличением утверждать, что заключение специалиста до сих пор остается определенной загадкой для отечественной теории доказательств [7, с. 503].

Наиболее распространенная точка зрения, нашедшая отражение не только в доктрине, но и в авторитетной судебной практике, основывается на терминологическом различии в нормативных определениях заключения эксперта и заключения специалиста [7, с. 503]. Если применительно к заключению эксперта говорится о том, что оно представляет собой содержание исследования (ч. 1 ст. 80 УПК РФ), то применительно к заключению специалиста речь идет о суждении (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Соответственно, там, где необходимо исследование, должна производиться экспертиза, там, где необходимости в исследовании нет и достаточно «суждения», можно ограничиться заключением специалиста. В такой ситуации заключение специалиста предстает как некое «облегченное» заключение эксперта. Введя новый вид доказательства и нового процессуального субъекта – специалиста, дающего заключение, законодатель сумел терминологически отделить его от традиционного эксперта, но столкнулся с другой проблемой, когда новое понятие совпало по звучанию со старым, хотя речь идет о разных процессуальных явлениях и отождествлять их законодатель не предполагал. Возник феномен нормативной омонимии, когда два понятия (в данном случае «специалист») одинаково пишутся и звучат, но являются автономными по отношению друг к другу институтами [7, с. 507].

Таким образом, следует различать:

а) эксперта (классическая экспертиза); в) специалиста, дающего заключение («альтернативная» экспертиза сторон);

в) специалиста в традиционном понимании, участвующего в производстве следственных (судебно-следственных) действий [7, с. 507].

В доказательственном плане в результате деятельности первых двух мы получаем самостоятельные виды доказательств: заключение эксперта и заключение специалиста. Деятельность третьего к появлению самостоятельного вида доказательств не приводит, а отражается в протоколах следственных и судебных действий [7, с. 507].

Следует также добавить, что в последние годы широкое распространение получили различные заключения, которые дают по уголовным делам профессора права, известные адвокаты, зарубежные юристы и т.д. Речь идет о ситуациях, когда то или иное положение закона вызывает доктринальные споры или возникает, допустим, потребность в толковании норм смежных отраслей права, иностранного законодательства и т.п. Стороны нередко стремятся приобщить такие заключения, чаще всего действуя в своих интересах и оформляя их в виде заключений специалиста». Нередко их ходатайства о приобщении удовлетворяются органами расследования и судами [7, с. 507].

Необходимо иметь в виду, что в последнем случае мы сталкиваемся с феноменом, который не имеет в российском уголовном процессе четких институциональных оснований. С теоретической точки зрения, он наиболее близок к известному главным образом в англосаксонских странах и в деятельности международных судебных инстанций институту *amicus curiae* (дословно лат. – друг суда), предполагающему право сторон привлекать для подтверждения своей позиции носителей тех доктринальных правовых знаний, которые не обязательно известны суду, но могут быть ему полезны при рассмотрении дела [7, с. 507]. Каково бы ни было наше отношение к данной практике, следует учитывать, что речь в любом случае не идет о доказательствах, так как заключения такого рода специалистов (экспертов-юристов) не касаются и не должны касаться фактических обстоятельств делам [7, с. 508]. Иначе говоря, здесь речь идет не об установлении фактических обстоятельств дела, а о попытке представить свою позицию по вопросам применения правовых норм, что не позволяет отнести такие «заключения» ни к числу заключений эксперта, ни к числу заключений специалиста в строго доказательственном смысле [7, с. 508]. Что касается собственно доказывания, то в его рамках «постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место убийство

или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается» (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 “О судебной экспертизе по уголовным делам”) [7, с. 508].

Остается добавить, что в остальном показания эксперта и специалиста подчиняются тем общим правилам, которые характерны для показаний вообще. Они даются в устной форме, могут быть получены только в результате допроса и т.д. Очевидны и отличия, касающиеся прежде всего содержания данных видов доказательств. В отличие от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля эксперт и специалист не являются непосредственными участниками расследуемых событий, поэтому ничего сказать о них не могут. Они дают показания лишь по поводу сделанных ими выводов при подготовке заключений, что опять-таки объясняет строго акцессорный характер данных видов доказательств [7, с. 510].

Список использованных источников

1. Гришина Е. П. Перспективы использования специальных знаний психолога в уголовном судопроизводстве / Российский следователь. 2005. № 7.
2. Захохов З. Ю. Понятие и содержание заключения специалиста в уголовном судопроизводстве // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 2.
3. Петрухина А. Н. Специальные знания как необходимый элемент заключения эксперта в уголовном процессе // Российский судья. 2007. № 8.
4. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.
5. Россинская Е. Р. К вопросу об отнесении знаний, используемых в судопроизводстве, к специальным // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 6. Воронеж, 2005.
6. Степанов В. В., Шапиро Л. Г. Концептуальные проблемы понятия специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестник криминалистики. Вып. 4 (12). 2004.
7. Курс уголовного процесса / Под ред. Головки Л.В. М., 2017.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Комментарий, разъяснение, статья. Ст. 57, 58 с изм. и допол. в ред. от 01.03.2016.

Тагир Михайлович Бареев

кандидат медицинских наук, доцент кафедры правовой психологии,
судебной экспертизы и педагогики,
Саратовская государственная юридическая академия

Юлия Евгеньевна Карсюкова

студентка юридического факультета
Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н. Г. Чернышевского

Влада Алексеевна Султанова

студентка юридического факультета
Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н. Г. Чернышевского

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Данная статья освещает важность использования судебно-медицинской экспертизы в установлении обстоятельств преступления. В ней представлены примеры из практики выполнения повторных экспертиз. Повторные исследования и заключения позволяют обеспечить полноту и объективность расследования, реализацию принципа состязательности сторон в уголовном и гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, повторная экспертиза, судебно-гистологическое исследование, танатогенез, механическая асфиксия, доказательство.

Tagir M. Baraev

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Psychology, Forensic Examination and Pedagogy
Saratov State Law Academy

Yulia E. Karsyukova

student, Faculty of Law
Saratov National Research State University

Vlada A. Sultanova

student, Faculty of Law
Saratov National Research State University

THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE AS EVIDENCE IN CRIMINAL AND CIVIL PROCEEDINGS

This article highlights the importance of using forensic medical examination in establishing the circumstances of a crime. It presents examples from the practice of performing repeated examinations. Repeated studies and conclusions make it possible to ensure the completeness and objectivity of the investigation, the implementation of the principle of adversarial parties in criminal and civil proceedings.

Keywords: forensic medical examination, re-examination, forensic histological examination, thanatogenesis, mechanical asphyxia, proof.

Важную роль в установлении обстоятельств совершенного преступления, повлекшего причинение вреда здоровью или смерть человека, принадлежит судебно-медицинской экспертизе (СМЭ). В случаях неполноты, неясности, противоречивости первичной экспертизы проводится повторная экспертиза или делается повторное заключение (мнение) специалиста-медика [1]. Это позволяет обеспечить полноту и объективность расследования, реализацию принципа состязательности сторон, что в последующем оказывает положительное влияние на законность, обоснованность и справедливость судебного приговора.

В данной статье приводится несколько примеров из судебно-экспертной практики, когда были уточнены механизм травмы и причинно-следственная связь между травмой и исходом (причинением вреда здоровью или смерти). В итоге это уточнение, по нашему мнению, должно повлиять на юридическую квалификацию совершенного деяния.

Пример № 1. Танатогенез (механизм умирания) и причину смерти при механической асфиксии не всегда можно установить во время судебно-медицинского исследования трупа. Во многих случаях для этого требуется изучение результатов судебно-гистологического исследования кусочков тканей, изъятых у трупа: головного мозга, сердца, почек и т.д.

Завершенная механическая асфиксия в своем течении проходит через 4 стадии, приводит к гибели клеток подкорковых структур (ствола) головного мозга из-за кислородного голодания (гипоксии) с последующим прекращением работы сердца и дыхания. Этот процесс по времени занимает в целом не менее 5 мин., т.е., согласно обстоятельствам преступления, именно таковой должна быть длительность сдавления руками шеи (удавления-удушения) [4, с. 12].

Доказательством гибели подкорковых центров регуляции являются обнаруженные при судебно-гистологическом исследовании при-

знаки гибели и дистрофии клеток, атрофии головного мозга (нейронов): необратимые изменения в виде очаговых глиозно-клеточных пролифератов с выпадением нейронов, лизис ядер и ядрышка и т.п. Если указанных нарушений в подкорковых тканях головного мозга не выявлено, тогда нельзя утверждать о завершенности механической асфиксии т.е. смерти от удушения руками. В этом случае можно говорить только о факте травмы шеи, которая сама по себе может привести к смерти без асфиксии в разные сроки – от нескольких секунд до нескольких минут.

Например, во время конфликта на бытовой почве обвиняемая Е. сдавила рукой шею потерпевшей К., которая скоропостижно скончалась. При судебно-медицинском исследовании трупа К. были выявлены кровоподтеки в мягких тканях шеи и небольшой сгибательный перелом перстневидного хряща гортани, а также наружные и внутренние признаки быстро наступившей смерти. Одновременно было отмечено, что миокард (сердечная мышца) на разрезе имеет неравномерную красно-коричневую окраску с участками розового цвета. Эти находки трактовались, как признаки механической странгуляционной асфиксии (удавление руками), длившейся в течение 5-6 минут.

При проведении повторного судебно-медицинского исследования мы обратили внимание на результаты проведенных судебно-гистологических исследований, из которых следовало, что в сердечной мышце К. имелись признаки ишемической болезни сердца (ИБС): дистрофии клеток, фрагментации и волнообразной деформации мышечных волокон, отека межмышечной стромы, коронароспазма. В то же время в подкорковых тканях головного мозга отмечался только незначительный отек и плазматизация отдельных сосудистых стенок без гибели и дистрофии нейронов. Поэтому мы пришли к выводу, что у потерпевшей К. последовала внезапная коронарная смерть (ВКС), вследствие острой коронарной недостаточности (ОКН) на фоне ИБС. В данном случае имелись все признаки сердечного танатогенеза: остановка большого (ИБС) сердца после кратковременной травмы шеи, сопровождавшейся раздражением рефлексогенных зон (блуждающего и гортанного нервов, нервных сплетений) [3, с. 66]. Этот генез подтверждался и описанными выше макроскопическими изменениями в миокарде. Признаков мозгового танатогенеза мы не констатировали и соответственно не нашли подтверждения длительного сдавления шеи К. рукой Е. Этот механизм смерти (отсутствие мозгового танатогенеза) позволяет уточнить обстоятельства происшествия в пользу подозреваемой Е.

Пример № 2. Из выводов судебно-медицинской экспертизы № 151 от 04.05.2021 г. следует, что здоровью 76-летней Ж. был причинен вред средней тяжести вследствие травмы правого плечевого сустава. При детальном изучении представленных медицинских документов и результатов ультразвукового исследования мы удостоверились в наличии у пострадавшей хронических патологических изменений в суставе. Поэтому в повторном заключении специалиста № 51 от 20.05.2022 г. мы отметили отсутствие прямой причинно-следственной связи между травмой и изменениями в суставе у Ж. и сделали вывод о невозможности оценки тяжести вреда, причиненного ее здоровью возможной травмой.

Пример № 3. По сведениям из Заключения № 1386 от 16 мая 2022 г. здоровью потерпевшего М. 1957 г. р. был причинен тяжкий вред по признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности более, чем на одну треть, вследствие развившегося после ожога резкого ограничения движений в суставах кистей в функционально невыгодном положении пальцев. При выполнении повторного исследования документов мы выявили, что потерпевшему М. была выполнена пересадка кожи на тыл кистей. Кожные трансплантаты трансформировались в рубцы, которые и стали непосредственной причиной контрактуры суставов пальцев. То есть, между самой ожоговой травмой и ограничением функции кистей отсутствует прямая причинно-следственная связь. Поэтому оценка тяжести вреда, причиненного здоровью М. ожогом кистей должна квалифицироваться не по признаку стойкой утраты общей трудоспособности, а по признаку длительности расстройства здоровья. Таким образом, термическим ожогом кистей здоровью М. был причинен вред средней тяжести по признаку длительного расстройства здоровья продолжительностью свыше трех недель (более 21 дня) [2].

Использование специальных знаний в форме повторной судебно-медицинской экспертизы или заключения (мнения) специалиста – медика является необходимым доказательством в уголовных и гражданских делах, связанных с гибелью или причинением вреда здоровью человека.

Повторные исследования и заключения позволяют обеспечить полноту и объективность расследования, реализацию принципа состязательности сторон, что в последующем оказывает положительное влияние на законность, обоснованность и справедливость судебного приговора.

Список использованных источников

1. Бараев Т. М., Шапиро Л. Г., Чесноков В. С. Повторная судебно-медицинская экспертиза и заключение специалиста-медика как средства доказывания по уголовным делам // Вестник СГЮА. 2022. № 6 (149). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtornaya-sudebno-meditsinskaya-ekspertiza-i-zaklyuchenie-spetsialista-medika-kak-sredstva-dokazyvaniya-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 06.06.2023).
2. Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (Приложение к приказу МЗ и СР РФ от 24 апреля 2008г. № 194н).
3. Судебная медицина и судебно-медицинская экспертиза: национальное руководство / под ред. Ю. И. Пиголкина. М., 2014.
4. Судебно-медицинская диагностика причины смерти и установление танатогенеза морфологическими методами. Методические рекомендации РЦСМЭ. Москва, 2012.

Тагир Михайлович Бараев

кандидат медицинских наук, доцент кафедры правовой психологии,
судебной экспертизы и педагогики
Саратовской государственной юридической академии

Влада Алексеевна Султанова

студентка юридического факультета
Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н. Г. Чернышевского

Юлия Евгеньевна Карсюкова

студентка юридического факультета
Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н. Г. Чернышевского

ЖИЗНЬ, ГИБЕЛЬ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОСТАНКОВ ВРАЧА Е.С. БОТКИНА

320-летию г. Санкт-Петербурга посвящается...

Данная статья освещает тему жизни, гибели и судебно-медицинской экспертизы останков врача Боткина Е.С. Кратко изложена биография Боткина Е.С., описаны последние годы служения царской семье. В ней представлены сведения о результатах судебно-медицинского исследования костных останков, которые показывают значение получения и использования вещественных доказательств, а также роль специальных знаний при расследовании преступлений с давним сроком.

Ключевые слова: Боткин Е.С., врач, ранение, убийство, судебно-медицинское исследование.

Tagir M. Baraev

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Psychology, Forensic Examination and Pedagogy
Saratov State Law Academy

Vlada A. Sultanova

Student, Faculty of Law
Saratov National Research State University

Yulia E. Karsyukova

Student, Faculty of Law
Saratov National Research State University

LIFE, DEATH AND FORENSIC MEDICAL EXAMINATION OF DOCTOR E.S. BOTKINA

Dedicated to the 320th anniversary of St. Petersburg

This article covers the topic of life, observation and forensic medical examination of the remains of the doctor Botkin E.S. The biography of E.S. Botkin, the high last years of the service of the royal family are briefly described. It contains information about forensic skeletal examination, which includes the identification and use of identified signs, as well as the role of special knowledge in the investigation of long-term crimes.

Keywords: Botkin E. S., doctor, injury, murder, forensic investigation.

Боткин Евгений Сергеевич, профессор, действительный статский советник (генерал медицинской службы) был убит вместе с царской семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в полуподвальном помещении дома Ипатьева в Екатеринбурге. Е.С. Боткин родился в 1865 г. в семье знаменитого российского врача, основоположника клинической и военно-полевой терапии Сергея Петровича Боткина, ученика Н. И. Пирогова. В 1889 г. Е. С. Боткин окончил с отличием Медико-хирургическую (военно-медицинскую) академию, работал врачом в Мариинской больнице для бедных, в 1893 г. защитил диссертацию, был в заграничной командировке, преподавал в Военно-медицинской академии. Участник русско-японской войны, награжден 2-мя орденами. С 1908 по 1918 г. Е. С. Боткин лейб-медик (семейный врач) Царя Николая II.

Е. С. Боткин – один из тех немногих приближенных Николая II, который добровольно остался с бывшим Императором после его отречения в марте 1917 г. до его гибели в июле 1918 г. Выполняя свой профессиональный и духовный долг, Евгений Сергеевич прошел через все тяготы и лишения и был убит вместе с семьей. Незадолго до смерти он писал: *«Надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза... Меня поддерживает убеждение, что «претерпевший до конца спасется» и сознание того, что остаюсь верным принципам выпуска 1889-го года... чтобы исполнить свой врачебный долг до конца...».*

В доступных нам источниках нет документов, которые прицельно освещали бы жизнь и деятельность Е. С. Боткина в период ссылки царской семьи в Сибирь (Тобольск и Екатеринбург), поэтому мы изучили сведения из исторических и архивных материалов указанного периода, где имеются упоминания о нем. Это позволило воссоздать в целом интересующие нас обстоятельства.

Е. С. Боткин прибыл в Тобольск 19 августа 1917 г. вместе с семьей бывшего царя на пароходе «Русь». До 26 августа они оставались на

пароходе, так как предназначенный им для проживания бывший дом губернатора не был подготовлен к приему. Доктор Боткин был загружен обязанностями врача, потому что его подопечные часто болели. Это было естественно связано с обстановкой заточения, ссылки, сменной часовых поясов и климата. Особенно часто жаловалась на сердце бывшая Государыня. Чувство подавленности испытывали дети Николая II. В этих условиях существенную поддержку им оказывали знания и умения Боткина как психолога (в годы работы и преподавания в Военно-медицинской академии он много внимания уделял изучению и практическому использованию психологии).

Следует отметить, что, отдав себя служению царской семье, Евгений Сергеевич обрек себя на одиночество в личной жизни. Тоскуя о своих детях, которых было четверо, он говорил: *«Я умер, но еще не похоронен... и очень хотел бы знать, что делают мои детки, ...быть бы к ним ближе и несомненно полезнее, чем я сейчас»*. Часто общаясь с глубоко верующей Александрой Федоровной, которая строила все свои жизненные принципы на религиозных началах, Боткин также в вере находил для себе отдушину и облегчение. Вместе с царской семьей он посещал церковь, участвовал в богослужениях. Вместе со всеми он принимал пищу и участвовал в жизни семьи: беседах, играх, групповом чтении книг [6, с.199].

Евгений Сергеевич был очень мужественный человек. Он страдал болезнью почек, поэтому нередко испытывал приступы почечной колики. Тем не менее, он редко жаловался на свое здоровье, стойко переносил такие приступы, оставаясь всегда при исполнении врачебного долга. Боткин сопровождал Николая II и Александру Федоровну во время их переезда из Тобольска в Екатеринбург в условиях распутицы, холода и сырости, отсутствия элементарных удобств, испытывая при этом мучительные боли.

В Екатеринбург семья прибыла 30 апреля 1918 г. и была размещена в доме инженера Ипатьева. Здесь условия жизни и содержания было значительно хуже, чем в Тобольске. По сути, семья и ее приближенные были определены под стражу с тюремным режимом: теснота, скудость пайка и отсутствие элементарных бытовых удобств, изоляция со строгим режимом общения и передвижения. При этом над ними постоянно нависала угроза расправы со стороны пролетариата Урала [2, с. 218].

Лишения, унижения, которые стала испытывать семья, понимавшая приближение кровавой развязки, естественно стали отрицательно сказываться на самочувствии ее членов. Отсутствие возможности для лечения и обследования существенно усложнили возможности

оказания медицинской помощи больным, и Боткину приходилось максимально использовать элементарные условия оказания помощи, свои психологические знания и способности. Особую роль для узников приобрела вера в Бога и молитва.

В ссылке вместе с бывшим царем находился его несовершеннолетний наследник цесаревич Алексей. Он страдал врожденной гемофилией, которая в условиях заточения протекала в тяжелой форме. Еще в тобольский период жизни у ребенка, по отмеченным в документах признакам, развился гемартроз, синовит коленного сустава и реактивный паховый лимфаденит, сопровождавшиеся лихорадкой. В Екатеринбурге его состояние настолько ухудшилось, что он оказался практически прикованным к постели. Это обстоятельство требовало постоянного участия и присутствия врача, поэтому Евгению Сергеевичу приходилось посещать и оказывать помощь больному ребенку в любое время суток [5, с. 238].

На Е. С. Боткина были также возложены обязанности связующего звена между семьей царя и его охранниками. При этом он неоднократно ходатайствовал о смягчении режима и выделении дополнительного питания и медикаментов для больного Алексея, других членов семьи, а также добивался разрешения о проведении молебнов. Обычно это ему удавалось. Бывшая царица иногда обращалась к власти с претензиями и ходатайствами на английском языке, высказывая их в достаточно резкой форме. Боткин при этом играл роль переводчика, пытаясь смягчить взаимоотношения между жертвами и палачами.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. семья Николая II была расстреляна. В полночь жертвы уже спали. Палачи сначала разбудили Е. С. Боткина, который затем поднял всех остальных. В расстрельной комнате доктор, в готовности оказать помощь, стал справа и несколько сзади от бывшего царя и наследника. Поэтому он одним из первых получил огнестрельные ранения, сразу после убийства «наповал» Николая II. Стрелявших в него было не менее двух человек, т.к. ранения, причиненные ему, по данным экспертиз, были из разных пистолетов и разного калибра. Первые ранения были в область живота (2 пули) и правой голени (1 пуля) [1].

Трупы 11 убитых были вывезены ночью в предместье Екатеринбурга близ с. Коптяки на старый рудник в урочище «Четырех Братьев», где они вначале были сброшены в пустую шахту. На следующий день их извлекли и попытались сжечь на кострах, разложенных в лесу. Но этого сделать не удалось, поэтому трупы 9 взрослых людей вывезли в лес и захоронили [4, с. 300]. При этих перемещениях тел у Е. С. Ботки-

на выпали и затерялись в траве протез верхней челюсти, пенсне, щетка для усов и бороды, держатель для галстука и запонка от воротничка. В последующем эти предметы были найдены следователями и стали важнейшими вещественными доказательствами в деле об убийстве царской семьи.

Летом 1991 г. были проведены раскопки екатеринбургского захоронения, извлечены останки тел девяти взрослых людей. При проведении расследования и идентификации лиц были использованы судебно-стоматологические исследования, рентгено и телерентгенография, расшифровка с использованием электронных анализаторов, цефалометрия, рентгеноспектральный анализ, математическая оценка и ДНК-анализы. Это позволило идентифицировать останки скелета №2, как принадлежащие Е. С. Боткину. Особую роль сыграло исследование зубочелюстной системы, отсутствие зубов на верхней челюсти и точное соответствие ее строения с найденным искусственным протезом [3, с. 32].

При реконструкции обстоятельств расстрела были использованы судебно-баллистические исследования. При этом важнейшее значение имели повреждения, обнаруженные во время судебно-медицинского исследования. На останках, принадлежащих Е. С. Боткину, выявлены следы 4-х пулевых ранений: 1. В лобной кости слева проникающее пулевое отверстие; 2,3. Инородные металлические тела (пули): а) в мягких тканях правой стороны поясничного отдела позвоночника спереди; б) в левой подвздошной кости по внутренней поверхности; 4. Краевое пулевое повреждение левой большеберцовой кости в средней трети. С учетом показаний и воспоминаний участников и свидетелей расстрела, Е. С. Боткин получил огнестрельные пулевые слепые проникающие ранения в область живота, сквозное пулевое ранение правой голени, всего не менее 4-х ранений. Он оставался живым и его, лежащего после полученных тяжелых ранений, добил контрольным выстрелом в голову Я. М. Юровский (комендант Дома особого назначения). При расстреле Е. С. Боткина были использованы не менее двух образцов оружия – калибра около 12 мм и 9 мм. Причем, выстрелы производились из оружия средней мощности (пистолеты, револьверы).

Таким образом, проведенное нами изучение указанных документов, позволило получить некоторые малоизвестные сведения из обстоятельств последнего периода жизни врача Е. С. Боткина и его трагической гибели. Эти сведения могут быть использованы для воссоздания образа, умышленно забытого, выдающегося отечественного врача, а также истоков его профессионального и духовного подвига. Данное исследование показывает значение получения и использования веще-

ственных доказательств, а также специальных знаний при расследовании преступлений, имеющих большую давность.

Список использованных источников

1. Неделько Н.Ф. Некоторые судебно-медицинские аспекты "царского дела" // БМЖ. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-sudebno-meditsinskie-aspekty-tsarskogo-dela>(дата обращения: 03.04.2023).
2. Никулина М. П., Белокуров К. К. Последние дни Романовых. Свердловск. 1991.
3. Попов В. Л. Идентификация останков царской семьи Романовых (судебно-стоматологические и судебно-баллистические исследования). СПб, 1994.
4. Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 2020.
5. Тютрина Е. Последние Романовы. Жизнь семьи, Конец империи. Москва, 2021.
6. Хрусталеv В. М. Романовы: от предательства до расстрела. Москва, 2020.

Владимир Владимирович Белов,

студент юридического
факультета СПбГУ

Научный руководитель: *Наталья Александровна Сидорова*,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Статья посвящена преобразованиям, связанным с развитием и применением в российском уголовном процессе цифровых технологий. Выделены и обозначены такие направления использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве как видео-конференц-связь, электронные документы и порядок их использования, электронные носители информации, их изъятие, и копирование с них информации при производстве следственных действий. Уделено внимание вопросу о поэтапном переходе от бумажного уголовного дела к полностью электронному уголовному делу. Изучен положительный опыт внедрения модели электронного уголовного дела в Республике Казахстан.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, уголовный процесс, цифровые технологии, электронные документы, электронные носители информации, электронное уголовное дело.

Vladimir V. Belov

Student Faculty of Law St. Petersburg State University

Scientific supervisor: *Natalia Alexandrovna Sidorova*
Ph.D, Associate Professor of St. Petersburg State University

MODERN PROGRAMS OF INFORMATIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS

The article is dedicated to the transformations related to the development and application of digital technologies in the Russian criminal procedure. The following areas of digital technologies usage in criminal proceedings are highlighted and designated: video conferencing, electronic documents, and their usage procedure, electronic data carriers, their seizure, and information duplication from them during investigative actions. Attention is paid to the issue of a phased transition from a paper-based criminal case to a fully electronic criminal case. The positive experience of implementing the electronic criminal case model in the Republic of Kazakhstan is studied.

Keywords: video conferencing, criminal proceedings, digital technologies, electronic documents, electronic media, electronic criminal case.

В сфере российского уголовного судопроизводства в последние несколько лет наблюдается стремительное развитие информатизации и цифровизации. Определенное влияние в данном вопросе оказала пандемия Covid-19, когда многие процессы перешли в онлайн-формат.

Понятие «информационные технологии» закреплено во 2 статье Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], где под информационными технологиями понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

На всех этапах уголовного судопроизводства возникает необходимость применения современных технологий, обеспечивающих оптимизацию процесса, облегчающих обращение граждан в правоохранительные органы, и безусловно одним из важных направлений применения таких технологий является защита информации и персональных данных по уголовным

В настоящее время можно говорить о начале поэтапного перехода от единичных случаев использования электронных средств доказывания к комплексному построению цифровой системы всего уголовного судопроизводства.

Как отмечают Л. Н. Масленникова и Т. Е. Сушина, под содержанием понятия «цифровизация уголовного судопроизводства» как в зарубежной, так и в российской уголовно-процессуальной науке, сложилось в целом сходное понимание. Это «использование в уголовном процессе продуктов, созданных на основе информационных технологий, с целью оптимизации взаимодействия судов и иных государственных органов между собой и с населением, расширения возможностей дистанционного проведения следственных и судебных действий, аудио-видео-протоколирования их результатов, использования в доказывании электронных носителей информации» [2, с. 216].

В настоящее время действующий Уголовно-процессуальный Кодекс РФ (далее – УПК) [1] допускает возможность применения нескольких форм информационно-коммуникационных технологий.

1. Видео-конференц-связь (статьи 189.1, 240, 241.1, 278.1, ч. ч. 1, 2 ст. 389.12, ст. 399, ст. 401.13 УПК РФ).

Надо отметить, что с 2011 года в отечественное судопроизводство достаточно плавно и постепенно внедрялась процедура видео-конференц-связи. Ее введение в уголовный процесс регламентировано федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ. [4] и федеральным законом от 20 марта 2011 года № 39-ФЗ [5]. В 2022 году были

разработаны и приняты законы, предусматривающие еще более широкое использование систем видео-конференц-связи и электронного документооборота в уголовном судопроизводстве.

Впервые видео-конференц-связь была использована в судопроизводстве по уголовному делу 18 ноября 1999 года в Челябинском областном суде в кассационной инстанции. В пресс-службе суда отмечалось, что «день 18 ноября 1999 года стал революционным для правосудия России» [11].

Видео-конференция представляет собой компьютерную технологию, которая позволяет субъектам, находящимся на значительном расстоянии, видеть и слышать друг друга, обмениваться информацией в режиме реального времени.

Суть ее состоит в том, что виртуальное изображение на мониторе или телевизоре заменяет непосредственное физическое присутствие лица в суде, рассматривающем дело [13, с.58-65].

При этом, закрепленная в УПК РФ, система видео-конференц-связи предполагает обязательное соблюдение установленной законом процедуры: присутствие двух судей – судьи, рассматривающего дело и проводящего данный допрос, и судьи, присутствующего в зале суда по месту нахождения допрашиваемого.

Изначально, видеоконференция применялась для обеспечения конституционного права осужденных, находящихся под стражей, на участие в рассмотрении их жалоб в судах кассационной инстанции. Такая норма содержалась в ч. 3 ст. 376 УПК РФ.

Федеральным законом от 30.12.2021 года № 501-ФЗ [2] введена статья 189.1 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи». Она предусматривает возможность производства таких следственных действий как допрос, очная ставка и предъявление для опознания без непосредственного контакта следователя или дознавателя с иными участниками уголовного судопроизводства. Основанием таких следственных действий является письменное поручение дознавателя или следователя об организации проведения допроса вне места производства предварительного расследования, которое направляется в орган предварительного расследования по месту нахождения допрашиваемого лица, в отношении которого и с непосредственным участием которого необходимо провести следственные мероприятия. При организации и проведении вышеназванных следственных действий с использованием средств видео-конференц-связи следователь-исполнитель, и следователь-инициатор (помимо процессуальной составляющей)

должны соблюдать специфику тактических приемов уголовного производства [16, с. 331-340].

Также, частью 3 ст. 189.1 УПК РФ при использовании видео-конференц-связи в следственных действиях предусматривается обязательное составление нового процессуального документа – подписки о разъяснении участникам их прав, обязанностей и ответственности, в которых также делается запись об оглашении им протокола следственного действия, удостоверенной подписями данных участников.

Федеральным законом от 29 декабря 2022 года № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3] внесены поправки в УПК, позволяющие использование систем видео-конференц-связи (ВКС) в судебных заседаниях для всех без исключения участников.

Принятый закон дополнил УПК статьей 241.1 «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи», согласно которой подсудимому по его ходатайству предоставлена возможность участия посредством ВКС в судебном заседании суда любой инстанции. При этом суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе будет принимать решение об участии в судебном заседании подсудимого путем использования систем ВКС также в случаях, когда имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно. Применение ВКС может применяться в ходе выездных заседаний суда. Исследование доказательств происходит по общим для всех видов заседаний правилам, закон не устанавливает каких-либо исключений и поблажек. Все участники обладают одинаковым объемом прав в части постановки вопросов другим субъектам, в части заявления ходатайств, оглашения материалов дел, приобщения к делу каких-либо документов. В ряде случаев для демонстрации материалов дела может быть применена специальная документ-камера.

Вышеназванные новации уголовного процесса не коснулись только уголовных дел, которые рассматриваются с участием коллегии присяжных.

Ранее действовавшая редакция УПК ограничивала применение ВКС для всех, кроме подсудимых. ВКС использовалась судами первой инстанции только для допроса свидетеля и потерпевшего. Участие в заседании по ВКС осужденного, потерпевшего и его представителя допускалось при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора.

2. Расширение электронного документооборота, в этой части определен порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве (ст. 474.1 УПК РФ).

Существующий порядок регламентирует, что **электронный документооборот** между судом и участниками уголовного процесса **может осуществляться при наличии технической возможности**. Согласно статье 2 Федерального закона от 29 декабря 2022 года № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», он может применяться также в органах прокуратуры и учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ.

Так, до 9 января 2023 года электронный документ можно было подать через специальную форму на сайте суда. В настоящий момент – это можно сделать посредством Единого портала, либо информационной системы, определенной Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, либо систем электронного документооборота участников уголовного судопроизводства с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Стоит заметить, что вопрос использования электронного документооборота **при проведении отдельных следственных действий на стадии досудебного производства пока еще четко не регламентирован**.

В марте 2023 года в Государственную думу **внесен законопроект** «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым предлагают скорректировать текст статьи 474.1 УПК РФ. В случае его принятия у участников уголовного судопроизводства **появится возможность подачи в электронном виде** прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю ходатайства, заявления, жалобы, представления и требования, не содержащих охраняемую федеральным законом тайну. В свою очередь, обвинительное заключение, обвинительное постановление, обвинительный акт и иные процессуальные документы также будут передаваться участникам процесса в форме электронного документа.

По мнению С. В. Зуева, переход на электронный документооборот – немаловажное направление развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве, которое, безусловно, имеет перспективу. Это объясняется экономией временных затрат на пересылку материалов уголовного дела, сокращением бумажных расходов, удобством при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с

материалами уголовного дела, компактностью хранения, лёгкостью копирования [14].

Изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации при производстве следственных действий (статьи 81.1, 164.1 УПК РФ).

Изъятие электронных носителей информации, по общему правилу, не допускается, за исключением случаев, когда:

вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации;

изъятие производится на основании судебного решения;

на указанных носителях содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владеет электронного носителя не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Впервые законодатель предусмотрел право следователя скопировать информацию с электронного носителя без изъятия самого носителя. Электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста.

использование процессуальных документов в электронном виде (статьи 106, 108, 189, часть 2 статьи 474 УПК РФ)

Об использовании процессуальных документов в электронном виде упоминается в статьях 106, 108, 189 УПК РФ, где предусмотрено применение технических средств, например, фотографирование, аудио-видео записи.

В соответствии с частью 8 статьи 166 УПК РФ информация на электронных носителях информации может быть приложением к протоколу следственного действия. Часть 2 статьи 474 УПК РФ также указывает на то, что процессуальные документы могут быть выполнены электронным способом.

Однако до настоящего время требований к электронной форме процессуальных документов не установлено. Нормативное регулирование в сфере применения электронных доказательств в уголовном судопроизводстве находится в стадии формирования. Однако, анализ вышеуказанных норм УПК показывает, что действующее уголовно-процессуальное законодательство допускает электронные объекты, носители в качестве доказательств по уголовному делу.

Резюмируя вышеизложенное, считаем, что таким образом осуществляется поэтапный переход от бумажного документооборота к электронному.

Полагаем необходимым также выразить мнение о неизбежности перехода от бумажного уголовного дела к полностью электронному уголовному делу. Дискуссии по этому поводу уже давно не сходят со страниц юридической литературы.

Как отмечает О. В. Макарова: «приблизиться к реализации идеи внедрения электронного уголовного дела в уголовное судопроизводство позволит реализуемый в арбитражных судах пилотный проект «Электронное дело». В настоящее время для всех документов, поступающих в арбитражные суды, организовано входное сканирование, посредством которого формируются электронные дела. Полагаем, что в дальнейшем аналогичные условия, позволяющие формировать электронные дела, будут созданы и в судах общей юрисдикции, в том числе при рассмотрении и разрешении уголовных дел» [17, С. 159–168].

Существует немало суждений о том, что будет представлять из себя уголовное дело. Так, А. Ф. Абдулвалиев, например, полагает, что «электронное уголовное дело представляет собой «электронный носитель, предназначенный для хранения цифровой информации – материалов уголовного дела, полностью заменяющий собой бумажный вариант уголовного дела, позволяющий использовать его вместе с портативным компьютером для собирания доказательств в рамках расследования и рассмотрения уголовного дела» [10, С. 58–65].

Также, Ю. М. Новолодский считает, что в цифровом контенте уголовного дела должно отражаться любое решение, принятое компетентными должностными лицами по результатам рассмотрения поступивших в их распоряжение поводов для возбуждения дела [12].

Многие страны в настоящее время уже перешли к электронному производству по уголовным делам. Положительный опыт цифровизации производства расследования по уголовным делам имеется в Республике Казахстан, а именно поэтапного внедрения в уголовный процесс модели электронного уголовного дела.

Так, в соответствии со статьей 42–1 УПК Республики Казахстан [6], введенной законом Республики Казахстан от 21 декабря 2017 года., уголовное судопроизводство может осуществляться как в бумажном, так и в электронном виде [7].

Введен модуль «Электронное уголовное дело», [9] который позволяет лицу, ведущему уголовный процесс, с учетом мнения участников уголовного процесса и технических возможностей вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем он выносит мотивированное постановление. Этот кейс охватывает все стадии уголовного процесса: регистрация преступления, ход расследования и исполнение

приговора. А также предусматривает возможность для участников процесса получать процессуальные документы в режиме онлайн, подавать ходатайства. Судебное заседание по таким делам проводится в зале судебного заседания, оборудованном специализированной организационной техникой, обеспечивающей всем участникам уголовного процесса доступ к материалам электронного дела. С помощью функционала «Электронная жалоба» подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший вправе подать жалобы на действия (бездействие) следователя, дознавателя, прокурора в электронном формате.

Для обеспечения полного цикла ведения уголовных дел в электронном формате были интегрированы информационные системы органов уголовного преследования, органов прокуратуры и судебной системы.

С 2022 года органы следствия практически полностью перешли на электронный формат ведения уголовных дел. Их удельный вес по итогам года составил уже 73%. В 2023–2024 годах ожидается стопроцентное поступление уголовных дел в электронном виде [15].

Считаем, что опыт применения казахстанской модели электронного уголовного дела может быть полезен при дальнейшем совершенствовании российского законодательства.

Несмотря на возникающие трудности цифровизация российского уголовного судопроизводства продолжит свое развитие, а электронное уголовное дело займет в нем соответствующее место, что позволит в определенной степени сократить время и усилия при расследовании и разрешении уголовных дел.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001. № 174-ФЗ (с изм. И доп.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 18.06.2023).
2. Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493/ (дата обращения: 18.06.2023).
3. Федеральным законом от 29 декабря 2022 года № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436168/ (дата обращения: 18.06.2023).
4. Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493/ (дата обращения: 18.06.2023).

- Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108805/ (дата обращения: 18.06.2023).
5. Федеральный закон от 20 марта 2011 года № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111775/ (дата обращения: 18.06.2023).
 6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. ЗРК. // ИПС «adilet» URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K140000023> (дата обращения: 18.06.2023)
 7. Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 года № 118-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности» // ИПС «adilet» URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000118#35>). (дата обращения: 18.06.2023)
 8. Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате. Утверждена приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 года № 2 // ИПС «adilet» URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (дата обращения: 18.06.2023)
 9. Абдулвалиев А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельности судебных органов // Право и политика. 2013. № 1.
 10. Гринь Д. С. Видео-конференц--связь в уголовном судопроизводстве: современное состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2020. № 5.
 11. Новолодский Ю. М. Цифровизация уголовного судопроизводства URL: parf.ru/polemic/opinions/tsifrovizatsiya-ugolovnogoSudoproizvodstva/
 12. Гусева Т. А., Соловьева А. Ю. Электронное судопроизводство // Право и экономика. 2015. № 6.
 13. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы | Международная ассоциация содействия правосудию (МАСП/IAAJ)
 14. Искусственный интеллект: риски и преимущества // <https://kazpravda.kz/n/iskusstvennyy-intellekt-riski-i-preimushchestva/>) (дата обращения: 18.06.2023).
 15. Корнев А. С., Пилякин М. И., Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Организационно-тактические основы проведения опознания путем использования видеоконференцсвязи // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 8А.

16. Макарова О. В. Совершенствование уголовного судопроизводства путем введения электронной формы уголовного дела. Журнал российского права. 2019. № 2.
17. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при шифровании уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115).

Анатолий Константинович Веретенников

студент бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Научный руководитель: Сидорова Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМАТИКА ИНСТИТУТА

Статья посвящена анализу принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве. Автором исследованы теоретические подходы к раскрытию содержания принципа независимости судей, подходы к его практической реализации, выраженных в гарантиях, обеспечивающих данный принцип, а также современные проблемы реализации данного принципа.

Ключевые слова: Независимость судей, проблемы независимости судей, особое мнение судьи, модусный статус судьи, заявления отвода судьи и обязанность заявления судьей самоотвода, свобода оценки доказательств.

Veretennikov A. Konstantinovich

Fourth-year student of Law faculty, St. Petersburg State University

Academic supervisor: Natalia A. Sidorova, PhD in Legal Science, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg State University

THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF JUDGES IN CRIMINAL PROCEEDINGS. THE CONCEPT AND PROBLEMS OF THE INSTITUTE

The article is devoted to the analysis of the principle of independence of judges in criminal proceedings. The author studies theoretical approaches to the disclosure of the content of the principle of independence of judges, approaches to its practical implementation, expressed in guarantees that ensure this principle, as well as modern problems of the implementation of this principle.

Keywords: Independence of judges, problems of independence of judges, dissenting opinion of a judge, modus status of a judge, statements of recusal of a judge and the duty of a judge's statement of recusal, freedom of evaluation of evidence.

Для начала необходимо обозначить актуальность выбранной темы для анализа. Как показывает статистика, индекс недоверия граждан к судебной системе ежегодно снижается, однако по-прежнему судебная система остается одним из лидеров среди общественных институтов, вызывающих у граждан недоверие [13]. Еще одним из показателей

кризиса судебной системы являются данные судебной статистики по количеству выносимых судами оправдательных приговоров и прекращенных уголовных дел. Так, согласно отчетам о работе судов общей юрисдикции, в 2016 году доля оправдательных приговоров и прекращенных по реабилитирующим основаниям уголовных дел от общего числа вынесенных приговоров и прекращенных уголовных дел составила 1,63%, в 2017 году – 0,9%, в 2018 году – 0,43%, в 2019 году (первое полугодие) – 0,44% [11], в 2022 году – 0,33% [9], т.е. имеет устойчивую тенденцию к снижению.

Для более подробного ознакомления с принципом независимости судей, необходимо рассмотреть теоретические положения, раскрывающие понятие независимости судей в уголовном судопроизводстве.

Данный принцип закреплен в целом ряде нормативных актов, в Конституции РФ (ст. 120) Основных принципах ООН независимости судебных органов [10], ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" (ст. 5), Законе Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ст. 9).

Большое внимание реализации и обеспечению указанного принципа уделяют и международно-правовые документы, в частности, Mount Scopus international standards of judicial independence [17], New Delhi Code of Minimum Standards of Judicial Independence [18], Montreal Universal Declaration on the Independence of Justice [16], Minimum Standards of Judicial Independence (1982), Standards for the Independence of the Legal Profession (1990), Statement of General Principles for Ethics of Lawyers (1995), Всемирная хартия судьи [19], О независимости, эффективности и роли судей и применимости стандартов Совета Европы и любых других международных стандартов к существующим проблемам в этих областях [4], Бангалорские принципы поведения судей [1] и другие.

Гарантии независимости судей реализуются в соответствии с Федеральным законом от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»; Федеральным законом от 10 января 1996 года № 6-ФЗ «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации»; Федеральным законом от 14 марта 2002 года № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (ст. 27, 28).

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ (Далее – УПК) принцип независимости судей заключается в следующем в том, что при осуществлении правосудия по уголовным делам судьи независимы

и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.

Судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключая любое постороннее воздействие на них. Вмешательство кого бы то ни было в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет за собой установленную законом ответственность. Любая информация о внепроцессуальных обращениях, поступивших судьям по уголовным делам, находящимся в их производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по уголовным делам, находящимся в производстве суда, подлежит преданию гласности и доведению до сведения участников судебного разбирательства путем размещения данной информации на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", такая информация не является основанием для проведения процессуальных действий или принятия процессуальных решений по уголовным делам.

Принцип независимости судей нормативен, носит общий характер и распространяется на все уголовное судопроизводство, регулирует значимые вопросы в конкретно-исторической ситуации, имеет прямое действие независимо от развивающих его положений. Независимость судебной власти лежит в основе принципа верховенства права. Назначение уголовного судопроизводства отражает дуализм принципа независимости судей – его одновременную направленность на правозащиту (защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод) и успешную правореализацию (уголовное преследование виновных и назначение им справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных). Независимость суда как органа власти может быть объяснена лишь через ненахождение в подчинении. В то же время независимость по отношению к судье означает наделение последнего свободой воли [12, с. 165].

Содержание принципа независимости судей возможно раскрыть путем познания следующих элементов-требований:

– требования, обеспечивающие активное, самостоятельное положение судей при отправлении правосудия, при осуществлении ими своей профессиональной деятельности и их неукоснительное следование Конституции РФ, законам и другим нормативным правовым актам;

– требования, обеспечивающие поддержание статуса судей, при котором судебные решения принимаются ими по внутреннему убеждению, при полном исключении любого воздействия;

– требования, исключающие любое воздействие на судей со стороны государственных органов, институтов гражданского общества, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан;

– требования об обязательности осуществления определенных законодательством действий при поступлении информации о внепроцессуальных обращениях.

В литературе разделяют также внутреннюю и внешнюю независимость судей [8, с. 87-91].

Внутренняя независимость предусматривает независимость судей от вышестоящего руководства, квалификационных коллегий судей, органов судейского сообщества [5, с. 33].

Внешняя независимость подразумевает независимость судей при отправлении правосудия от любого воздействия со стороны участников уголовного судопроизводства, государственных органов, институтов гражданского общества, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан [5, с. 33].

Независимость судей как принцип уголовного судопроизводства обеспечивается функциональными (процессуальными) гарантиями, которые делятся на следующие виды:

– гарантии, направленные на обеспечение объективности и беспристрастности;

– гарантии по предупреждению, исключению (ликвидации) «внутреннего» воздействия на субъектов уголовно-процессуальной деятельности, а также минимизации и устранению последствий указанного воздействия;

– гарантии по предупреждению, исключению (ликвидации) «внешнего» воздействия на субъектов уголовно-процессуальной деятельности, а также минимизации и устранению последствий указанного воздействия;

– гарантии, устанавливающие основания и процессуальный порядок исключения участников, в том числе отвод судей, из уголовного судопроизводства;

– гарантии, обеспечивающие надзорно-контрольную деятельность участников уголовного судопроизводства [5, с. 33].

Ключевыми критериями отличия процессуальных гарантий реализации принципа независимости судей от всех иных являются:

1) нормативное закрепление гарантии в уголовно-процессуальном законе

2) общее назначение гарантии – назначение уголовного судопроизводства, близлежащее назначение гарантии – реализация принципа независимости судей по конкретным уголовным делам

3) направленность гарантии на реализацию профессионального модуля судьи.

Говоря о действенной реализации принципа независимости судей, необходимо соблюдение ряда гарантий: личное ознакомление с доказательствами и непосредственное восприятие содержащихся в них сведений, по возможности, из первоисточников; обоснование процессуального решения доказательствами, непосредственно исследованными в судебном заседании; отсутствие института судебных поручений; необходимость начать судебное разбирательство по уголовному делу сначала в случаях замены судьи. При этом в некоторых случаях допускается ознакомление с доказательствами с использованием систем видеоконференцсвязи, а в случаях, установленных УПК, путем оглашения показаний участников процесса, данных ранее. С учетом этого, императивность данной гарантии, как уголовно-процессуальной, должна проявляться в обязанности судьи обосновать приговор только исследованными в судебном заседании доказательствами, а при замене судьи – в обязанности начать судебное разбирательство сначала при непосредственном и устном исследовании доказательств.

Обусловленность принципа свободы оценки доказательств обеспечивается обязанностью судьи исследовать их непосредственно. Доказательства подлежат исследованию только в судебном заседании, а принцип свободы оценки доказательств обязывает осуществлять такую оценку по внутреннему убеждению. Ссылка в приговоре на неисследованные в судебном заседании доказательства свидетельствует о несформированности у судьи внутреннего убеждения. Без соблюдения обязанности непосредственного исследования доказательств невозможно гарантировать свободу их оценки. В то же время стоит отметить, что принцип свободы оценки доказательств является самостоятельной уголовно-процессуальной гарантией реализации принципа независимости судей, поскольку способен напрямую влиять на его реализацию. Эффективность данной гарантии рассмотрена с позиции необходимости соблюдения двух ее условий: отсутствия у доказательств заранее установленной силы и оценки доказательств судьей по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом законом и со-

вестью. При этом положение о запрете наделения доказательств заранее установленной силой взаимообусловлено оценкой доказательств судьей по своему внутреннему убеждению [6, с. 28].

В нынешних реалиях особое значение приобретают гарантии независимости судей, которые нуждаются в научном осмыслении, систематизации и, как следствие – построении механизма их реализации. Несмотря на некоторые принятые последовательные меры, направленные на обеспечение независимости судей, всесторонний анализ законодательства позволил вычленить ряд недостатков.

Реализация принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве может быть оценена через систему уголовно-процессуальных гарантий принципа [12, с. 165].

Говоря о проблемах, стоит упомянуть «неправильный подход практики» к модусному статусу судьи. В соответствии с модусным подходом разграничиваются: статус судьи как носителя судебной власти (профессиональный модус судьи); статус судьи как лица, замещающего государственную должность (должностной или служебный модус судьи); статус судьи как члена судейского сообщества (корпоративный модус судьи); статус судьи как личности, с особым ограниченным режимом реализации конституционных прав (модус судьи как личности с ограниченными конституционными правами) [3 С. 148-152]. Важно, что только профессиональный модус судьи, наряду с нормативным закреплением гарантий и их целевой направленностью, позволяет сформировать систему эффективных и достаточных гарантий реализации принципа независимости судей уголовно-процессуального характера. Действие процессуальных гарантий реализации принципа независимости судей при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции в общем порядке ограничено рассмотрением конкретного дела с момента принятия его судьей к своему производству до вынесения им процессуального решения или изготовления особого мнения.

Однако, являясь носителем судебной власти, наделенным огромными властными полномочиями по отношению к другим гражданам, судья не перестает быть человеком, несущим обязанность содержать свою семью, иметь нормальные жилищные условия, обеспечивать потребности своей жизнедеятельности, соответствующие уровню своего социального статуса в обществе и государстве. Вместе с тем в целях обеспечения объективного и беспристрастного правосудия законодательство о статусе судей устанавливает особый гражданско-правовой режим реализации конституционных прав личности, наделяемой су-

дейскими полномочиями, налагая ограничения, которые должны компенсироваться предоставлением особых мер социально-правовой защиты, что является одной из существенных государственных гарантий независимости судьи – модус судьи как личности [7, С. 85-91]. На практике же происходит смешение профессионального и личного модуса судей, который порой выливается в крайне неоднозначные, можно даже сказать абсурдные решения. Например, судья Елена Переверзева осталась без мантии после того, как произнесла тост в честь подруги, и видео с шуточным поздравлением попало в интернет. Судья на видео произносит речь и использует, как позже указали в ВС, «вульгарные и нецензурные выражения, сопровождая их нецензурными жестами». В Квалификационной коллегии судей Краснодарского края решили, что такое поведение судьи подрывает авторитет судебной власти [2]. Этот пример наглядно иллюстрирует необходимость четкого законодательного отграничения профессионального модуса судьи от модуса личного.

Еще одна проблема связана с правом и возможностью публично обнародовать особое мнение – это еще одна гарантия независимости судьи.

Согласно ч. 3 ст. 30 УПК в действующем уголовно-процессуальном законодательстве особое мнение судьи возможно только при коллегиальном рассмотрении уголовного дела. В составе трех профессиональных судей в РФ действуют суды при рассмотрении в первой инстанции дел о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Именно коллегия из трех профессиональных судей призвана обеспечить компетентность, беспристрастность, независимости судебного разбирательства, и, следовательно, уменьшить вероятности принятия ошибочного решения. В такой ситуации особое мнение судьи может наложить огромный пласт сомнений на правильность и объективность приговора [14, с. 55-62].

Особое мнение представляется не только письменно, но и устно выраженной позицией судьи, основанной на внутреннем убеждении, сложившемся при непосредственном исследовании доказательств, отличной от позиции других судей относительно вопросов, разрешаемых при постановлении приговора. Голосование судьи, оставшегося в меньшинстве, за оправдание подсудимого следует рассматривать как устную форму особого мнения судьи, выражает его устное несогласие с обвинением подсудимого как одного из ключевых вопросов, разрешаемых при постановлении приговора. Диспозитивность права судьи на особое мнение проявляется в предоставлении ему уголовно-процессуальным законом субъективной возможности по выражению

отличной от других судей позиции по делу, не влекущей процессуальных последствий при ее неиспользовании. В то же время, диспозитивный характер гарантии может нарушить право граждан на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом. Так, в совещательной комнате судья пользуется правом на заявление особого мнения и, возможно, устно излагает его другим судьям. При провозглашении судебного решения председательствующий объявляет о наличии особого мнения, после чего у судьи должна возникать обязанность, а не право письменно его изложить [6, с. 28].

Законодатель достаточно скудно регламентировал институт особого мнения. В недостаточной мере дал разъяснение, что в свою очередь может повлечь к произвольному толкованию, при котором невозможно единообразное применение нормы. Законодатель оставил без внимания следующие важные вопросы:

1. Каково правовое значение особого мнения судьи с точки зрения юридической силы этого документа?
2. Необходима ли конкретная процессуальная форма изложения особого мнения, особый порядок написания, бланк документа, обязательная информация, которая должна быть в тексте особого мнения?
3. Является ли особое мнение судьи основанием для обжалования приговора в последующих инстанциях в случае несогласия осужденного [14, с. 55-62].

Отсутствие ответов на эти вопросы, в первую очередь, обусловлены слабой правовой проработанностью и правовым регулированием, что в свою очередь позволяет выявить следующие проблемы:

1. Особое мнение судьи не является поводом для автоматического возбуждения производства в вышестоящих судах, а также предметом для его рассмотрения ими.
2. Не вытекает из закона обязанность вышестоящего суда уведомлять о результатах его рассмотрения особого мнения судьи нижестоящей инстанции.
3. Отсутствует правовой механизм, разрешающий проблемы, возникающие в судебном процессе в ситуации, когда отсутствует единство мнений судей при постановлении приговора, которое на практике ведёт к неограниченному субъективному толкованию и применению в последующем этих норм права.

Важным представляется также в освещении проблематики института и непосредственно гарантий независимости судей необходимость затронуть право заявления отвода судьи и обязанность заявления судьей самоотвода. Проблематика и эффективности данной гарантии

важна для реализации принципа независимости судей с позиции ее смешанного характера. С одной стороны, закон предоставляет гражданам право на заявление отвода судьи, с другой стороны, для судьи является обязанностью заявить самоотвод, закон предусматривает негативные последствия вынесения решения незаконным составом суда.

Сложившаяся практики разрешения заявляемых судьям отводов позволяет выявить расширительное толкование предусмотренных УПК РФ обстоятельств, а также весьма распространенное применение ч. 2 ст. 61 УПК РФ, закрепляющей наличие иных, не установленных уголовно-процессуальным законом обстоятельств, свидетельствующих о личной заинтересованности в исходе уголовного дела, что может стать средством злоупотребления гражданами своим правом на заявление отвода судьи. В то же время, (с позиции рассмотрения беспристрастности судьи как исключения предубеждения и личной заинтересованности в исходе дела либо прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела – ст. 61 УПК), УПК РФ не предусматривает возможности заявления отвода судье по основанию наличия у него какого-либо предубеждения, препятствующего вынесению объективного процессуального решения. Такая возможность установлена только при наличии личной заинтересованности, что безусловно является упущением со стороны законодателя.

Отсутствие зависимости удовлетворения заявленного судьей самоотвода от позиций сторон по делу в случаях, когда судья уверен в своей беспристрастности, но предпочитает не допустить отмены процессуального решения по мотиву наличия конфликта интересов, хотя и не снижает эффективности обеспечения данной гарантией независимости судей, но делает процедуру рассмотрения уголовного дела менее гибкой. Если судья и стороны считают, что конкретное обстоятельство не повлияет на объективность принимаемого решения, это должно быть зафиксировано в процессуальном документе и не может служить основанием для отмены вынесенного таким судьей решения по мотиву незаконного состава суда. Данный вопрос успешно решается законодательством США: судья может вместо самоустранения от судебного процесса объявить и зафиксировать основание для дисквалификации. Если стороны и их адвокаты после такого заявления, обсудив без присутствия судьи суть вопроса, признают в письменном виде или записью в реестре (протоколе), что судья не должен быть дисквалифицирован, а судья готов продолжать свое участие в судебном разбирательстве, то он может участвовать в процессе [15]. Данный вопрос у нас можно было бы урегулировать схожим образом.

Таким образом, принцип независимости судей хоть и имеет формальное закрепление, на практике существует ряд проблем в его реализации и имеют место отдельные пробелы в правовом регулировании указанного института.

Список использованных источников

1. Бангалорские принципы поведения судей [Электронный ресурс]: Конвенции и соглашения ООН [сайт]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml
2. Без мантии: за что судей лишали полномочий в 2020 году [Электронный ресурс]: Портал ПравоRU [сайт]. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/228472/>
3. Ерошкин Г. Т. Модусы судьи как научная категория / Г. Т. Ерошкин // Журнал российского права. – 2016. С. 148 -152.
4. Заключение № 1 (2001) Консультативного Совета Европейских судей (КЕС) для Комитета Министров Совета Европы [Электронный ресурс]: Консультативный совет европейских судей (КЕС) [сайт]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680747b8e>
5. Ищенко У. С. Независимость судей как принцип уголовного судопроизводства / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2021.
6. Казаринова М. И. Процессуальные гарантии реализации принципа независимости судей при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции в общем порядке / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Томск, 2020.
7. Колосовский В. В. Оценка субъективной природы квалификационных ошибок и гарантии независимости судей // Журнал российского права. № 8. 2009.
8. Кругликов А., Бирюкова И., Растрьгин А. Независимость судей и подчинение их только закону как принцип уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2018. № 1.
9. На каждые 300 приговоров в России в 2022 году приходился лишь один оправдательный [Электронный ресурс]: ВЕДОМОСТИ [сайт]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/04/20/971743-300-prigovorov-odin-opravdatelni>
10. Основные принципы независимости судебных органов. Приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 г., и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г. // [Электронный ресурс]: Конвенции и соглашения ООН [сайт]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml (дата обращения 21.03.23).
11. Отчет о работе судов общей юрисдикции за 2016, 2017, 2018, 2019 годы [Электронный ресурс]: Судебный департамент при Верховном

- Суде Российской Федерации. [сайт]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
12. Смирнова И. Г., Каризина М. И. Уголовно-процессуальные гарантии реализации принципа независимости судей. М., 2021.
 13. Статистика деятельности общественных институтов [Электронный ресурс]: ВЦИОМ [сайт]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov/>
 14. Фролов И. С. Особое мнение судьи как одна из гарантий независимости судей и их равенства при постановлении приговора: проблемы и перспективы // Журнал Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16).
 15. Code of Conduct for United States Judges: April 05, 1973 [Electronic resource] // U.S. Courts: official site. Electron, date, Washington, [S. a.]. – Access mode: <https://www.uscourts.gov/judges-judgeships/code-conduct-united-states-judges>
 16. Montreal Declaration Universal Declaration on the Independence of Justice. [Electronic resource]: International Association of Judicial Independence and World Peace [website]. – Access mode: <https://www.jiwp.org/montreal-declaration>
 17. Mount Scopus international standards of judicial independence. Approved by the International Association of Judicial Independence and World Peace (JIWP) At Mt Scopus, Jerusalem, March 19, 2008. Consolidated 2022. [Electronic resource]: International Association of Judicial Independence and World Peace [website]. – Access mode: <https://www.jiwp.org/mt-scopus-standards>
 18. New-Delhi Standards 1982 New Delhi Code of Minimum Standards of Judicial Independence. [Electronic resource]: International Association of Judicial Independence and World Peace [website]. – Access mode: <https://www.jiwp.org/new-delhi-declaration>
 19. The universal charter of the judg. [Electronic resource]: International Association of Judges [website]. – Access mode: https://www.unodc.org/res/ji/import/international_standards/the_universal_charter_of_the_judge/universal_charter_2017_english.pdf

Владислав Эдуардович Пермяков

студент бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Научный руководитель: *Наталья Александровна Сидорова*
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье исследуется институт допустимости доказательств в отечественной и зарубежных правовых системах. Необходимость проведения сравнительно-правового исследования объясняется центральным положением института допустимости доказательств в любой модели уголовного производства и необходимостью ответа на вопрос о том, каким образом должны быть сформулированы нормы о допустимости доказательств в уголовно-процессуальном законе. В связи с этим, анализу подвергаются нормы российского УПК, а также Уголовно-процессуальных кодексов ФРГ, Италии, Франции. Уделяется внимание и нормам о допустимости доказательств, сформулированным в странах общего права. Анализу подвергаются как общие положения о допустимости доказательств, так и нормы, посвященные отдельно взятым видам доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс; допустимость доказательств; свободная оценка доказательств; вещественные доказательства; электронные доказательства

Vladislav E. Permyakov

student of Law faculty, St. Petersburg State University

Academic supervisor: *Natalia A. Sidorova*,
PhD in Legal Science, Associate Professor, Department
of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg State University

RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE IN THE 21ST CENTURY: MAIN CHALLENGES

The article examines the institution of admissibility of evidence in domestic and foreign legal systems. The need for comparative legal research is explained by the central position of the institute of admissibility of evidence in any model of criminal proceedings and the need to answer the question of how the norms on the admissibility of evidence in the criminal procedure law should be formulated. In this reason, the norms of the Russian Code of Criminal Procedure, as well as the Criminal Procedure Codes of Germany, Italy, France are analyzed. Attention is also paid to the norms on the admissibility of evidence formulated in common law countries. Both the general provisions on the

admissibility of evidence and the rules on individual types of evidence are analyzed.

Keywords: criminal procedure; admissibility of evidence; free evaluation of evidence; physical evidence; electronic evidence

Вводные замечания. Вопрос о допустимости доказательств является одним из ключевых в процессуальном праве. Данный тезис представляется абсолютно бесспорным, ибо именно доказательства, их принятие или непринятие (включающее в себя оценку их допустимости) судом по своему внутреннему убеждению (возможность свободной оценки доказательств) – по меткому выражению М.З. Шварца – “самое сердце независимости суда” [16, таймкоды – 0:50-1:20] . Несмотря на то, что эти слова были сказаны применительно к доказательствам и доказыванию по делам, которые разрешаются в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства, данная формулировка, по нашему мнению, является корректной и по отношению к допустимости доказательств в уголовном процессе.

Впрочем, как ни парадоксально, в отечественной науке уголовного процесса встречаются предложения отказаться от института допустимости доказательств как такового [3, с. 38], но они, по нашему мнению, во-первых, не имеют достаточного обоснования, и, во-вторых, с неизбежностью приведут к аномии в уголовном процессе, что, по определению, противоестественно и ведёт к “смерти” российского правосудия.

Исследования по данному вопросу приобретают особую актуальность и в связи с тем, что в российских высших учебных заведениях, вопросу доказательств и стандарта доказывания, к сожалению, уделяется чрезмерно мало времени; в то же время, в других, в том числе, западно-европейских и американских правовых школах, доказательственное право изучается в качестве отдельной дисциплины (наиболее известный пример – годичный курс Evidence Law, иногда встречается термин Law of Evidence, в североамериканских юридических школах), по нему пишутся специальные учебники и обучающие руководства [19]. В США, например, существует специальный нормативный акт – Federal Rules of Evidence (as amended to December 1, 2020.) [20].

Объясняется это тем, что вопрос о допустимости доказательств является центральным для любого уголовного судопроизводства, независимо от его модели.

В связи с этим, видится разумным и полезным рассмотреть отдельные проблемные вопросы допустимости доказательств как в отечественном, так и зарубежном уголовном процессе, с целью поиска

сходства и различия в отличных друг от друга правовых системах, а также ответа на вопрос о том, каким образом должны быть сформулированы нормы о допустимости доказательств в уголовно-процессуальном законе.

Подходы к легальному определению понятий “доказательство”, “допустимость доказательств” в российской и зарубежных уголовно-процессуальных кодификациях. Выделение общих положений о доказательствах. Легальное определение доказательства в российском уголовном процессе даётся в ч. 1 ст. 74 УПК РФ: “Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель *в порядке, определенном настоящим Кодексом* (курсив мой – В.П.), устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела” [13].

Уже из легального определения доказательства выводима первая и, вероятно, ключевая грань допустимости доказательств, а именно – законность возможности установления или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу или имеющих для него значение. Иными словами, речь идёт о законности источника сведений, получаемых с целью осуществления доказывания, а также о получении доказательств в соответствии с установленной процедурой без нарушения УПК РФ. Последнее положение дополнительно указывается законодателем в ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

В целом, нужно отметить, что данная норма, входящая в корпус требований такого свойства доказательства, как допустимость, является, во-первых, выражением общего, генерализованного принципа законности в российском уголовном процессе (п. 2 ч. 1 ст. 6, ст. 7 УПК РФ) и, во-вторых, по крайней мере, в уголовно-процессуальной плоскости, даёт ответ на распространённую в доказательственном праве (Автор полагает возможным для себя оперировать термином “доказательственное право”: последние десятилетия, в отечественной правовой науке, встречаются сторонники выделения норм, касающихся доказательств, их допустимости, а также процесса доказывания, в отдельную отрасль (или подотрасль) либо институт права [14; 2; 1]) проблему, которую можно сформулировать в виде такого вопроса: любое ли, даже самое минимальное, нарушение законности на любой из стадий получения или фиксации доказательства служит основанием для признания его недопустимым? Безусловно, как было указано выше, свободная оценка доказательств является одним из величайших дости-

жений мировой юриспруденции [5, с. 88-133], однако, по мнению автора, данное положение УПК РФ, несмотря на общий принцип свободы оценки доказательств, установленный в ст. 17 УПК РФ, всё же, формализует оценку доказательств судом и говорит о том, что любое нарушение уголовно-процессуального закона и несоответствие доказательства процессуальной форме может служить основанием для признания его недопустимым. В свою очередь, отрицательный ответ на сформулированный выше вопрос, является выражением концепции т.н. “асимметрии” доказательств (данный термин употребляется не только в российской науке уголовного процесса [6, с. 147]). Достаточно часто, сторонники асимметрии доказательств настаивают на том, что порок процессуальной формы никоим образом не может стоять выше содержания доказательствах [9, с. 87]. В противовес этой точки зрения, сторонники теории “отрицания” (господства уголовно-процессуальной формы над содержанием) говорят о том, что процессуальная форма суть гарантия достоверности содержащейся в доказательстве информации [14, с. 48].

Необходимо также указать, что часть 2 ст. 74 УПК РФ устанавливает *numerus clausus* доказательств в уголовном процессе. Вопрос об отдельно взятых доказательствах этого перечня будет рассмотрен ниже; стоит лишь сразу оговориться, что доказательства, указанные в п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ (“иные документы”) об открытости данного перечня не свидетельствуют, ибо даже иные документы, не упоминающиеся в предыдущем пункте, требуют обличения в особую, уголовно-процессуальную форму; в противном случае, данные доказательства будут являться недопустимыми как доказательства, вступающие в противоречие с принципом законности.

Другие требования, предъявляемые к доказательству по критерию допустимости, перечисляются в ст. 75 УПК РФ, посвящённой недопустимым доказательствам.

Выше уже было сказано о содержании ч. 1 ст. 75 УПК РФ. Не менее примечательной выступает ч. 2 данной статьи, в которой описывается перечень доказательств, которые являются недопустимыми. Отметим, что данный перечень, в отличие от перечня доказательств в уголовном процессе, является открытым (ограниченный лишь, безусловно, этим самым перечнем доказательств в уголовном процессе) – об этом нам говорит п. 3 части второй (“иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса.”), а также позиция, выраженная в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 N 1 “О применении судами норм Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации" [11]. Безусловно, такой подход видится абсолютно верным и корректным, ибо, вне всякого сомнения, описать все случаи, когда доказательство следует признать недопустимым, все возможные нарушения Уголовно-процессуального закона (памятуя о "каучуковых" нормах-принципах УПК РФ) просто невозможно, как с позиции юридической техники, так и здравого смысла. Именно в связи с этим российским законодателем было принято решение о выделении общей нормы о доказательстве и об общих правилах допустимости.

Таков ли подход зарубежных правопорядков?

Если обратиться к Уголовно-процессуальному кодексу Федеративной Республики Германия (УПК ФРГ, *Strafprozessordnung – StPO* [21]), то можно увидеть, что в данной кодификации отсутствует специальная глава или раздел, посвящённый доказательствам, условиям их допустимости и процессу доказывания. Примечательно, что немецкий законодатель, являющийся первопроходцем высоко абстрактного пандектизма в эпоху великих кодификаций [16, с. 152-159], в *StPO* отказался от расположения законодательного массива в порядке общей и особенной частей (отметим, что здесь и далее деление на общую и особенную часть понимается в самом широком смысле. Иными словами, наличие даже отдельно взятых статей, содержащих общие положения (как в УПК РФ), без выделения их в раздел или подраздел, выполняет функцию общей части по отношению к положениям об отдельно взятых видах доказательств); по крайней мере, применительно к доказательствам и их исследованию, §48-111р. УПК ФРГ касаются вопросов, связанных с отдельно взятыми видами доказательств и законными способами их получения, сохранения и обличения в корректную процессуальную форму; никакие общие положения о доказательствах и их допустимости данным параграфам не предшествуют.

Таким образом, германский законодатель плавно ушёл от ответа на вопрос о том, что можно считать доказательством и каково общее правило о допустимости доказательств в германском уголовном процессе.

В противовес этому Уголовно-процессуальный кодекс Италии (УПК Италии, *Codice di procedura penale* [18]) построен по тому же принципу, что и российский УПК: помимо положений, касающихся отдельных видов доказательств, наличествуют также и генерализованные нормы о доказательствах и их допустимости. Третья книга УПК Италии целиком и полностью посвящена доказательствам (*prove*) и разделена на три титула: общие положения доказательственного права

(disposizioni generali), отдельные виды доказательств (mezzi di prova) и способы получения и исследования доказательств (mezzi di ricerca della prova).

Логика итальянского законодателя также исходила из генерализации принципа законности: в ч. 1 ст. 191 УПК Италии установлен общий запрет на использование доказательств, которые были получены с нарушением закона. Вместе с этим, ч. 2 данной статьи устанавливается правило о том, что доказательство может быть признано недопустимым на любой стадии процесса.

В то же время, ч. 1 ст. 192 Codice di procedura penale, свидетельствует о стремлении сгладить генерализированное правило о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона, ибо говорит о том, что судья оценивает доказательства учитывая обоснование полученных результатов; иными словами, УПК Италии настаивает на свободной оценке доказательств судьёй и на уровне нормы об оценке доказательств (а не на уровне генерализированных норм-принципов). Такое положение видится очевидным отличием от похожей нормы российского уголовно-процессуального закона – ст. 88 УПК РФ; по крайней мере, автор не усматривает *expressis verbis* выраженного принципа свободной оценки доказательств в данной статье отечественного УПК.

Несмотря на отсутствие специально выделенного раздела или главы, посвящённых общей характеристике допустимости доказательств, Уголовно-процессуальный кодекс Франции (УПК Франции, Code de procédure pénale) также включает в себя общее правило о допустимости доказательства. Так, в ст. 427 говорится о том, что правонарушения могут быть установлены любым способом доказывания, и судья выносит решение на основании внутреннего убеждения. Сформулированная таким образом с неизбежностью приводит нас к умозаключению о том, что французский уголовный процесс встаёт на позицию о господстве свободной оценки доказательств над принципом законности.

Несмотря на принадлежность к правовой семье common law, схожий подход выработан в англо-американском праве. Так, большая часть норм о допустимости доказательств (несмотря на существование специализированных законов о доказательствах, что, как известно, большая редкость для стран общего права) является неписаными [4, с. 36]. Несмотря на это, в Федеральных правилах о доказательствах США говорится о том, что судья сам волен устанавливать, можно ли принимать доказательство, в отношении допустимости которого имеются

сомнения [12, с. 61]. Таким образом, американский процесс также стоит на превалировании свободной оценки доказательства над принципом законности.

Положения об отдельных видах доказательств в российском и зарубежном уголовном процессе. Очевидно, что применительно к каждому из отдельно взятых доказательств можно помыслить широкий корпус правил о допустимости, а также неисчислимое количество различий, которые можно вычлениить применительно к каждому зарубежному правопорядку; в связи с этим, постараемся выделить наиболее примечательные моменты проводимого компаративистского анализа.

Если говорить о допустимости вещественных доказательств, то здесь российский уголовно-процессуальный закон, в ч.1 ст. 81 УПК РФ, следует логике общих положений о доказательствах, и устанавливает, что вещественными доказательствами могут признаваться “иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела”; иными словами, перечень вещественных доказательств также является открытым.

Вместе с тем, российское законодательство неоднозначно восприняло проблему т.н. “электронных” доказательств; так, электронный носитель сам по себе может не выступать вещественным доказательством (см. статью 81.1. УПК, посвящённую признанию, в том числе, электронных документов вещественными доказательствами), а в некоторых случаях – лишь устройством, с которого изымается информация (ст. 164.1 УПК РФ). При этом, иностранные правопорядки, на наш взгляд, – куда “прогрессивнее”; так, в уголовном процессе Германии электронные доказательства однозначно являются вещдоком [8, с. 317]. Еще дальше в этом вопросе пошла Франция, в уголовном процессе которой к электронным доказательствам предъявляется минимальное количество требований – в целом, за любым электронным доказательством, конфигурацию электронного источника которого можно установить, признаётся юридическая сила [8, с. 321]. Таким образом, можно констатировать, что российскому уголовному процессу в решении данной проблемы, возможно, следует пройти определённый путь развития.

Не менее интересным представляется вопрос регулирования процедуры получения показаний. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 79 УПК РФ, показаниями свидетеля признаются любые сведения, сообщённые им на допросе, который мог проводиться как в суде, так и в ходе досудебного производства; иными словами, российский уголовный процесс нацелен, в первую очередь, на гносеологическую самоценность показаний, т.е. на принципиальную возможность извлечения имеющей значение для уго-

ловного дела информации в случае, если это не противоречит уголовно-процессуальному законодательству. Вместе с этим, нельзя не согласиться с авторами [10, с. 141], которые констатируют, что подобная свобода ограничивается невозможностью восполнения такого доказательства путём допроса лиц, производивших данные следственные действия.

По поводу вопроса регулирования такого источника доказательств как показания, нужно отметить, что российский уголовный процесс куда более демократичен, нежели иные правовые порядки. Так, уголовный процесс в правовых системах common law доводит до абсолюта принцип непосредственности и устанавливает принципиальную недопустимость показаний, изъятых в любой момент до или после судебного разбирательства [6, С. 45], т.е. устанавливается принципиальная необходимость получения показаний непосредственно судом. Какой из двух подходов является более верным? Это большая процессуальная проблема, которой можно посвятить не одну книгу.

Список использованных источников

1. Арендаренко И.А. Доказательственное право в уголовном судопроизводстве как внутриотраслевой институт права // Современное право 2010. № 7.
2. Афанасьев А. Ю. Доказательственное право России: межотраслевой правовой институт или подотрасль отдельной отрасли права? // Проблемы реализации норм, регулирующих доказывание и доказательств в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. СПб., 2015.
3. Балакшин В. Получение, собирание, формирование доказательств: проблемы толкования и применения при оценке допустимости доказательств // Законность. 2022. № 3.
4. Верещагина М.А. Институт допустимости доказательств по английскому и американскому праву // Вестник ЮУрГУ, 2008. № 18.
5. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.
6. Жабеева Э. Ж. Сравнительный анализ: критерий допустимости доказательств на основе зарубежного законодательства / Инновации в науке, обществе и образовании: сборник статей. Пенза, 2021.
7. Зайцев В. П. К вопросу об оценке допустимости доказательств в уголовном процессе Республики Беларусь // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Международная научно-практическая конференция (сборник статей). Орёл, 2022.
8. Каламов Ж. С. Правовое регулирование электронных доказательств в странах с континентальной системой права. Опыт Франции и Германии // Евразийский юридический журнал. 2021. .№ 4.

9. Лантух Н. В. Критерии проверки и оценки допустимости и достоверности доказательств при осуществлении уголовного преследования // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 2.
10. Новиков С. А. Актуальные вопросы допустимости доказательств в российском уголовном процессе / Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 20 лет спустя»: Материалы XIV Международной научно-практической конференции: сборник статей. М., 2022.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 N 1 "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" / URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=wh1ZEQ&base=LAW&n=217738&dst=100006&field=134#48k0tgT0IRI49dCA1> (дата обращения: 07.06.2023)
12. Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997.
13. Уголовный процессуальный кодекс РФ / URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=xn4KZQ&base=LAW&n=446202&cacheid=B892C2FB670722AA7071B880AC30EB25&mode=rubr#ket4VgTcx9gZtLgx> (дата обращения: 01.06.2023)
14. Федюнин А.Е., Перетяцько Н.М. Эволюция подхода к допустимости доказательств в отечественном уголовно-процессуальном праве от Уставов уголовного судопроизводства до УПК Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
15. Фокина М. А. Доказательственное право – структурное подразделение гражданского процессуального права // Правоведение., 2000. № 3.
16. Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное частное право: в 2 т. Том I. Основы. Том II. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. М., 2021.
17. Шварц М. З. Виды доказательств и подготовка доказательственной базы по налоговым спорам; авторский курс “Доказательства и доказывание в налоговом споре” ресурса TaxPro / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fhbhoYSKMtY&t=1474s> (таймкоды: 0:50-1:20) (дата обращения: 02.06.2023)
18. Codice di procedura penale / URL: <https://www.studiocataldi.it/codiceprocedurapenale/codiceprocedurapenale.asp> (дата обращения: 04.06.2023)
19. Debesu K., Eshetu A. Law of Evidence. Teaching Material / URL: <https://chilot.files.wordpress.com/2011/06/law-of-evidence.pdf> (дата обращения: 06.06.2023)
20. Federal Rules of Evidence / URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/fre> (дата обращения: 02.06.2023)
21. Strafprozessordnung / URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/> (дата обращения: 03.06.2023)

Егор Алексеевич Поляков

студент юридического факультета
СПбГУ

Научный руководитель: *Светлана Петровна Кушниренко*
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
СПбГУ

ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются некоторые уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты получения и использования доказательственной информации при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии. Анализируются распространенные на данный момент в следственной и судебной практике доказательства и способы их получения, предпринимается попытка выделения наиболее удачных из них для доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии, обозначается ряд проблем, связанных с получением и использованием доказательственной информации. Также автором дается оценка соответствия наиболее часто получаемых следствием доказательств, при расследовании статьи 210.1 УК РФ, свойству допустимости.

Ключевые слова: занятие высшего положения в преступной иерархии, предварительное расследование, следственные действия, доказывание, доказательства, допустимость доказательств

Egor A. Polyakov

student of the Faculty of Law,
St. Petersburg State University

Research supervisor: *Svetlana P. Kushnirenko*
PhD in law, Associate Professor at the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: PROBLEMS OF OBTAINING AND USING EVIDENTIARY INFORMATION

The article discusses some criminal procedural and criminalistic aspects of obtaining and using evidentiary information in the investigation of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy. The article analyzes the evidence currently common in investigative and judicial practice and the

ways to obtain it, attempts to identify the most successful of them to prove the occupation of the highest position in the criminal hierarchy, identifies a number of problems associated with obtaining and using evidentiary information. The author also gives an assessment of the conformity of the evidence most frequently obtained by the investigation during the investigation of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation to the property of admissibility.

Keywords: occupation of the highest position in the criminal hierarchy, preliminary investigation, investigative actions, proof, evidence, admissibility of evidence.

Эпоха, наступившая после распада СССР, связана с серьезным ростом организованной преступности во всех государствах, образовавшихся на территории постсоветского пространства. Подобная тенденция не обошла стороной и Российскую Федерацию. Еще с 1990 – х годов, с которыми многие исследователи связывают начало нового этапа в развитии организованной преступности, тема борьбы с ней не теряет своей актуальности [9, с. 243]. Особую важность борьба с организованной преступностью приобретает в связи с беспрецедентными геополитическими вызовами, стоящими перед нашей страной, ведь организованная преступность является одной из угроз национальной безопасности, способной ослабить страну изнутри [1].

Одним из важных этапов в борьбе с организованной преступностью стала криминализация самого факта занятия высшего положения в преступной иерархии, так как подобные лица, стоя во главе организованной преступности, оказывают негативное влияние на криминальную обстановку как в учреждениях пенитенциарной системы, так и за их пределами, насаждают культ воровских традиций, противопоставляют свою власть власти государства [7, с. 12].

С момента введения уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, так и не была выработана полноценная методика расследования данного преступления. Связано это, в том числе и с тем, что лидеры преступного мира постоянно совершенствуют методы противодействия органам предварительного расследования. Кроме того, законодатель не обозначил исчерпывающий перечень тех лиц, которых можно было бы отнести к субъектам преступления, предусмотренного ст. 210.1. УК РФ [11, с. 63].

Но уже сейчас, опираясь на складывающуюся судебно-следственную практику и работы различных исследователей, можно выделить наиболее удачные способы получения и использования доказательственной информации при расследовании занятия высшего положе-

ния в преступной иерархии, которая и является содержанием доказательств и напрямую связана с процессом доказывания [6, с. 79].

Само по себе доказывание заключается в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию (предмет доказывания). При расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, для установления истины по делу, необходимо исчерпывающе определить предмет доказывания, который, как написал А.Р. Белкин: «ориентир в познании обстоятельств дела» [Там же., с. 46]. Учитывая специфику состава преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ, для выполнения требований ст. 73 УПК РФ и для проведения всестороннего расследования, следствию, помимо общих для всех преступлений обстоятельств, будет необходимо установить следующее:

1) Существование некой субкультуры криминальной среды на территории РФ и на территории конкретных субъектов РФ, где действовало лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

2) Наличие в этой криминальной субкультуре общепризнанной для ее членов иерархии.

3) Факт занятия обвиняемым высшего положения в преступной иерархии. Обстоятельство, фактически доказывающее реализацию обвиняемым объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ. Доказывание факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии должно основываться как на установлении обстоятельств, связанных с формальным наделением лица статусом и функциями, которые в криминальной среде свидетельствуют о занятии высшего положения в преступной иерархии (например, так называемая «коронация», в ходе которой лицо признается «вором в законе»), так и на последующих действиях обвиняемого, свидетельствующих о том, что он имеет властные полномочия в отношении лиц, относящихся к криминальной среде, а именно: может отдавать общеобязательные для других членов криминальной субкультуры распоряжения, изменять их положение в криминальной иерархии, распространять идеологию и традиции преступного мира, осуществлять сбор денежных средств и прочих ценностей с осужденных для формирования «воровского общака», участвовать в разрешении конфликтных ситуаций между осужденными и т.д. Именно такие действия воспринимаются как свидетельство занятия лицом высшего положения в преступной иерархии [4].

Таковыми лицами отечественная судебно-следственная практика считает: «воров в законе», находящихся на вершине преступного мира, а также «положенцев» и «смотрящих», которые, находясь в преступной

иерархии ниже «воров в законе», все равно реализуют некоторые властные полномочия в рамках криминального мира.

Далее предлагается рассмотреть наиболее частые и эффективные способы доказывания высшего положения в преступной иерархии.

Особую важность при доказывании преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ, имеют показания обвиняемого и свидетелей. Соответственно необходимо обратить пристальное внимание на те следственные действия, в ходе которых они могут быть получены: допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, предъявление для опознания [12, с. 13].

При расследовании ст. 210.1 УК РФ, как, впрочем, и любого другого преступления, наиболее частым способом получения показаний являются именно допросы. Важно помнить, что обвиняемый в занятии высшего положения в преступной иерархии будет обладать достаточно богатым криминальным опытом, позволяющим ему противодействовать расследованию. А.М. Ларин писал, что: «Ни в одной области познания, кроме доказывания по уголовным делам, исследователю не противостоит субъект, кровно заинтересованный в неудаче исследования, порою еще неизвестный и не брезгающий никакими средствами» [10, с. 45-46]. С достаточно большой долей вероятности допрос будет происходить в конфликтной ситуации, допрашиваемый будет отрицать факт занятия им высшего положения в преступной иерархии, будет давать ложные показания. Обусловлено это, в том числе и традициями преступного мира. Однако нельзя не отметить, что криминальные традиции переживают определенный кризис, многие из них постепенно уходят в прошлое или претерпевают существенные изменения. Поэтому встречаются случаи, когда обвиняемый в занятии высшего положения в преступной иерархии, пытаясь улучшить свое положение, признавал вину в инкриминируемом деянии [2].

Интерес для органов предварительного расследования представляют показания свидетелей, ведь именно благодаря этим показаниям возможно подтвердить существование на определенной территории криминальной субкультуры со сложившейся иерархией. Помимо этого, свидетели могут быть осведомлены о высоком криминальном статусе обвиняемого. Наиболее распространено в следственной и судебной практике использование в качестве свидетелей заключенных, содержащихся в учреждениях пенитенциарной системы, а также оперативных сотрудников МВД и ФСИН.

Заключенные, обладающие информацией о происходящем в пенитенциарных учреждениях, могут не только подтвердить существова-

ние самой преступной иерархии, но и непосредственно указать на какие-либо действия обвиняемого, свидетельствующие о том, что он занимает высшее положение в ней. В качестве примера можно привести факт изменения положения осужденных в рамках преступного мира: «Смотрящий» за ФКУ «ИК-1» Д. согласовал с Боджаевым перевод осужденного Г. из касты «мужики» в касту «красных» («козлы»), сотрудничающих с администрацией. Позже Боджаев дал указание Д. избить прибывшего в колонию осужденного Б. и определить его в низшую касту («опущенные», «обиженные»)» [2].

Однако следствие, основывая весь процесс доказывания на свидетельских показаниях, может столкнуться с серьезной проблемой, вытекающей из требований п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Подобные показания не должны строиться на слухах и догадках. Члены адвокатского сообщества видят в этом потенциальный способ признания показаний свидетелей недопустимыми, ведь информация о наличии преступной иерархии, на их взгляд, не является общедоступной [13, с. 9].

Подобное замечание более чем оправдано. Если лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, находится в учреждении пенитенциарной системы, то другие заключенные будут знать об этом факте. Однако свидетель должен суметь назвать источник своей осведомленности – чаще всего другие осужденные или «воровской прогон» (способ распространения информации, поступающей от лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, к другим осужденным, придерживающимся традиций криминального мира). В противном случае показания будут признаны недопустимыми.

Для подтверждения факта существования криминальной субкультуры и ее иерархичности, в соответствии со ст. 58 УПК РФ может быть привлечен специалист, обладающий специальными знаниями в этой области (в таком качестве привлекаются преподаватели ведомственных учебных заведений МВД, также представляется, что в роли специалистов могут быть привлечены и любые другие представители научного сообщества, которые обладают достаточными специальными знаниями).

Еще одним способом получения доказательственной информации является изъятие «воровского прогона». Как показывает судебно-следственная практика, в подобных записках нередко содержится информация о том, что на территорию пенитенциарного учреждения должно прибыть лицо, имеющее высокий криминальный статус, соответствующий занятию высшего положения в преступной

иерархии. Кроме того, подобное письмо пишется от имени лиц, которые также занимают высшее положение в преступной иерархии.

Однако криминальный мир, стремясь защитить своих лидеров, постоянно совершенствует способы передачи подобной информации. Встречается все больше «воровских прогонов», в которых лица, являющиеся субъектами состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, не используют никакой информации, позволяющей их идентифицировать

Оперативные сотрудники и следователи могут прибегнуть и к поиску информации об обвиняемом на различных интернет-ресурсах, которые зачастую содержат важную и достаточно обширную доказательственную информацию о криминальном статусе обвиняемого. Существуют отдельные интернет-ресурсы, собирающие информацию о «генералах преступного мира», например «Прайм Край». К сожалению, обращаясь к таким ресурсам, не всегда учитывается тот факт, что информация, содержащаяся на них, может не отвечать свойству достоверности. Если органам предварительного расследования не удастся подтвердить содержащуюся там информацию, то полученная доказательственная информация не будет принята во внимание судом [3].

Информацию с такого рода интернет-ресурсов оперативным сотрудникам и следователям рекомендуется использовать в качестве ориентирующей.

Также в качестве ориентирующей информации могут быть использованы и результаты психофизиологической экспертизы. Из-за того, что полученная таким образом информация носит лишь вероятностный характер, ее сложно считать доказательством [8, с. 367].

Тем не менее она способно создать определенное внутреннее убеждение у следователя, прокурора, судьи. Использование классического способа устранения противоречий в показаниях – очной ставки, при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии весьма затруднено, ведь из-за риска противоправного воздействия со стороны представителей преступного мира, многие свидетели засекречены. Более того, даже при условии соблюдения всех мер безопасности в случае проведения очной ставки между обвиняемым и свидетелем, последний, зная о высоком криминальном статусе обвиняемого, может испугаться потенциальной мести со стороны представителей криминального мира. В этом случае проведение следственного действия будет фактически сорвано. Именно поэтому использование полиграфа для устранения противоречий в показаниях при расследовании ст. 210.1 УК РФ представляется весьма перспективным.

Также при доказывании занятия высшего положения в преступной иерархии активно используются результаты культурологической судебной экспертизы. Для представителей криминального мира характерно нанесение на тело всевозможных перманентных рисунков (татуировок), каждая из которых имеет определенное значение, может свидетельствовать о положении лица в криминальном мире. Считается, что для лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, характерны специальные перманентные рисунки, подтверждающие этот статус. Благодаря культурологической экспертизе можно установить, относятся ли нанесенные на тело обвиняемого перманентные рисунки к символике преступного мира, что они означают, являются ли характерными для лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

При этом нельзя сказать, что такое доказательство является бесспорным. Учитывая крайне специфическую направленность таких перманентных рисунков, сторона защиты может поставить под сомнение квалификацию эксперта [13, с. 10-11]. Кроме того, сам подозреваемый может отрицать связь перманентного рисунка с криминальной субкультурой, ведь в современном мире почти в каждом городе можно сделать абсолютно любую татуировку. Учитывая вышесказанное, заключение эксперта, полученное в результате культурологической экспертизы перманентного рисунка, может стать хорошим источником доказательственной информации, однако такое доказательство нельзя считать основополагающим в процессе доказывания.

Свою роль в получении доказательственной информации играет и судебная психолого-психиатрическая экспертиза, ведь помимо решения вопроса о наличии всевозможных психических расстройств, эксперт может сформировать психологический портрет обвиняемого. Для лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии характерны следующие черты: высокие интеллектуальные способности, лидерские качества, корыстолюбие, желание быстрого карьерного роста, игнорирование общепринятых норм права и морали [2; 5, с. 5].

Для расследования занятия высшего положения в преступной иерархии также активно используется и ОРД, в частности используется ОРМ «прослушивание телефонных переговоров». Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, могут отдавать свои распоряжения посредством телефонной связи. Если оперативным сотрудникам в ходе проведения ОРМ удастся зафиксировать какие-либо властные распоряжения, исходящие от лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии в адрес прочих лиц, придерживающихся

криминальных традиций, то подобная информация может стать хорошим доказательством.

На сегодняшний день отсутствует методика расследования занятия высшего положения в преступной иерархии, в то время как адвокатское сообщество смогло достаточно оперативно выработать тактику защиты от уголовного преследования. В последнее время мы можем наблюдать положительную тенденцию в вопросе борьбы с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии. С каждым годом растет количество приговоров по этому составу преступления, за 2022 год их было вынесено уже порядка 20. Такая тенденция позволяет надеяться, что вскоре в науке будет выработана полноценная методика расследования для этого преступления.

Список используемой литературы

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.07.2021. N 27 (часть II).
2. Приговор Верховного Суда Республики Калмыкия от 11.04.2023 по делу № 2/3-2023 // <https://судебныерешения.рф/74435159> / (дата обращения: 17.08.2023).
3. Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 по делу № 55-357/2023 // <https://судебныерешения.рф/58359544> / (дата обращения: 20.08.2023).
4. Приговор Свердловского областного суда от 10.04.2023 по делу № 26/2023 // <https://судебныерешения.рф/73253955> / (дата обращения: 15.08.2023).
5. Агарков А. В., Агарков В. А. Особенности профайлинга лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии в местах лишения свободы // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2022. № 2 (18).
6. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Москва, 2005.
7. Бондаренко С. В. Влияние так называемых «воров в законе» на криминологическую ситуацию в пенитенциарных учреждениях // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 2 (38).
8. Гущина В. С. Проблемы признания психофизиологического исследования с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве РФ // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы конференций 2020-2021 годов. Москва, 10 декабря 2020 года – 25 июня 2021 года / Под ред. Н. П. Кирилловой, С. П. Кушниренко, Н. Г. Стойко, В.Ю. Низамова. Москва, 2021.
9. Емельянов А. И. Организованная преступность как ключевая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вестник

Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 4 (808).

10. Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966.
11. Лебедев Н. Ю., Нидер С. А. К вопросу о характеристике лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 4 (34).
12. Новиков С. А. Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом. Санкт-Петербург, 2008.
13. Якушкин А. В. Защита воров в законе // Уголовный процесс. 2020. № 10.

Вадим Евгеньевич Путилин
студент юридического факультета
СПбГУ

Научный руководитель: *Андрей Геннадьевич Тузов*
кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КАК ПРЕДМЕТ КАССАЦИОННОГО РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В статье исследуются пределы рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции. Автор рассматривает законность приговора как предмет кассационной проверки, сравнивает нормативное закрепление предмета кассации с правоприменительной практикой и приходит к выводу о необходимости внесения изменений в нормативное регулирование.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное разбирательство; пересмотр судебных решений; кассация; пределы судебного разбирательства

Vadim E. Putilin

Student of the Law Faculty
St. Petersburg State University

Scientific supervisor: *Andrey Gennadievich Tuzov*
Candidate of Law, Senior Lecturer
of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

FACTUAL CIRCUMSTANCES AS A SUBJECT OF CASSATION CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES

The article examines the limits of consideration of a criminal case by a court of cassation instance. The author considers the legality of the sentence as the subject of cassation review, compares the normative consolidation of the subject of cassation with law enforcement practice and comes to the conclusion that it is necessary to amend the regulatory regulation.

Keywords: criminal procedure; trial; the judgments review; cassation; limits of a court hearing

В современной науке уголовного процесса существует немало споров касательно взглядов на проблему предмета рассмотрения уголовного дела в суде кассационной инстанции. Легальная позиция была определена в главе 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и конкретизирована в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 25 июня 2019 года №19 «О при-

менении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». Данная позиция заключается в том, что к предмету рассмотрения уголовного дела в кассационной инстанции относится исключительно законность ранее постановленного приговора. Помимо легальной позиции законодателя, в современной науке существует множество точек зрения на эту проблему. Так, среди специалистов имеет место мнение, что проверка законности приговора невозможна в отрыве от проверки обоснованности судебного решения.

Актуальность вопроса о проверке обоснованности приговора при постановлении кассационной инстанцией решения заключается в расхождении правоприменительной практики с нормативным регулированием данной проблемы, а также в неоднозначном толковании норм, регламентирующих предмет рассмотрения и основания отмены приговора в кассации. Практика рассмотрения кассационных жалоб и представлений показывает, что суды, проверяя законность приговора, в той или иной мере не могут не обращаться к фактическим обстоятельствам уголовного дела, то есть по факту вынуждены проверять обоснованность наряду с законностью.

Эта дилемма появилась в законодательстве после судебной реформы 1864 года, ее пытались решить и в дореволюционный период, и в период развития советского процессуального законодательства, актуальна она и в наше время, особенно в связи со значительными изменениями в порядке кассационного производства (принятие Федерального закона от 11.10.2018 N 361-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации", который ввел сплошную и выборочную кассацию).

Современная доктрина уголовного процесса обозначает кассацию как факультативную и экстраординарную стадию. В нашем случае интерес вызывает именно экстраординарность, которая состоит в том, что кассационный суд специализируется только на проверке законности вступивших в законную силу приговоров. Это характеризует кассацию как исключительную стадию. Согласно современному законодательству, приговор, обжалуемый в апелляционном порядке, считается все еще неокончательным и вступает в законную силу после вынесения апелляционного решения. После вступления приговора в законную силу уголовное дело считается разрешенным и всесторонне расследованным, поэтому кассация и надзор, как экстраординарные стадии, проверяют лишь законность постановленного приговора.

Изначально кассация создавалась как некая опора для законодателя по обеспечению единства и законности правоприменительной практики. Во-первых, небольшое количество кассационных судов общей юрисдикции позволяет контролировать и корректировать судебную практику. Во-вторых, из задач, поставленных перед кассацией, следует и то, что в этом производстве рассматривается только законность. Перед данным институтом не стоит цели осуществить всестороннюю проверку приговора и рассмотрение уголовного дела по существу. Презюмируется, что эти мероприятия были выполнены в предыдущих инстанциях, а кассации остается лишь в той или иной мере проверить соблюдение порядка проведения судопроизводства на всевозможные нарушения. В случае же выявления нарушения закона на предыдущих стадиях, независимо от субъекта этого нарушения, кассация исправляет указанное нарушение данными ей на то средствами. Следовательно, кассацию можно определить как экстраординарную, факультативную, исключительно профессиональную по вопросам права судебную инстанцию, осуществляющую производство по проверке вступивших в законную силу приговоров, выявлению нарушений уголовно-процессуального закона и неправильному применению уголовного закона на предыдущих стадиях уголовного судопроизводства.

Сторонники классической кассации, зародившейся еще в XIX веке, называют данную стадию «чистой» кассацией (из-за того, что рассматривается только законность) и признают ее экстраординарность. Такая позиция берет начало из принципа «*res judicata*» (окончателность судебного решения). Современная российская кассация придерживается данного принципа. После апелляции приговор вступает в законную силу и становится окончательным, а именно бесповоротным (в части вопросов факта) и незыблемым. Говоря подробнее, по существу уголовное дело может рассматриваться лишь два раза: в первой инстанции и в апелляции. Затем в силу вступает презумпция всестороннего и полного разрешения уголовного дела по вопросам факта. Иными словами, законодатель устанавливает две инстанции для определения всех важных для дела фактических обстоятельств и утверждает, что этого достаточно. Сторонники данной модели убеждены в том, что уголовное дело нельзя бесконечно пересматривать. Должна быть «точка невозврата», в которой суд как бы объявляет обществу, что процесс завершен, а дело разрешено полно и всесторонне. Кроме того, и участники процесса обязаны понимать, что процесс однажды закончится, что он не будет растягиваться во времени, а суд способен эффективно разрешить дело. В. К. Случевский отмечает по этому поводу:

«Законная сила состоявшегося судебного приговора стоит вне всякой зависимости от правильности самого приговора. Приговор может быть неправилен как в отношении фактическом, так и в отношении юридическом, и тем не менее он будет иметь силу судебного приговора и как таковой должен неуклонно быть исполнен, если, за истечением сроков обжалования или за неимением законных способов обжалования, на него не может быть принесена установленным порядком жалоба или протест» [4, с. 396] Такой подход позволяет стимулировать суды первой и второй инстанции к заинтересованности в установлении всех важнейших обстоятельств дела, в ином случае приговор будет неправосудным. Кроме того, подобная модель кассации поддерживает авторитет суда, незыблемость и бесповоротность окончательного судебного решения как акта отправления правосудия, исключает какие-либо сомнения в правильности разрешения уголовного дела по существу.

Исходя из презумпции того, что до вступления приговора в законную силу были установлены все важные аспекты дела, действительно, кассационному суду, как сугубо профессиональному в вопросах права суду, не остается ничего иного, как проверить соблюдение законности на предыдущих стадиях. В связи с этим в статье 401.15 УПК РФ указан исчерпывающий перечень оснований отмены или изменения судебного решения в кассации.

Суд кассационной инстанции при возбуждении производства по кассационной жалобе или представлению осуществляет свою деятельность, исследуя исключительно письменные материалы дела. То есть он не обладает полномочиями по доказыванию, исследованию доказательств, их переоценке и т.п. Это также является характерной чертой экстраординарности данной инстанции.

В науке существует также иная точка зрения на модель кассации, заключающаяся в том, что, согласно современному законодательству, кассационный суд ограничен обнаружением и исправлением ошибок лишь в сфере законности и поэтому он вынужден игнорировать выявленные им ошибки в обоснованности приговора. Однако такое положение дел является противоестественным, поскольку кассационный суд, как и любой суд, не может игнорировать неправосудность судебного решения и должен исправлять любые ошибки в приговоре. Стоит также отметить подкрепляющее данную позицию мнение о том, что необоснованность приговора влечет его незаконность, и наоборот. Так, по этому поводу М. Е. Нехороших отмечает: «Процесс же принятия на основе выводов о фактических обстоятельствах уголовного дела решения о применении той или иной нормы материального закона должен

влиять не на обоснованность приговора, а на его законность, поскольку в данном случае оценивается не соответствие выводов суда исследованным доказательствам, а соответствие выводов нормам уголовного закона» [2, с. 85].

Если в уголовном судопроизводстве во главе приоритетов ставится правосудность приговора, то не допускается какое-либо ограничение предмета рассмотрения в той или иной проверочной инстанции. Проверочные производства не должны быть скованны какими бы то ни было пределами, дабы избежать судебной ошибки либо исправить ее.

Многие исследователи отмечают следующее противоречие в УПК РФ. Статья 297 УПК РФ устанавливает, что «приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым». В то время как статья 401.1 УПК РФ определяет только законность как предмет рассмотрения уголовного дела в суде кассационной инстанции. Более того, в пункте 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 N 19 "О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции" говорится: «Доводы жалобы, представления на недопустимость доказательства, положенного в основу обвинительного приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, повлиявшего на выводы суда относительно фактических обстоятельств дела, требуют проверки». В связи с этим возникают некоторые вопросы. К примеру, является ли запрет проверки обоснованности и рассмотрения фактических обстоятельств дела абсолютным, или же в отдельных случаях суды обладают такими полномочиями? Жалобы и представления на относимость или достоверность доказательства также требуют проверки? Ведь эти требования стоят наряду с допустимостью.

Условно основания отмены или изменения приговора в суде кассационной инстанции можно разделить на два вида: бесспорные и нарушения обоснованности, влекущие незаконность приговора. К бесспорным основаниям относят исключительно нарушения закона, но в то же время существуют и «комбинированные» нарушения: необоснованность приговора влечет его незаконность, поэтому проверка обоснованности приговора выступает лишь необходимым этапом для принятия решения о законности или незаконности приговора. К примеру, похожую мысль высказывает В. Д. Потапов: «Основания для такого подхода при этом заключаются в том, что необоснованность приговора в данном случае – прямое следствие нарушения требований уголовно-процессуального закона. Отсюда и вполне есте-

ственный вывод: приговор незаконен лишь потому, что он не обоснован фактически» [3, с. 232].

Действующий УПК РФ наделяет кассацию ревизионным началом, что выражается в праве суда выходить за пределы доводов жалобы или представления и проверить производство по делу в полном объеме и в отношении всех лиц. По этому поводу Н. А. Колоколов отмечает: «Те же ревизионные усилия суда изначально несовместимы с принципом правовой определенности окончательных судебных решений, противоречат правилу *res judicata*. Наконец, как уже отмечалось, отсутствие оговорок в пределах подобной ревизии субъективно включает в предмет проверки и оценки суда не только свойства законности, но и фактической обоснованности окончательных актов суда» [1, с. 437].

Конечно, было бы неправильно закрывать глаза на допущенные в процессе нарушения и делать вид, что российскому уголовному процессу незнакомы такие ситуации, ссылаясь при этом на презумпцию всестороннего и полноценного разрешения дела до вступления приговора в законную силу. Однако и отказ от института окончательности приговора («*res judicata*») был бы нецелесообразен. Как тогда решать данную проблему?

Думается, что законодатель не стал давать четких ответов не из-за того, что пропустил этот момент и создал пробел в нормативном регулировании. По моему мнению, он специально урегулировал данный вопрос мягко и неоднозначно. Это в какой-то мере позволяет равноценно соблюдать и принцип окончательности, и принцип правосудности приговора одновременно. Действительно, основания отмены или изменения приговора в кассационном порядке установлены достаточно обобщенно, и под них, помимо процессуальных, подпадает практически любое существенное нарушение. Так, многие ученые склоняются к расширенному предмету кассационного пересмотра и предлагают в ст. 401.1 УПК РФ указать о необходимости проверки законности окончательного приговора, а также его справедливости и обоснованности в случае нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств, которые повлияли на правильность установления судом фактических обстоятельств дела. Например, М. С. Спиридонов отмечает: «Формально-юридический подход показывает, что требования законности, обоснованности, мотивированности и справедливости судебного решения не могут быть рассмотрены в отрыве друг от друга, их проверка всегда должна проходить одновременно, комплексно» [5, с. 180].

Если проанализировать кассационную практику, то можно обнаружить большое количество решений, которые так или иначе затрагивают рассмотрение фактических обстоятельств дела. Исходя из того, что такие судебные решения имеют место и законодатель не пресекает подобную деятельность судов, можно сделать вывод: кассация в какой-то мере все же обладает полномочиями по рассмотрению вопросов факта. Да, эти полномочия не равны полномочиям апелляции, однако и не отсутствуют полностью. В связи с тем, что нарушения обоснованности приговора влекут его незаконность, можно сделать вывод: суды кассационной инстанции имеют право проверять правильность установления фактических обстоятельств в рамках исследования письменных материалов дела.

Однако формулировка статьи 401.1 УПК РФ и положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2019 года вступают в определенную правовую коллизию. Поскольку статья 401.1 УПК РФ ограничивает предмет проверки кассации лишь законностью, имеют место случаи категоричных отказов кассационными судами в принятии и рассмотрении кассационных жалоб и представлений, содержащих доводы относительно фактических обстоятельств дела.

Анализ кассационной практики подтверждает неоднозначность регулирования данного вопроса.

С одной стороны, существует множество решений кассационных судов, где они, ссылаясь на статьи 401.1 и 401.15 УПК РФ, отказывают в проверке правильности установления вопросов факта по причине ограниченности предмета рассмотрения только лишь законностью приговора. Такой подход буквально соответствует УПК РФ и принципу правовой определенности, однако имеет свои дефекты, поскольку судом первой инстанции или апелляцией могли быть допущены ошибки в установлении фактической стороны дела. В таком случае постановленный приговор после вступления в законную силу *de jure* является обоснованным, а *de facto* – необоснованным и неправосудным. Так, например, в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.01.2023 по делу №77-139/2023 суд категорически отказывает осужденному в проверке правильности установления фактических обстоятельств по делу, обосновывая отказ тем, что данные обстоятельства были всесторонне рассмотрены и установлены предыдущими инстанциями. Также в Кассационной жалобе по делу №1-9/2021 (в первой инстанции, №77-368/2023 в кассации) защитник осужденного оспаривает установленные апелляцией новые фактические обстоятельства по

делу, которые легли в основу переквалификации совершенного преступного деяния и ужесточения наказания. В Кассационном определении по этому делу Третий кассационный суд указывает лишь на то, что суд первой инстанции и апелляция не допустили нарушений уголовно-процессуального закона, и порядок всех процедур был соблюден. Доводы же стороны защиты о неправильности установленных апелляцией фактических обстоятельств дела Судебная коллегия Третьего кассационного суда не принимает во внимание, мотивируя это тем, что стороны в ходе судебных разбирательств не были ограничены в праве представления доказательств и заявлении ходатайств, а также, цитирую: «несогласие осужденного и его защитника с оценкой доказательств данной судом апелляционной инстанции, не является основанием для отмены или изменения апелляционного определения». Подобных судебных решений немало, и они соответствуют существующему законодательству, однако такой подход противоречит принципу правосудности приговора.

С другой стороны, имеет место значительное количество кассационных решений, в которых суды проверяют соответствие установленных нижестоящими инстанциями фактических обстоятельств действительности, тем самым осуществляют проверку обоснованности приговора. Более того, имеют место случаи вторжения кассационных судов в вопросы доказанности и оценки тех или иных фактических обстоятельств уголовного дела. Стоит отметить Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2023 N 39-УД23-6-К1, где Верховный суд указал: «Кроме того, сославшись на то, что в приговоре не раскрыто содержание этих протоколов и не дана им оценка, суд кассационной инстанции мог сам проверить содержание указанных доказательств, в целях улучшения положения осужденного решить вопрос об исключении из приговора ссылки на эти доказательства или принять решение о прекращении дела по реабилитирующему основанию, если эти доказательства свидетельствует о невинности осужденного». Далее, анализируя судебную практику, мы находим Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 89-УДП15-12, в котором высказана интересная позиция: «Доводы о том, что суд кассационной инстанции был не вправе переоценивать достоверность показаний потерпевшего, основаны на положениях статьи 401.1 УПК РФ, в силу которой при рассмотрении кассационных жалобы, представления суд (судья) кассационной инстанции проверяет только законность судебных решений, то есть

правильность применения норм уголовного и норм уголовно-процессуального права (вопросы права). С учетом данного ограничения доводы кассационных жалобы, представления, если в них оспаривается правильность установления судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта), проверке не подлежат. Однако указанное ограничение не следует рассматривать в качестве абсолютного запрета, поскольку, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, правосудие по самой своей сути признается таковым лишь при условии, что оно отвечает... требованию справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах». А в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.03.2022 по делу №77-1640/2022 суд указывает на неверную юридическую оценку, данную нижестоящими инстанциями фактическим обстоятельствам, а также оставление некоторых существенных обстоятельств дела без оценки вовсе. Интересно, что в данном решении, как и в большинстве ему подобных, кассационный суд сначала ссылается на статью 401.1 УПК РФ, которая ограничивает предмет рассмотрения уголовного дела в кассации только законностью, а затем указывает на ошибки в оценке некоторых фактов, мотивируя это нормами статьи 297 УПК РФ, в которой определяются требования законности, обоснованности и справедливости к приговору.

В связи с неоднозначностью судебной практики, конечно, думается, что предмет судебного разбирательства в кассационном порядке требует иной, более широкой, формулировки. С учетом взаимосвязанности законности и обоснованности, как требований к приговору, в статью 401.1 УПК РФ наряду с законностью все же следует включить и обоснованность, однако с оговоркой о том, что правильность установления фактических обстоятельств уголовного дела подлежит проверке кассационным судом лишь в той мере, в какой этого требует проверка законности.

Список использованных источников

1. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Колоколова. М., 2015.
2. Нехороших М. Е. О расширении предмета проверочной деятельности в производстве в суде кассационной инстанции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 26.
3. Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: монография / под ред. докт. юрид. наук,

проф., заслуженного деятеля науки Российской Федерации
О. А. Зайцева. М., 2012.

4. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 1: Судостроительство. М., 2008.
5. Спиридонов М. С. Разграничение предмета проверки судебных решений по уголовным делам в порядке сплошной и выборочной кассации // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе: Сборник материалов Всероссийской научно– практической конференции, Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (16–17 октября 2020 г.) / Под. ред. К. Б. Калиновского. СПб., 2021.

Никита Александрович Трудов

студент юридического факультета
СПбГУ

Научный руководитель: *Светлана Петровна Кушниренко*
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ГЕНОЦИДА

В настоящей статье рассматриваются криминалистические аспекты получения и использования доказательственной информации, возникающие в ходе расследования преступлений против мира и безопасности человечества. Рассматриваются основные способы получения информации, представляющие интерес для предварительного следствия, а также некоторые особенности расследования рассматриваемых преступлений в настоящее время.

Также автором дается разграничение этапов расследования указанных ранее преступлений, которые различаются между собой отдельными, специфическими признаками.

Ключевые слова: особенности расследования геноцида, расследование геноцида, расследование преступлений против мира и безопасности человечества, предварительное расследование, следственные действия, доказательства, следственные ситуации.

Nikita A. Trudov,

3th year Bachelor's student of the
Faculty of Law,
St. Petersburg State University

Research supervisor: *Svetlana P. Kushnirenko*
PhD in Law Associate Professor at the Department
of Criminal Procedure and criminalistics,
St. Petersburg State University

FEATURES OF THE GENOCIDE INVESTIGATION

This article examines the forensic aspects of obtaining and using evidentiary information that arise during the investigation of crimes against the peace and security of mankind. The main methods of obtaining information of interest to the preliminary investigation are considered, as well as some features of the investigation of the crimes under consideration at the present time.

The author also gives a distinction between the stages of investigation of the previously mentioned crimes, which differ from each other by separate, specific features.

Keywords: features of the genocide investigation, genocide investigation, investigation of crimes against the peace and security of mankind, preliminary investigation, investigative actions, evidence, investigative situations.

Введение

Современная политическая обстановка создает условия, в которых с каждым днем все больше людей и государств позволяют себе не только проводить сравнение действий руководства Советского Союза с фашистской Германией, но и даже приводить совершенные злодеяния последней и ее союзников в качестве примеров подвигов и героизма, борьбы якобы с целью свободы и развития демократических традиций. Таким образом, идет смещение внимания, подмена понятий и переоценка ценностей с последующем оправданием лиц, совершивших различные зверства и преступления.

В связи с этим особое значение на сегодняшний день приобрела деятельность правоохранительных органов Российской Федерации, направленная на установление фактов геноцида по отношению к советскому народу, а также совершения иных преступлений против мира и человечества. Это способствует искоренению вышеуказанных мировых тенденций, которые активно и целенаправленно продвигаются представителями других государств. Необходимость расследования таких преступлений также обусловлено важностью сохранения исторической памяти подвига советского народа, который принял основной удар в период Великой Отечественной Войны и внес наибольший вклад в победу над гитлеровской Германией, а также стран сателлитов и союзников фашизма, освободив многие народы и страны от коричневой чумы.

Осуществляя подобную деятельность, реализуется защита прав и законных интересов родственников, потомков и граждан – погибших и пострадавших в период Великой Отечественной Войны.

Сегодня следственные, прокурорские и судебные органы, а также иные службы, организации и граждане России, а также ряда других государств, стремятся расследовать либо содействовать расследованию преступлений против мира и безопасности человечества. Осуществляя большой объем работ, находят и фиксируют следы совершения геноцида и других злодеяний на территории стран участниц Войны, которые пострадали от боевых действий и оккупационного режима. Это дает возможность восстановить историческую память и справедливость, изобличить виновных и показать масштабы зверств последователей фашизма.

Общая характеристика

Рассматривая практику расследования геноцида, а также некоторых других преступлений против мира и безопасности человечества, можно выявить определенные особенности. При этом наибольшее внимание было выделено именно опыту, сложившемуся в годы Великой Отечественной Войны, а также в послевоенный период при установлении фактов фашистских злодеяний.

В настоящий момент Уголовный кодекс Российской Федерации относит подобные деяния к преступлениям против мира и безопасности человечества. В соответствии со ст.357 УК РФ геноцид – это действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы, наказываемое лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

Исследуя материалы подобных дел можно заметить и выявить следующую особенность – разделение на три основных этапа, имеющих собственные цели и задачи, способы сбора и фиксации следов, тактику производства следственных действий, специфические условия работы.

Этапы расследования геноцида, а также некоторых других преступлений против мира и безопасности человечества

Первый этап расследования, в период вооруженного конфликта

Основная задача правоохранительных органов на первом этапе заключается в выявлении и регистрации преступлений против мира и безопасности человечества, в поиске следов и их фиксации. Таким образом, следственными подразделениями устанавливаются возможные свидетели, потерпевшие и подозреваемые, проводится основная часть следственных действий, которая будет заложена в основу обвинения на следующих этапах.

Сообщениями, указывающими на совершение подобных преступлений, могут являться показания беженцев, военнослужащих и военнопленных, местного населения; информация, полученная от агентурной разведки и иных видов разведки; обнаружение массовых захоронений или орудий и иных приспособлений, направленных на уничтожение в массовом количестве людей мирного населения; трофей-

ных документов, директивы, приказы и отчеты об истреблении тех или иных народов; из открытых источников, газеты, радио, а сегодня с помощью интернета, а также иных источники.

При обнаружении следов на освобожденных территориях они будут производиться следственными группами в сравнительно спокойных условиях с учетом специфики этапа расследования. В случаях, когда полученные сведения указывают на преступления, совершенные на пока что неосвобожденной местности, требуется использование аэрофотосъемки, осмотрами происшествий различными разведывательными группами с последующей передачей результатов в правоохранительные органы, составлением схем и карт местности, на которых были совершены злодеяний. По мере освобождения временно оккупированных территорий следует проводить дополнительные следственные действия, повторные осмотры мест происшествий и захоронений, эксгумацию тел умерших, назначение и проведение судебно-медицинских, баллистических, иных видов экспертиз, и иных следственных действий [8, с. 85].

Специфика рассматриваемого этапа заключается в объективной сложности производства почти всех следственных действий, а также полная неочевидность всего итога расследования.

В качестве некоторых сложностей можно перечислить следующие:

1. Опасность для жизни и здоровья сотрудников: покушения, артиллерийские обстрелы, деятельность диверсионных групп.

2. Необходимость в разминировании местности и обеспечение безопасности [10].

3. Постоянные перемещения линии фронта, передвижения большого количества людей и техники, беженцев и военнослужащих.

5. Соккрытие и уничтожение следов преступления оккупационными властями и специальными подразделениями противника, создание ложных путей, убийство свидетелей и уже пойманных подозреваемых [5, с. 208-210, 212-221].

6. Небольшое количество следователей, а также трудности с их материальным обеспечением [8, с. 80, 208-210, 212-221].

Все это, а также другие причины создают сложности в деятельности следственно-оперативных групп, приводят к большому объему работ и постоянному риску утраты доказательств [2]. При этом именно на данном этапе органы предварительного расследования должны зафиксировать наибольшее количество следов преступлений, находясь в ближайшей точке по времени к моменту совершения злодеяний, со-

храня максимум информации о произошедших событиях, которая в будущем может быть уничтожена или искажена действиями времени и природы, противоборствующей стороны или случайный людей.

Наибольшее количество информации о произошедших событиях можно получить с помощью следующих следственных действий: допросов, осмотров мест происшествий, захоронений и документов.

Допросы. Самым распространённым и ценным источником при расследовании на данном этапе будут являться показания потерпевших, свидетелей и подозреваемых. Такими могут являться все, кто находился на занятой противником территории либо в местах линии соприкосновения армий. В связи с большим количеством людей, которых обладают важными для следствия сведениями, необходимо обеспечить возможности для допроса каждого из них, при этом создавая безопасные условия для участников следственного действия. Нужно взаимодействовать с администрациями, создавать списки проживающих на данной территории, создавать и оборудовать места для допроса, выделять на это следователей. В случае, если беженцы уезжают в глубину страны, нужно это фиксировать и поручать их допросы следственным управлениям, находящимся на данных территориях. Необходимо создавать листы экспресс-опроса, причем требуется менять вопросы и тактику в зависимости от местности, на которой до этого находился допрашиваемый, а также его процессуального статуса.

Следует понимать, что определенную сложность будут вызывать и психологические особенности допрашиваемых. Что вызвано тремя основными факторами: вражеская агитация, которая будет создавать неблагоприятный образ сотрудников правоохранительных органов; запугивании населения под угрозой причинения вреда жизни и здоровью допрашиваемому и его родственникам в случае дачи правдивых показаний; в отдельных случаях может быть специальная подготовка допрашиваемых, что позволит им «правильно» реагировать на действия следователей, такая будет у диверсантов, разведчиков, военнослужащих и сотрудников специальных подразделений противоборствующей стороны. В каждом случае следователи должны стремиться обеспечить наиболее благоприятную тактику допроса в соответствии с рекомендациями по проведению допросов, при этом сохраняя человечность и не нарушая требования законодательства. Нельзя допускать желания мести или формального подхода.

При производстве допросов требуется устанавливать наибольшее количество сведений о происходивших событиях. При составление опросных списков и листов экспресс-опроса необходимо получить ин-

формацию по следующим пунктам: данные о личности допрашиваемого и его родственников; периоде нахождения на оккупированных; способе прибытия на неоккупированную территорию; составе населения, к примеру, процентном соотношении этнических или религиозных групп; дислокации военных подразделений противника, оккупационных администраций, полицейский, охранных и иных ведомств; имена совершивших преступлений, звания, должности, ведомственную принадлежность, опознавательные и наградные знаки, использование символики; информацию о проводимых боевых и карательных операций; причинах их проведения; данные о жертвах, очевидцах; местах преступлений и захоронений; и иных обстоятельствах.

Наряду с захоронениями при совершении подобных преступлений часто используются различные способы уничтожения тел погибших [2]. Наиболее часто встречаемым способом будет кремация. В том числе это может производиться уже после захоронения, с извлечением убитых из земли с последующим их сжиганием. Информация, которая способна это подтвердить, может быть получена с помощью показаний свидетелей из местного населения, которые могли видеть клубы дыма, а также чувствовать запахи горения тел. Нужно понимать, что чаще всего сжигание тел осуществляется военнопленными, которые в большинстве случаев в последствии таким же образом уничтожаются.

Полученная информация не только может лечь в основу обвинения в дальнейшем, но и поспособствовать установлению других свидетелей, потерпевших и подозреваемых, а также их месте нахождения, составлению схем, ориентиров и карт местности, на которых были совершены преступления и мест захоронений, орудий убийств, иных следов преступления, и их обнаружению. Данная информация должна фиксироваться в специализированных учетах с возможностями для ее удобного использования в дальнейшем, например, по месту совершения преступлений, времени, лицам, их совершивших, используемому типу оружия, иных обстоятельствах их совершения. При этом указанные учеты должны быть предоставлены как для вышестоящих, так и для периферийных органов следствия.

Осмотры. Особую сложность на первом этапе расследования вызывает производство осмотров. Чаще всего места преступлений и захоронений, документы, орудия преступлений и другие носители информации будут находится под контролем противника. В других случаях они будут подвергаться постоянным артиллерийским обстрелам и минированию. Кроме этого, противник будет регулярно проводить

действия по их уничтожению или сокрытию, пытаться создать ложный путь для следователя или физически уничтожить сотрудника.

Осмотры документов, которые были получены разведкой или в качестве трофеев чаще всего не будут отличаться полнотой данных о месте, времени, способе, данных о жертвах, причинах и прочее. Скорее всего, будет указываться дата написания самого документа, ведомственной принадлежности и количестве пострадавших без указания имен и другой информации, дающей возможности по их установлению. Само количество должно всегда ставиться под сомнение, поскольку есть вероятность, что в некоторых случаях учет вообще не производился. Однако эта информация вместе с другими доказательствами сможет установить сам факт геноцида и причастности руководящего звена. В качестве таковых можно выделить следующие источники: стенограммы заседаний и собраний военного и политического руководства, доклады, приказы, инструкции, выписки из газет, литературы, а сегодня с помощью многочисленных СМИ, интернета и телевиденья.

Более детальную информацию в редких случаях удастся получить с помощью расстрельных книг, журналов оккупационных администраций, временных и постоянных лагерей, которые обязаны их вести в целях логистики, производства, снабжения и охраны оккупационного режима. Однако они будут уничтожаться в первую очередь.

С помощью уже проведенных осмотров, осмотров документов, показаний допрашиваемых и иных источников устанавливается наиболее точная информация о местах совершения преступлений и захоронений, обстоятельствах преступного события. Это позволяет следователям получить наиболее полные представления о том, что требуется найти и зафиксировать, найти наиболее подходящую тактику для осмотра. Помимо этого, вышестоящим руководством должны разрабатываться инструкции и учебные пособия по производству осмотров в подобных случаях [1]. В зависимости от каждого преступного события следы преступления и их местонахождение будет разным. Например, при угоне населения следы в основном будут находиться в крупных логистических центрах, железнодорожные станции, портовые сооружения, и дорожными сетями между ними: жертвы, имеющую принадлежность к разным группам населения, будут иметь различные причины смерти, локализацию повреждений, времени и способе совершения убийства; захоронения будут сравнительно небольшими, в основном, в неподготовленных местах, в значительной степени меньше или вовсе нескрываемыми, при этом определить данные о жертвах будет практи-

чески невозможно. При расследовании фактов геноцида большинство следов будут находиться на близком между собой расстоянии недалеко от оккупационных учреждений, временных и постоянных лагерях; сами жертвы будут чаще всего убиты одним способом, в одно и то же время и месте, с похожей локализацией повреждений и причиной смерти. При использовании запрещенных средств и методов войны будут потерпевшие будут преимущественно из одной социальной группы, сами места преступлений будут иметь большое количество следов, которые будут указывать на тип используемого оружия, его тактико-технические характеристики, цели использования и прочее.

Учитывая вышесказанное, создание инструкций по расследованию каждого типа преступления против мира и безопасности человечества в совокупности с внимательной и ответственной подготовкой к осмотру самого следователя и использованием всей уже полученной информации является необходимостью, в ином случае сотрудники следственных органов будут встречать сложности в процессе поиска и фиксации следов, теряясь в них и не обращая на наиболее нужные, тратя большое количество времени, не зная тактику производства следственных действий[3]. По обнаруженным захоронениям, орудиям, иным предметам и документам при необходимости требуется проводить судебно-медицинские, баллистическое и другие экспертизы при необходимости [4, с. 296]. Следовательно, вблизи следственных органами должны своевременно создаваться экспертные учреждения, при этом обеспечивая безопасность их деятельности.

Более подробно про осмотры мест преступлений и захоронений будет рассказано в дальнейшем.

Второй этап расследования, в период проведения основного судебного заседания

Второй этап является продолжением первого. В ходе его проведения осуществляются заключительные следственные действия, начинается подготовка обвинительных заключений, розыск обвиняемых, а также правовая и организационно-техническая деятельность по созданию суда. Его результатом является оценка действий лиц, занимавших высшие военные и руководящие должности и назначение им справедливого наказания на основе полученной информации во время первого этапа [6, с. 238].

В рамках данного этапа органы предварительного расследования получают большее количество по проведению следственных действий. Несмотря на продолжающуюся опасность для сотрудников, их действия в меньшей степени скованы различными специфическими усло-

виями. В частности, они могут без особых на то препятствий начинать производство допросов подозреваемых и обвиняемых, свободно производить осмотры, а также получают в свое распоряжение большое количество трофейных документов.

В этих целях в основном необходимо производить именно оперативно-розыскные мероприятия, а также взаимодействовать с правоохранительными органами других государств [4, с. 296], что осуществляется через запросы о международной правовой помощи и созданием международных следственно-оперативных групп. Указанные группы должны осуществлять мероприятия по розыску лиц, скрывающихся от уголовного преследования. Следует учитывать, что они будут стремиться скрыться под фальшивыми именами, при этом обладая фактически оригинальными документами и правдоподобными легендами, так как имеют хорошую подготовку и практически свободный доступ типографским учреждениям и учетам государственных учреждений. Следовательно, требуется усиление работы КПП и патрульно-постовых служб, а также активная работа с населением. Информация и о документах, и о лицах может быть добыта в ходе производства допросов, осмотров и иных следственных действий, которые производятся во многом в схожем с первым этапом режиме.

В этот же момент устанавливается более точное количество пострадавших, а также причиненный ущерб для государства и других организаций. Что делается соответствующими специалистами, например, различными сотрудниками администраций, экономистами, искусствоведами и другими. на основании произведенных следственных действий.

Таким образом, на комментируемом этапе в большей степени правоохранительные органы сосредотачивают свою детальность оперативно-розыскных мероприятиях и на подготовке к основному судебному процессу [7, с. 65], где будет дана оценка действиям высшего военного и политического руководства, а также на иных вспомогательных задачах. При этом сами следственные действия по другим уголовным делам не прекращаются, их производство продолжается в том же режиме.

Третий этап расследования, в послевоенных период и до последнего преступления

На третьем этапе правоохранительные органы сосредотачиваются преступлениях, совершенных лицами, занимающих средний и младший офицерский, сержантский и рядовые составы армий, полиции, охранных ведомств, иных государственных служб. Если в первое

время после второго этапа оно имеет небольшое количество различий как в тактике производства следственных действиях, так и в основных способах доказывания, то по пришествию десятилетий происходят сильно заметные изменения работе следственных органов по расследованию произошедших событий.

Третий этап расследования во многом усложняется давностью совершенных преступлений. Многие очевидцы могут уже покинуть наш мир, документы затеряться в многочисленных архивах, места преступлений и захоронений сильно видоизмениться, следы преступлений под влиянием времени исчезнуть.

Возбуждение уголовных дел по подобным преступлениям происходит преимущественно на основании проведенных архивных работ и обнаруженных захоронений.

Архивные работы. В связи с этим наиболее эффективным способом установления обстоятельств, произошедших событий будет заключаться в привлечении большого количества специалистов и экспертов. Среди них особую ценность будут представлять заключения специалистов в области истории, военного дела, поисковых и архивной работ, искусствоведов [9].

Например, историки, специализирующиеся на том или ином историческом периоде, могут указать не только места проведения боевых действий, политическую и военную обстановку на фронтах, но и указать на конкретных лиц, совершавших военные преступления, их должностные функции, систему их взаимодействия между соседними подразделениями, а также вышестоящими штабами и управлениями. Дать сведения о количестве пострадавших. Также они могут предоставить либо помочь поиске архивных документов и предметов, о которых органы предварительного следствия могут и не знать.

Особенную важность будут иметь вынесенные до этого судебные решения, протоколы следственных действий, в которых либо уже будут установлены некоторые факты, либо будут зафиксированы следы преступлений. При их отсутствии требуется поиск архивных документов, которые могут установить направленность совершения преступлений и их обстоятельства, субъектный состав, количество, принадлежность к той или иной социальной группе, данные о личностях жертв, а также местах массовых казней, расстрелов и захоронений.

При работе с такими специалистами следователи должны хорошо осознавать предмет поиска и понимать специфику работы с ними, а также всего расследования. Таким образом, необходимо устанавливать исторический контекст, военную и политическую обстановку, места

дислокации армий, оккупационный администраций, временных и постоянных лагерях, путей передвижения армий и угнанного населения, количестве пострадавших, времени, месте, обстоятельствах, способе и причинах совершенных преступлений. То есть проводить большое количество времени на изучение указанных аспектов.

Также крайне важно устанавливать, кто из свидетелей, потерпевших и подозреваемых жив, а также их родственников. Они могут рассказать об этих событиях. В случае, если это их потомки, то они имеют возможности предоставить следствию их документы, удостоверения, свидетельства, письма, личные дневники и другие вещи, в которых могут быть отражены обстоятельства преступлений.

Осмотры. Собрав подобную информацию и установив места совершения преступлений, нахождения захоронений и орудий и иных предметов преступления, появляются возможности их. При этом наиболее целесообразным способом представляется привлечение поисковых групп, специализирующихся на указанных видах деятельности, имеющих достаточное количество специалистов-поисковиков и специальное оборудование.

Руководители поисковых групп также должны в дальнейшем привлекаться в качестве специалистов. Их показания могут дать необходимые сведения о том, как было определено место, о глубине обнаруженных предметов и тел, имеются ли признаки их сокрытия или уничтожения. По обнаруженным предметам и телам также должны производиться экспертизы. Наиболее распространенными представляются судебно-медицинские, баллистические, ДНК- и искусствоведческие экспертизы, которые позволяют дать информацию о причинах смерти, локализации повреждений, причине и давности смерти, возрасте и принадлежности к той или иной группе населения. Обнаруженные предметы также могут дать сведения о личности потерпевших, времени их захоронения, принадлежности к тем или иным группам, обстоятельствах совершенных злодеяний.

Сами поисковые группы должны учитывать, что места захоронений и преступлений тщательнейшим образом скрывались или уничтожались. К примеру, братские могилы могут находиться в воронках от крупнокалиберных боеприпасов, окопах, противотанковых рвах, котлованах и карьерах, а над телами умерших может быть намеренно раскидан различный мусор: битый кирпич, стекло и бытовой мусор. Это может направить ход поисковых работ по ложному следу либо в принципе помешать установлению места. Поэтому они должны снабжаться картами и схемами местности, фотографиями и другими доку-

ментами, причем как современными, так и тех лет, которые могут указать ориентиры для поиска. При проведении такой деятельности следует использовать наиболее современные специальные средства, поскольку, к примеру, простукивание земли просто не сможет пробить слой мусора.

В частности, сегодня активно используются подобные специальные средства [9]:

- дроны и крадрокоптеры, позволяющие увидеть с высоты общую картину и сориентироваться на видеоизменившейся местности, установив невидные с земли ориентиры;

- георадары, которые могут дать информацию о нарушениях и аномалиях в грунте, которые не будут видны невооруженному глазу;

- обилие глубинных металлодетекторов, обнаруживающие в различные металлические объекты под большим слоем почвы: гильзы, пряжки ремней, портсигары.

При обследовании мест захоронений необходимо проверять не только первый уровень, на котором были обнаружены тела, но и проводить попытки установить, есть ли под ним второй, третий и последующие уровни. Как показывает практика, бывает несколько уровней, каждый из которых может присыпаться землей, мусором или бревнами [9]. Требуется фиксировать позы, в которых они находятся с целью производства дальнейших экспертиз. Также нужно искать предметы и документы, с помощью которых можно установить личность: удостоверения, письма, награды и прочее. В тоже время следует понимать, что многие предметы, принадлежащие убитым, были изъяты. Например, погоны, военные билеты, наградные удостоверения часто отдаются разведывательным учреждениям противника для их анализа и перделки уже своим агентам и диверсантам.

Международное сотрудничество. При расследовании подобных преступлений особую роль будет занимать различные виды международного сотрудничества. Целесообразно создание международных следственных групп, в которых будут принимать участие сотрудники правоохранительных органов нескольких государств [4, с. 296]. В рамках такой деятельности можно быстро и эффективно устанавливать обстоятельства преступлений, исследуя государственные архивы разных стран, а также проводя иные совместные следственные действия. Реализация такой цели также может достигаться с помощью международных запросов о правовой помощи.

При этом основной массив доказательств в любом случае будет оставаться от материалов, уже проведенных до этого судебных процес-

сов и протоколов следственных действий, а также заключений и показаний различных специалистов. Именно исследование уже вынесенных приговоров и архивных документов в наибольшей степени позволяют дать наиболее полную информацию о произошедших событиях, потерпевших и виновных в совершении преступлений против мира и человечества.

Заключение

Несмотря на сложность расследования преступлений против мира и безопасности человечества, правоохранительные органы продолжают устанавливать все новые факты совершенных злодеяний на территории многих субъектов Российской Федерации, а до этого Советского Союза.

Используются наиболее современные специальные средства, помогающие находить многочисленные места захоронений и преступлений. Значительные усилия различных специалистов дают ориентиры для их обнаружения, а также возможности понять тот исторический контекст. Хороший уровень взаимодействия правоохранительных органов и экспертных служб позволяют понять обстоятельства совершенных злодеяний.

Таким образом, реализуются основные цели и задачи уголовного судопроизводства, изобличая виновных, добиваясь их наказания, давая защиту прав и законных интересов родственников, потомков и граждан – погибших и пострадавших в период Великой Отечественной Войны от преступных действий – зверств – вооруженных сил, полицейских и охранных учреждений, а также иных служб и ведомств гитлеровского режима.

В то же время это сохраняет память о подвиге советского народа, который, несмотря на опасность полного уничтожения, смог выстоять и внести основной вклад в Победу на гитлеровской Германии, стран ее союзников и сателлитов. Преступления, совершенные последователями фашизма, не имеют срока давности и должны быть надлежащим образом установлены.

Список использованных источников

1. Инструкциях о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и о порядке определения ущерба, причинённого гражданам СССР и их имуществу вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов и их сообщников // Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР. За июнь 1943 г.

2. О работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР. За март 1943 г.
3. Александр Бастрыкин: украинские националисты готовы на любые жертвы среди мирного населения. URL: <https://crim.sledcom.ru/news/item/1667524> (дата обращения 24.04.2023).
4. Винокуров А. Ю. международно-правовые, теоретические и организационные основы уголовного преследования за совершение военных преступлений в отношении гражданского населения. Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
5. Дель Понте К. Охота: я и военные преступники. М., 2008.
6. Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975.
7. Михайлов Н. О. деятельности канцелярии прокурора МТБЮ // Обозреватель. 2003. № 12.
8. Маликов С. В. Правовые и организационные основы расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта. Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004.
9. Материалы первого и второго судебных заседаний о блокаде Ленинграда: Официальный сайт – URL: <https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/deyatelnost/sudebnye-proczessy> (дата обращения 24.04.2023).
10. Полковник юстиции Котенков рассказал о работе следователей в зоне СВО | Политика | Селдон Новости (myseldon.com): Официальный сайт. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/277737512> (дата обращения 24.04.2023).

**НАУЧНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Материалы XV Международной научно-практической
конференции, 23–24 июня 2023 года (Санкт-Петербург)**

Подписано в печать 26.02.2024.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 20,5.

ООО «Русайнс».
117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 741-46-28.
E-mail: autor@ru-science.com
<http://ru-science.com>